

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ—ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

**АМЕРИКАНСКИЕ ШКОЛЫ ЭМПИРИЧЕСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ**

Москва—2002 г.

Предисловие.

Американская социология в диалоге с современностью.

Перед учебный курс, посвященный классической американской эмпирической социологии прошлого и настоящего. Американская эмпирическая социология—это одна из замечательных глав, далеко еще не завершенная, в развитии науки, принеся подлинную мировую славу этой молодой обществоведческой дисциплине.

Возникнув в середине XIX века во Франции и Англии, социология вскоре наша в США благодатную почву для своего дальнейшего развития.

Урбанизация и индустриализация в широком смысле стали основой становления американской эмпирической социологии. Энергично и поступательно развивавшемуся американскому обществу требовалась эмпирическая социальная наука, способная анализировать общественные процессы и организации, исследовать параметры общественного мнения и измерять емкость рынков сбыта. Все это, а равно и демократические институты американского общества, благоприятствовавшие свободному научному поиску, создали условия для становления эмпирической социологии, вскоре ставшей в США ведущей отраслью обществознания.

В конце XIX века в американских университетах стали открываться факультеты социологии (вначале объединенные с факультетами антропологии или экономики). В 1892 году открылся социологический факультет в Чикагском университете, который вскоре стал интеллектуальным центром, давшим мощный импульс развитию теоретической и прикладной социологии в США. В 1895 году образуется первое крупное профессиональное сообщество американских социологов—Американское социологическое общество (с 1959 года и до сего дня—Американская социологическая ассоциация).

С тех пор авторитет этой социальной науки в США не подвергался сомнениям и не испытывал роковых изломов. Социология глубоко внедрилась в практику университетского преподавания и заняла прочные позиции в прикладных социальных исследованиях различных направлений. Все это не было изолированным явлением, а стало отражением (впрочем, и фактором становления) социологической культуры американского общества в целом. Она характеризуется, но не исчерпывается, широко распространенным признанием того, что как макро-, так и микропроцессы, разворачивающиеся в обществе, в принципе, могут и должны быть научно исследованы, обобщены, а полученное знание

использовано для рационального предсказания будущих феноменов и, главное, их "регулируемости" в рамках либеральных социальных структур. Проще говоря, социологическая культура, столь характерная для американского общества, подразумевает уважение к социальному знанию и убежденность в том, что социальные процессы управляемы демократическим образом.

Подобные декларации признаются повсюду в мире. Но только в ограниченном количестве стран, включая США, они отражают структуры общественного сознания, даже если эти структуры и не носят теоретического характера. Социологическая культура тесно связана в американском сознании с верой в то, что можно назвать "социальным креационизмом", то есть установкой на свободу социального творчества и всемогущее конструктивной деятельности по реформированию общества.

Выдающийся американский социолог Уильям Томас сформулировал этот принцип в лапидарной теоретической формуле, известной под названием "теорема Томаса": "Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях"¹. В "теореме Томаса" нашли свое выражение две важные черты социологии. *Во-первых*, социальная реальность формируется в результате активной деятельности индивидов, "определяющих некоторые ситуации как реальные". И, *во-вторых*, процесс определения, по сути, становится процессом создания этой реальности в контексте "последствий", то есть социальных действий.

В зависимости от того, как носители действия определяют ситуацию, и исходя из своего представления об этой ситуации, они действуют. Причем социальное действие понималось в самом широком смысле этого термина—от индивидуального поступка до общенациональных социальных программ. Поэтому общество, согласно убеждениям американских социологов самых различных направлений, не имеет ограничивающих рамок, стесняющих возникновение новой реальности—институтов, форм поведения, групповых объединений, общественных движений и т.д. Да и сама реальность превращается в "следствие" теоретических представлений об этой ситуации.

Принцип социального творчества, столь ярко выраженный в американской социологической традиции, отвергает социальную пассивность и фатализм. Со всей ясностью на это указал другой выдающийся современный социолог Роберт Мертон: "Только отказ от социального фатализма может разрушить взгляд на природу человека как

¹ Moments of Thought in the Nineteenth Century. Chicago, 1936, p.29.

неизменную, находящуюся в трагическом круге страха и социальных катастроф"².

Социальный конструктивизм неизменно сочетается во взглядах американских социологов (прежде всего структурно-функционалистский и функционалистской школ) с убежденным эволюционизмом, подразумевающим плавное, эволюционное изменение общественных структур, лишенное социальных изломов и катаклизмов. Общество призвано медленно видоизменяться, не нарушая изначальной гармонии, заданной демократическими институтами. В контексте подобных убеждений особую роль во многих школах американской социологии играет принцип интеграции. Со всей ясностью об этом сказал Толкотт Парсонс: "...Социология занимается лишь одним, преимущественно функциональным аспектом социальных систем, а именно изучает структуры и процессы, имеющие отношение к интеграции, включая, конечно, и случаи неудавшейся интеграции, равно как и силы, благоприятствующие интеграции или же препятствующие ей"³.

Продолжая традиции дюркгеймовского социологизма с присущим ему акцентированием "солидарности", структурные функционалисты и функционалисты (прежде всего Р.Мертон) стремятся увидеть в социальных функциях тот самый интегрирующий фактор, который помогает "всех согласить, все сгладить" в современном обществе. И даже Питирим Сорокин, прошедший горнило социальных революций с их обостренной конфликтностью и катастрофизмом, развил учение об универсальном циклизме социокультурных систем, который поглощает на своих высших уровнях все дезинтегрирующие факторы общественного развития.

Конструктивизм, социальный "креационизм" и эволюционизм, в свою очередь, нашли свое отражение в социальном оптимизме, свойственном американской социологии.

Сколь бы критичен и конфликтен ни был анализ общества в целом или его отдельный аспект, американская социальная теория неизменно выдвигает позитивную альтернативу, присутствие которой как бы априорно подразумевается при всех случаях. Сказались ли в этом почти провиденциалистском оптимизме протестанские корни американской культуры в широком смысле этого понятия, или же он диктуется мотивом самозащиты общества и индивида в современных условиях обостренного соревнования за выживание системы, или же мы наблюдаем органичное сочетание того и другого? В любом случае, однако, остается неизменной сама нравственно-идейная окраска американской социологии, при всех обстоятельствах рисующей позитивную перспективу видоизменения

² R.Merton. *Social Theory and Social Structure*. New York-London, 1968, p.490.

³ . Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

социальных структур.

Излишне говорить, что подобное видение общества как совокупности "последствий" принятых решений и теорий в их положительном эволюционном развитии поднимает на большую высоту и саму социологию, которая становится рационализирующей силой социального творчества, фактически ответственной за будущее всего сообщества как целого. Воистину социология в США на определенных этапах своей истории была превращена в "науку всех наук".

Американская социологическая культура, особенно в области прикладных исследований, стала питательной средой для возникновения плеяды выдающихся социологов, которым посвящен данный курс. Каждый из представленных в ней классиков эмпирической социологии не только внес свой вклад в развитие этой науки, но фактически предопределил формирование целой школы, направления в современной прикладной социологии. Поэтому знакомство с их теоретическими взглядами может дать удивительно богатую пищу для размышлений не только в рамках узко трактуемой историко-социологической дисциплины, но и в широком плане—для понимания пути духовной эволюции американской цивилизации, ее прошлом, настоящем и будущем.

Говоря о значении американской социологической культуры, необходимо указать еще одну ее особенность—теснейшую связь с практикой университетского преподавания. Социология—один из основополагающих предметов преподавания в старших классах средних школ, в колледжах и, разумеется, университетах. Весьма симптоматично, что более 200 американских университетов предлагают программы получения высшей, докторской, степени в области социологии. Примечательно и то, что все выдающиеся американские социологи были и превосходными профессорами, воспитавшими целые поколения социологов. В первую очередь в этой связи следует назвать Р.Парка, Дж.Г.Мида, П.Сорокина, Р.Мертон, Д.Рисмена, П.Блау и многих других. Таким образом, формирование социологической культуры, развитие социологических исследований и преподавание социологии представляют собой в США взаимодополняющие грани одно и того же социального феномена.

Закономерное признание высоких достижений американской теоретической и эмпирической социологии не должно лишать нас реалистичности в оценках современного состояния этой науки в США. Объективным фактом стали определенные трудности, которые переживают американские факультеты социологии. Резко сократилось их финансирование за счет внутри- и внеуниверситетских фондов. Наблюдается тенденция падения числа студентов, специализирующихся в области социологии. Некоторые

университеты вообще закрывают социологические факультеты, среди них такое крупное частное учебное заведение, как Рочестерский университет (штат Нью-Йорк). Необычайно разросшееся "древо" университетской социологии с трудом подпитывается экономическими институтами общества.

Все эти, надо думать, временные явления требуют серьезного анализа. Но они ни в какой мере не могут поставить под сомнение выдающихся достижений американских социологов прошлого и настоящего.

В свое время Чарльз Кули—один из прародителей американской классической социологии—выдвинул концепцию "зеркального Я" (looking-glass self), согласно которой индивид составляет представление о своем собственном Я на основании того, как он воспринимается другими индивидами. Это социологическое понятие, ставшее в наши дни хрестоматийным, можно с известными оговорками распространить и на самовосприятие культуры. Американское общество "смотрится" в "зеркало" своей социологии, дабы понять само себя и сформировать свой образ. Предлагаемая вниманию читателей книга позволит взглянуть в это "зеркало" американской социологии и увидеть важнейшие черты американского Я—человека, общества, культуры. Галерея классиков американской социологии несомненно заинтересуют отечественных представителей социальных наук, всех тех, кто стремится расширить свою социологическую культуру.

Цель курса—раскрыть панораму американской эмпирической социологии в ее многообразии и сложности. При построении курса выбран персонифицированный подход, заключающийся в том, чтобы создать галерею портретов крупнейших социологов и таким образом в целом проследить развитие эмпирической социологической мысли в США.

Выбор персоналий для рассмотрения в рамках настоящего курса не претендует на универсальность. Несмотря на то, что в лекциях по возможности будут подчеркиваться и анализироваться "точки соприкосновения" теоретической и эмпирической социологии, целью курса являются собственно методика и практика прикладных социологических исследований.

Глава 1. Ранняя история американской эмпирической социологии

Темы:

- *Социально-исторические условия формирования социологии в США.* Развитие процессов урбанизации в США середины XIX века. Связь ранних социологических исследований с "социальными проблемами" общества. Изначальная эмпирическая направленность американской социологии. Ее связь с нравственной проблематикой, социальным мессианством и реформаторством. Формирование в США широкой потребности в эмпирической социальной науке, опирающейся на систематизированное знание и эмпирические исследования.
- *Предсоциология.* Работа А.Брисбейна "Социальная судьба человека, или Ассоциация и реорганизация промышленности" (1840) как пример ранних эмпирических исследований.
- *Институализация ранней американской социологии.* Образование Американской ассоциации социальных наук (Нью-Йорк, 1862) и начало издания "Обозрения социальной науки". Первый социологический факультет в американском университете—Чикагский университет (1892). Роль Альбиона Смолла в определении эмпирической направленности социологического факультета.
- *Связь ранних социологических исследований с "социальными проблемами" общества.* Изначальная эмпирическая направленность американской социологии. Ее связь с нравственной проблематикой, социальным мессианством и реформаторством. Формирование в США широкой потребности в эмпирической социальной науке опирающейся на систематизированное научное знание и эмпирические исследования.
- *Ранние статистические исследования* под руководством Франклина Гиддингса в Колумбийском университете. Использование Ф.Гиддингсом статистического анализа для прикладных социальных исследований. Первые прикладные исследования по урбанистике в Колумбийском университете.
- *Уильям Самнер и его исследование народных обычаев (Folkways).*
- *Эдвард Росс и прикладные исследования.* Формирование социологической культуры в США, опирающейся на эмпирические исследования.

Литература

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

Converse J.M. Survey research in the United States: roots and emergence, 1890-1960,

Berkley, 1987.

Faris R. American sociology // 20th century sociology. New York, 1945.

House F.N. The development of sociology. New York, 1938.

G.Ritzer. Sociological Theory. N.Y., 2000 (Ch. Early American Sociological Theory).

The social research in historical perspective, 1880-1940 / Ed. By M.Bulmer et al.
Cambridge, 1991.

Темы:

- *Теория социальной экологии и урбанистика*. Роберт Эзра Парк (1864—1944). Традиции позитивистской социологии в теории Парка. Образцы коллективного поведения как предмет социологии. Формирование форм массового поведения и его социобиологическая детерминированность.
- *Глубинный «биотический» уровень социального поведения*. Функции конкуренции и ее многообразные формы. Борьба за выживание, конфликт, адаптация, ассимиляция. Четыре стадии любой социальной организации: экологическая (пространственная, физическая, интеракционистская), экономическая, политическая и культурная. Постепенное продвижение к культурной стадии и ограничение биотической стихии. Достижение ступени "соревновательной кооперации" и "согласия".
- *Понятие общества как взаимодействия*. Социологическое содержание миграции и ее социально-экологическая роль в формировании экономического уровня общественной структуры. Социальный контроль. Социальная маргинальность.
- *Исследование Р.Парка и Э.Берджеса "Город" (1925)*. Социальная экология Парка—основа эмпирических исследований локальных городских сообществ, осуществленных Э.Берджессом и другими представителями Чикагской школы. «Habitat» и сообщество (community). Город как социальная лаборатория. Зонирование. Современные теоретические модели зонирования и урбанистики в целом.

Литература

- Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965.
- Баньковская С.П. Роберт Парк // Современная американская социология. М., 1994.
- Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. Рига. 1991.
- Кон И.С. Позитивизм в социологии. М., 1964.
- Николаев В.Г. Классики теоретической социологии XX века. М., 2001.
- Парк Р. Экология человека. // Теория общества. Под ред. А.Ф.Филиппова. М., 1999.
- Парк Р. Город как социальная лаборатория // Рабочие тетради по теории и истории социологии. М., 1992. Вып. 1.
- Converse J.M. Survey research in the United States: roots and emergence, 1890-1960, Berkley, 1987.
- The Chicago School: the critical assessment, 4 vols. Ed. By R.Plummer, London, 1997.

Park R. and Burgess E. The city. Suggestions for investigation of human behavior in the urban environment. Chicago. 1967.

Platt J. A history of sociological research methods in America, 1920-1960, Cambridge University Press, 1996.

The tradition of the Chicago School of sociology / Ed. By L.Tomasi. London, 1998.

Парк (Park) Роберт Эзра (1864-1944) — американский социолог, один из основателей и признанный лидер Чикагской школы, создатель классического социально-экологического подхода в изучении общества. Работал в Чикагском университете (1913-1933, с 1914 г. — профессор) и в университете Фиск в Нэшвилле, шт. Теннесси (1936-1944). В 1921 г. опубликовал совместно с Бёрджессом «Введение в науку социологии» — учебник, сыгравший огромную роль в развитии социологического образования в США. Основными темами работ Парка (а это, как правило, небольшие по размеру очерки) были природа человеческого общества (в т. ч. современного), город как среда человеческого существования, миграции и их последствия для социальных процессов, расовые и межнациональные отношения, культурная маргинальность, природа СМИ и их роль в современном обществе, массовое поведение и т. д. Основные работы Парка вошли в состав 3-томного собрания его сочинений: «Раса и культура» (1950), «Человеческие сообщества. Город в человеческой экологии» (1952) и «Общество, коллективное поведение, новости и общественное мнение, социология и современное общество» (1955).

Эрнст БЁРДЖЕСС

РОСТ ГОРОДА: ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ*

Выдающимся фактом современного общества является рост больших городов. Нигде необычайные изменения, вызванные в нашей социальной жизни машинной промышленностью, не проявили себя так очевидно, как в городах. В США переход от сельской к городской цивилизации, хотя и начался позже, чем в Европе, происходил если не быстрее и всеохватнее, то уж, во всяком случае, более логично в своих наиболее

* Burgess E. W. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. *The City*. Chicago: The University of Chicago Press, 1925. P. 47-62. Перевод В. Г. Николаева.

характерных формах.

Все сугубо городские проявления современной жизни — небоскреб, подземка, универмаг, ежедневная газета и социальная работа, — вещи типично американские. Менее бросающиеся в глаза изменения в нашей социальной жизни, те, которые в более грубых их проявлениях именуется «социальными проблемами» — проблемами, которые нас тревожат и выводят из себя, такими, как развод, делинквентность, социальные волнения, — проявляются острее всего в наших крупнейших американских городах. Глубокие «разрушительные» силы, вызвавшие эти изменения, измеряются ростом и экспансией городов. Об этом нам говорит сравнительная статистика Вебер, Бюхера и других ученых.

Эти статистические исследования, хотя имеют дело главным образом с последствиями городского роста, предельно рельефно обнажили отличительные черты городских популяций, в противовес сельским. Преобладание женщин над мужчинами в городах, в отличие от сельской местности, больший процент молодежи и людей среднего возраста, более высокая доля уроженцев других стран, растущая профессиональная неоднородность возрастают с ростом города и кардинально меняют его социальную структуру. Эти различия в составе населения служат показателями всех изменений, происходящих в социальной организации сообщества. На самом деле, эти изменения являются частью роста города и указывают на природу этих процессов роста.

Единственным аспектом роста, который адекватно описали Бюхер и Вебер, был довольно-таки очевидный процесс *агрегации* городского населения. Почти столь же очевидный процесс — процесс *экспансии* — был исследован с иной, весьма практической точки зрения группой специалистов, занимавшихся городским планированием, зонированием и региональными обследованиями. Еще более значима по сравнению с растущей плотностью тенденция городского населения становиться избыточным, распространяться вследствие этого на более обширные территории и вовлекать эти территории в более широкую общественную жизнь. В этой статье, следовательно, речь пойдет сначала об экспансии города, а затем о менее известных процессах городского метаболизма и мобильности, тесно связанных с экспансией.

Экспансия как физический рост

С точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований экспансия города рассматривается почти всецело в терминах его физического роста. Транспортные исследования сосредоточились на проблеме развития транспорта в связи с распределением населения по всему городу. Обследования,

проводимые Телефонной компанией Белла и другими службами, пытались предсказать направление и скорость роста города, дабы предвидеть будущий спрос на расширение их услуг. В рамках городского планирования размещение парков и бульваров, расширение проезжей части улиц, забота об административном центре города осуществляются в интересах будущего контроля над физическим развитием города.

К этой территориальной экспансии наших крупнейших городов ныне настойчиво привлекают наше внимание План изучения города Нью-Йорка и его окрестностей и создание Чикагской ассоциации регионального планирования, расширившей метропольный район города до радиуса 50 миль и включившей в него 4000 кв. миль территории. В обоих случаях предпринимается попытка измерить экспансию, дабы справиться с изменениями, сопровождающими рост города. В Англии, где больше половины жителей живут в городах с населением 100 тыс. и более человек, К. Б. Фосетт дает такую живописную оценку влияния городской экспансии на социальную организацию:

«В последние десятилетия одной из самых важных и поразительных особенностей роста городских популяций у более развитых народов мира стало появление огромных городских агрегатов, или конурбаций, превосходящих по размеру и численности великие города любой предшествующей эпохи. Обычно они формировались путем одновременного расширения нескольких соседних городков, которые разрастались навстречу друг другу до тех пор, пока практически не сливались в одну непрерывную городскую территорию. Каждая такая конурбация, вместе с тем, имеет в своих пределах множество центров более плотного городского роста, большинство из которых представляют собой центральные районы тех разных городов, из которых она образовалась. Эти участки большей плотности соединяются менее плотно урбанизированными районами, которые поначалу были пригородами этих городов. Последние все еще, как правило, застраиваются довольно несистематически и часто содержат много открытых пространств.

Эти большие скопления городских обитателей — новая особенность в расселении человека по поверхности планеты. На сегодняшний день имеется от 30 до 40 таких агрегатов, каждый из которых содержит более миллиона человек, тогда как еще столетие назад, если не учитывать крупные центры скопления населения на водных артериях Китая, их было от силы два или три. Такие скопления людей имеют огромную географическую и социальную значимость; они порождают новые проблемы в организации жизни и благосостоянии их жителей, а также в их различных видах деятельности. Немногие из них развили социальное сознание, сопоставимое с их величием, и полностью осознали себя как

группировки людей, имеющих много общих интересов, чувств и мыслей»⁴.

В Европе и Америке тенденция большого города к расширению нашла отражение в понятии «метрополис»; такого рода ареал выходит далеко за политические границы города, а в случае Нью-Йорка и Чикаго даже за пределы штата. Метрополис можно определить как ареал, включающий городскую территорию, обладающую свойством физической смежности, однако ныне он все больше определяется транспортными средствами, позволяющими деловому человеку жить в пригороде Чикаго, а работать в деловом центре, а его жене — совершать покупки в магазине Маршалла Филда и посещать представления гран-опера в Концертном зале.

Экспансия как процесс

Изучением экспансии как процесса еще никто не занимался, хотя материалы для такого исследования и обнаружения разных аспектов этого процесса содержатся в городском планировании, зонировании и региональных обследованиях. Типичные процессы экспансии города, наверное, лучше всего изобразить с помощью ряда концентрических кругов, которые можно пронумеровать, дабы обозначить как последовательно идущие зоны городского расширения, так и типы районов, дифференцирующихся в процессе экспансии.

Рис. 1.

РОСТ ГОРОДА.

На этом рисунке представлена идеальная конструкция свойственных маленькому или большому городу тенденций к радиальному расширению из центрального делового района (на карте он помечен цифрой I). Центральную часть города обычно окружает переходная, или транзитная, зона, в которую проникают бизнес и легкая промышленность (II). Третью зону (III) населяют промышленные рабочие, бежавшие из зоны запустения (II), но желающие жить поближе к месту своей работы. За пределами этой зоны находится «спальная зона» (IV), образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Еще дальше, за пределами самого города, располагается зона пригородов и городов-спутников, находящихся в получасе-часе езды от центрального делового района.

⁴ Fawcett C. B. British Conurbation in 1921 // *Sociological Review*. Vol. XIV (April, 1922). P. 111-112.

Рисунок ясно показывает основной факт экспансии, а именно, тенденцию каждой внутренней зоны расширять свою территорию путем проникновения в следующую внешнюю зону. Этот аспект экспансии можно назвать *сукцессией*, или *последовательностью*; данный процесс был подробно изучен в экологии растений. Если эту схему применить к Чикаго, то все четыре указанные зоны были некогда заключены в пределах внутренней зоны, ставшей ныне деловым районом. Нынешняя зона запустения много лет назад не была зоной, в границах которой сегодня селятся вольнонаемные рабочие; в памяти тысяч жителей Чикаго еще живы воспоминания о том, как в этом районе находились особняки «лучших семей». Вряд ли необходимо добавлять, что ни Чикаго, ни какой-либо другой город не вписываются в полной мере в эту идеальную схему. Она усложняется такими факторами, как прибрежная полоса озера, река Чикаго, железнодорожные линии, исторические факторы размещения промышленности, относительная степень сопротивления сообществ внешним вторжениям и т. д.

Помимо расширения и последовательности, общий процесс экспансии в городском росте включает в себе антагонистические, но вместе с тем взаимно дополняющие друг друга процессы концентрации и децентрализации. Во всех городах имеется естественная тенденция к схождению линий внутренних и внешних транспортных перевозок в центральном деловом районе. В центре каждого крупного города мы ожидаем найти большие универмаги, высотные офисные здания, железнодорожные станции, большие гостиницы, театры, музей изобразительных искусств и городской концертный зал. Вполне естественно и почти неизбежно экономическая, культурная и политическая жизнь оказываются сосредоточены именно здесь. Связь централизации с другими процессами городской жизни можно приблизительно измерить тем фактом, что «Большую Петлю» (центральный деловой район Чикаго) ежедневно посещают более полумиллиона людей. В последнее время в лежащих за пределами города зонах выросли подчиненные деловые центры. Эти «центры-спутники», видимо, представляют собой вовсе не «долгожданное» возрождение прилегающих окрестностей, а скорее вовлечение нескольких локальных сообществ в более широкое экономическое единство. Вчерашний Чикаго, бывший скоплением сельских поселков и иммигрантских колоний, переживает процесс реорганизации и превращения в централизованную децентрализованную систему локальных сообществ, срастающихся в подчиненные деловые районы, над которыми зримо или незримо господствует центральный деловой район. Действительные процессы того, что можно было бы назвать централизованной децентрализацией, изучаются в настоящее время на примере развития торговых сетей, которые служат лишь одной из иллюстраций

изменения, происходящего в самих основаниях городской организации⁵.

Экспансия, как мы уже увидели, связана с физическим ростом города и расширением технических служб, которые сделали городскую жизнь не только сносной, но и удобной, даже приятной. Некоторые из этих основополагающих потребностей городской жизни возможны лишь благодаря колоссальному развитию коммунального существования. Три миллиона людей, живущих в Чикаго, зависят от единой системы водоснабжения, одной гигантской газовой компании и одной огромной электростанции. Между тем, как и большинство других аспектов нашей коммунальной городской жизни, это экономическое сотрудничество представляет собой пример кооперации, в которой нет и доли того «духа сотрудничества», который в ней обычно предполагают. Крупные муниципальные службы являются частью механизации жизни в больших городах и почти или вовсе не имеют значения для социальной организации.

Тем не менее процессы экспансии, и особенно ее темпы, можно изучать не только в физическом росте и развитии бизнеса, но и в вытекающих из них изменениях в социальной организации и личностных типах. Насколько рост города в его физическом и техническом аспектах сопровождается естественной, но адекватной перестройкой в социальной организации? Какой темп экспансии является для города нормальным, т. е. таким, за которым могли бы успешно поспевать управляемые изменения в социальной организации?

Социальная организация и дезорганизация как процессы метаболизма

На эти вопросы, пожалуй, легче всего ответить, если мыслить городской рост как результат организации и дезорганизации, аналогичных анаболическим и катаболическим процессам в метаболизме живого тела. Каким образом индивиды инкорпорируются в жизнь города? Благодаря какому процессу человек становится органической частью своего общества? Естественный процесс усвоения культуры начинается с рождения. Человек рождается в семье, уже приспособленной к социальной среде — в данном случае к современному городу. В качестве естественного прироста населения, наиболее благоприятного для ассимиляции, можно, следовательно, принять преобладание рождаемости над смертностью. Но является ли это нормой для роста города? Определенно,

⁵ См.: Shideler E. H. *The Retail Business Organization as an Index of Community Organization* (готовится к изданию).

современные города повышали и повышают численность своего населения с гораздо более высокой скоростью. Между тем, естественный темп прироста можно использовать как мерилу для расстройств метаболизма, вызываемых любым избыточным приростом, например, расстройств, которые последовали за великим наплывом негров с Юга в северные города после войны. Аналогичным образом, все города демонстрируют отклонения в половозрастном составе от стандартного населения, каковым является население Швеции, не затронутое в последнее время великими волнами эмиграции или иммиграции. Опять-таки, эти заметные отклонения, как, например, любое значительное преобладание мужчин над женщинами или женщин над мужчинами, искаженные численные пропорции детей или взрослых мужчин и женщин в населении, являются симптомами аномалий в социальном метаболизме.

Обычно процессы дезорганизации и организации могут рассматриваться как взаимно связанные друг с другом и как сообща подталкивающие равновесие социального порядка к цели, неявно или определенно трактуемой в качестве прогрессивной. Поскольку дезорганизация ведет к реорганизации и обеспечивает более эффективное приспособление, дезорганизацию мы должны понимать не как патологический, а как нормальный процесс. Дезорганизация как первый шаг к реорганизации установок и поведения почти неизменно становится уделом человека, только что поселившегося в городе. Расставание с привычным, которое зачастую совпадало для него с моральным, нередко сопровождается мучительным душевным конфликтом и переживанием личной потери. Но, пожалуй, чаще всего такое изменение рано или поздно приносит чувство избавления и стремление к новым ориентирам.

В ходе экспансии города совершается процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий. Возникающая в итоге дифференциация космополитического американского города на ареалы, как правило, подчиняется одному образцу, разве что с любопытными незначительными модификациями. В центральном деловом районе или на примыкающей улице располагается «основной костяк» т. н. «бродяжно-богемного района», многолюдный Риальто бездомного странника со Среднего Запада⁶. В зоне запустения, окружающей центральный деловой квартал, всегда можно обнаружить т. н. «трущобы» и «пустыри» с их опустившимися районами нищеты, деградации и нездоровья, а также преисподними

⁶ Исследование этого культурного ареала городской жизни см. в: Anderson N. *The Hobo*. Chicago: University of Chicago Press, 1923.

преступления и порока. В пределах зоны разложения есть и районы доходных домов, чистилище «заблудших душ». Неподалеку имеется Латинский квартал, где обитают творческие и мятежные характеры. Кроме того, трущобы до предела набиты иммигрантскими колониями; тут есть и Гетто, и Маленькая Сицилия, и Греческий городок, и Чайнатаун, где старые мировые традиции причудливо сочетаются с американскими адаптациями. Отсюда выклинивается Черный пояс с его свободной и беспорядочной жизнью. Зона запустения, будучи по своей сути ареалом загнивания и стационарного или сокращающегося населения, является в то же время и зоной регенерации, о чем свидетельствуют душеспасительные миссии, благотворительные учреждения, колонии художников, радикальные центры — все как на подбор одержимые видением нового и лучшего мира.

Следующая зона тоже населена в основном промышленными рабочими и работниками магазинов, но квалифицированными и добившимися успеха. Это ареал второго иммигрантского заселения; обычно здесь селятся иммигранты второго поколения. Это регион бегства из трущобы, *Deutschland* честолюбивой еврейской семьи из Гетто. Ведь *Deutschland* (буквально «Германия») — это название, данное наполовину из зависти, наполовину в насмешку району вне Гетто, где удачливые соседи подражают внешним стандартам жизни немецких евреев. Однако сам обитатель этого ареала, в свою очередь, смотрит с надеждой на внешнюю «Обетованную землю», ее меблированные комнаты в гостиницах или доходных домах, ее «центры-спутники» и районы «неоновых вывесок».

Эта дифференциация на естественные экономические и культурные группировки придает городу его форму и характер. Ведь сегрегация предлагает группе, а тем самым и индивидам, эту группу составляющим, место и роль в целостной организации городской жизни. Сегрегация ограничивает развитие в одних направлениях, но освобождает ему дорогу в других. Эти ареалы тяготеют к акцентировке определенных черт, привлечению и развитию своего особого типа индивидов и, тем самым, к углублению дифференциации.

Разделение труда в городе иллюстрирует точно так же дезорганизацию, реорганизацию и возрастающую дифференциацию. Иммигрант, приехавший из сельских сообществ Европы и Америки, редко привозит с собой экономический навык, имеющий хоть сколь-нибудь весомую ценность в нашей промышленной, коммерческой или профессиональной жизни. Однако произошел любопытный профессиональный отбор на основе национальности, в результате которого у нас есть теперь ирландские полисмены, греческие кафе-мороженое, китайские прачечные, негры-носильщики и бельгийские привратники. Этот отбор можно объяснить скорее расовым темпераментом или

обстоятельствами, нежели экономическими традициями миров, в которых эти иммигранты жили раньше.

Тот факт, что миллион индивидов в Чикаго (996589) успешно работал в 509 официально зарегистрированных родах занятий, а 1000 мужчин и женщин, чьи имена вошли в справочник *Who's Who*, представляли 116 разных профессий, дает некоторое представление о том, как в городе мельчайшая дифференциация профессий «анализирует и просеивает население, разделяя и классифицируя разнородные элементы»⁷. Эти цифры позволяют также представить сложность и запутанность современного промышленного механизма и тонкую сегрегацию и обособление разделившихся экономических групп. С этим экономическим разделением труда тесно связано соответствующее разделение на социальные классы и на культурные и рекреационные группы. Среди этой множественности групп с их различающимися образцами жизни человек находит конгениальный ему социальный мир и — что совершенно неосуществимо в узких границах деревни — может двигаться и жить в абсолютно отдельных и, возможно, даже конфликтующих друг с другом мирах. Личностная дезорганизация может быть всего лишь неудачей в гармонизации канонов поведения двух различных групп.

Если феномены экспансии и метаболизма показывают, что умеренная степень дезорганизации может способствовать и действительно способствует социальной организации, то также они показывают и то, что быстрая городская экспансия сопровождается необычайным ростом заболеваемости, преступности, порока, умопомешательства и самоубийств, а все это примерные показатели социальной дезорганизации. Но каковы показатели причин — в отличие от показателей следствий — расстроенного социального метаболизма города? В качестве критерия уже было предложено взять превышение действительного прироста населения над естественным. Значимость этого прироста заключается в том, что в крупный городской центр вроде Нью-Йорка или Чикаго ежегодно прибывают десятки тысяч иммигрантов. Их проникновение в город обладает эффектом приливной волны, накрывающей сначала иммигрантские колонии и порты прибытия, выталкивающей тысячи их обитателей в следующую зону — и так далее, вплоть до того момента, пока инерционная сила волны не достигнет самой последней городской зоны. Совокупным эффектом становится ускорение экспансии, ускорение развития промышленности и ускорение процесса «захламления и обветшания» в зоне запустения (II). Эти внутренние движения населения становятся все

⁷ Weber A. F. *The Growth of Cities in the Nineteenth Century*. N. Y., 1899. P. 442.

более важными для исследования. Какое движение происходит в городе, и как можно измерить это движение? Классифицировать движение в городе, конечно, легче, чем его измерить. Есть переезд с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение ради отдыха и приключений. Это подводит к вопросу: какой аспект движения важен для изучения изменений в городской жизни? Ответ на этот вопрос непосредственно ведет к проведению важного различия между движением и мобильностью.

Мобильность как пульс сообщества

Само по себе движение не является свидетельством изменения или роста. На самом деле, движение может быть фиксированным и неизменным порядком перемещения, призванным контролировать постоянную ситуацию, например, в случае рутинного движения. Движение, значимое для общества, предполагает изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Изменение движения этого рода называется *мобильностью*. Движение, имеющее рутинный характер, находит свое типичное выражение в работе. Изменение движения, или мобильность, выражается характерным образом в рискованном приключении. Большой город — с его «неоновыми вывесками», торговыми центрами, где торгуют новинками и устраивают дешевые распродажи, дворцами увеселений, подпольным миром порока и преступности, рисками и страхованием жизни и собственности от несчастного случая, кражи и убийства — стал зоной, где до предела возросли дух приключения и опасность, душевный подъем и нервное возбуждение.

Мобильность естественным образом заключает в себе изменение, новый опыт, стимуляцию. Стимуляция вызывает реагирование человека-персоны на те объекты его внешнего окружения, которые дают выражение его желаниям. Для человека-персоны, как и для физического организма, стимуляция является существенным условием роста. Реакция на стимуляцию сохраняет целостность до тех пор, пока остается согласованной *интегральной* реакцией всей личности. Когда реакция становится *сегментарной*, т. е. отделяется от организации личности и не контролируется ею, она стремится стать дезорганизующей или патологической. Именно поэтому стимуляция ради стимуляции, как, например, в неутомимой погоне за наслаждениями, сродни по своей природе пороку.

Мобильность городской жизни со свойственным ей возрастанием числа и интенсивности стимуляций неизбежно сбивает человека с пути и ведет к его деморализации. Ведь существенным элементом общественных нравов и личной нравственности является согласованность — согласованность того типа, какой естествен

для социального контроля в первичной группе. Там, где мобильность достигает наивысшего уровня и, следовательно, полностью рушатся первичные механизмы контроля, как, например, в современном городе в зоне запустения, возникают ареалы деморализации, распущенности и порока.

В наших исследованиях города обнаружилось, что ареалы мобильности являются теми самыми районами, где процветают юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уходы из семьи, разводы, детская беспризорность, порок.

Эти конкретные ситуации показывают, почему мобильность — вероятно, самый лучший индикатор состояния метаболизма города. Мобильность можно рассматривать как «пульс сообщества», причем не просто в метафорическом смысле. Подобно пульсу человеческого тела, этот процесс является отражением и индикатором всех происходящих в сообществе изменений, и его можно разложить на элементы, поддающиеся количественному выражению.

Элементы, входящие в состав мобильности, можно подразделить на две основные категории: (1) состояние изменчивости человека-персоны и (2) число и тип контактов или стимуляций в его внешней среде. Изменчивость городских популяций изменяется вместе с половозрастным составом, а также со степенью оторванности персоны от семьи и от других групп. Все эти факторы можно выразить количественно. Новые стимуляции, на которые реагирует население, можно измерить через изменение движения или возрастание числа контактов. Статистические данные о движении городского населения могут измерить лишь рутину, но возрастание его со скоростью, превышающей темп роста населения, является измерением мобильности. В 1860 г. в Нью-Йорк-Сити трамваи с конной тягой перевезли около 50 млн. пассажиров; в 1890 г. трамваи с электрической тягой (и немногочисленные сохранившиеся трамваи с конной тягой) перевезли около 500 млн. пассажиров; в 1921 г. надземные, подземные, наземные, электрические и паровозные пригородные транспортные линии перевезли в общей сумме более 2,5 млрд. пассажиров⁸. В Чикаго общее годовое число поездок на душу населения (на наземном и надземном транспорте) составляло: в 1890 г. — 164, в 1900 — 215; в 1910 — 320; в 1921 — 338. Кроме того, среднедушевое число поездок в год на пригородных железнодорожных линиях (на электрической и паровой тяге) за период с 1916 по 1921 г. почти удвоилось, с 23 до 41. Не следует упускать из виду и

⁸ Данные взяты в адаптированном виде из книги: Munro W. D. *Municipal Government and Administration*. Vol. II. N. Y., 1923. P. 377.

возросшее пользование автомобилями⁹. Например, число автомобилей в Иллинойсе за период с 1915 по 1923 г. возросло с 131 140 до 833 920¹⁰.

Мобильность может быть измерена не только этими изменениями движения, но и возрастанием числа контактов. В то время как рост населения в Чикаго в 1912-1922 гг. составил менее 25 процентов (23,6%), рост количества писем, доставляемых жителям Чикаго, был вдвое выше (49,6% — с 639 084 196 до 1 038 007 854)¹¹. В 1912 г. в Нью-Йорке на 100 жителей приходилось 8,8 телефона, а в 1922 — уже 16,9. В Бостоне в 1912 г. на 100 жителей приходилось 10,1 телефона, а спустя десять лет — уже 19,5. За то же десятилетие для Чикаго эти цифры выросли с 12,3 до 21,6 на 100 человек¹². Но увеличение пользования телефонами, вероятно, даже важнее, чем рост числа телефонных аппаратов. Количество телефонных звонков в Чикаго возросло с 606 131 928 в 1914 г. до 944 010 586 в 1922 г.¹³; рост составил 55,7%, тогда как население увеличилось только на 13,4%.

Цены на землю, поскольку они отражают движение, дают один из самых чувствительных показателей мобильности. Самые высокие цены на землю в Чикаго находятся в точке наибольшей мобильности в городе — на углу Стейт- и Мэдисон-стрит, в центральном деловом районе Луп («Большая петля»). Подсчеты транспортников показали, что в период пик через юго-западный угол пересечения этих улиц проходят в час 31 000 человек, или 210 000 человек за 16 с половиной часов. На протяжении более десяти лет цены на землю в «Большой петле» удерживались на постоянном уровне, но за это же время выросли вдвое, вчетверо и даже в шесть раз в стратегических секторах «спутниковых деловых центров»¹⁴, и это точный показатель происшедших изменений. Проведенные нами

⁹ *Report of the Chicago Subway and Traction Commission*. P. 81; *Report on a Physical Plan for a Unified Transportation System*. P. 391.

¹⁰ Данные собраны автомобильной промышленностью.

¹¹ Статистические данные отдела почтовых отправок почтовой службы Чикаго.

¹² Рассчитано по данным *Census Estimates for Intercensal Years*.

¹³ Из статистических данных, предоставленных м-ром Р. Джонсоном, диспетчером телефонных линий (Иллинойское отделение Телефонной компании Белла).

¹⁴ За период 1912-1923 гг. цены на землю (за кв. фут) выросли в Бриджпорте с \$600 до \$1250; в районе Дивижн-Эшленд-Милуоки — с \$2000 до \$4500; в «Задворках» — с \$1000 до \$3000; в Инглвуде — с \$2500 до \$8000; на Уилсон-авеню — с \$1000 до \$6000; но упали в «Большой петле» с

исследования показывают, что, по всей видимости, изменения в ценах на землю, особенно там, где они коррелируют с изменениями арендной платы, представляют, пожалуй, лучшую количественную меру мобильности и, стало быть, всех тех изменений, которые происходят в ходе экспансии и роста города.

Я попытался в общих чертах представить ту точку зрения и те методы исследования, которые применяет факультет социологии в своих исследованиях роста города, а именно: описать городскую экспансию в терминах расширения, последовательности и концентрации; определить, как экспансия нарушает метаболизм города, когда дезорганизация берет верх над организацией; и, наконец, определить мобильность и предложить ее как поддающийся точной количественной оценке критерий экспансии и метаболизма, который можно бы было почти буквально рассматривать как пульс сообщества. К слову, этот документ мог бы стать введением к любому из пяти-шести исследовательских проектов, которыми занимается в настоящее время наш факультет¹⁵. Проект, которым занят непосредственно я, представляет собой попытку применить эти методы исследования к поперечному срезу города. Я пытаюсь поместить эту территорию, так сказать, под микроскоп и изучить более детально, ответственно и точно процессы, описанные здесь в самых общих чертах. С этой целью было выбрано еврейское сообщество на западе города. Это сообщество включает т. н. «Гетто», район первого заселения, и Зеленый Дол, или т. н. «Германию», район второго заселения. Этот ареал имеет некоторые очевидные преимущества для такого исследования с точки зрения экспансии, метаболизма и мобильности. Он иллюстрирует тенденцию города к радиальному расширению из делового центра. В настоящее время это относительно гомогенная культурная группа. Зеленый Дол — район, пребывающий в потоке непрерывного изменения, куда все еще прибывает волна мигрантов из Гетто и откуда происходит постоянный отток людей в более желанные районы фешенебельных кварталов. Кроме того, в этом ареале можно изучить, как ожидаемому результату высокого уровня мобильности, а именно социальной и личностной дезорганизации, в немалой степени противодействует эффективная общинная

\$20000 до \$16500.

¹⁵ Nels Anderson, *The Slum: An Area of Deterioration in the Growth of the City*; Ernest R. Mowrer, *Family Disorganization in Chicago*; Walter C. Reckless, *The Natural History of Vice Areas in Chicago*; E. H. Shideler, *The Retail Business Organization as an Index of Business Organization*; F. M. Thrasher, *One Thousand Boys' Gangs in Chicago; a Study of Their Organization and Habitat*; H. W. Zorbaugh, *The Lower North Side; a Study in Community Organization*.

организация еврейского сообщества.

Эмори Стивен БОГАРДУС

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ В ГОРОДЕ*

Несмотря на физическую близость, между жителями города существует социальная дистанция. Всюду в городах недостаток товарищеского чувства и понимания, характеризующий социальную дистанцию, очевиден. Капиталист и профсоюзный активист, осыпая друг друга взаимными обвинениями, проявляют черты социальных дистанций. Богатый землевладелец и люди, проживающие в тесноте и, возможно, антисанитарии его доходных домов, разделены большими социальными дистанциями. Подсобный рабочий и девушка, впервые выходящая в свет, проявляют мало понимания друг друга. Поклон, являющийся городским обычаем, предполагает социальную дистанцию, так как человек редко кланяется равному. Поклон обозначает разницу в статусе и, следовательно, указывает на социальную дистанцию.

Пропась между детьми, выросшими в городе, и их родителями, между детьми, подпавшими под городское влияние, и их старшими, выросшими и воспитанными в деревне, растет. Существование в городах подростковых банд грабителей, высокого уровня юношеской делинквентности и волн преступности является показателем социальной дистанции. Расовые бунты — прежде всего городской феномен, в котором находит выражение социальная дистанция. Когда крупный город описывают как «самое одинокое место» или как «самое необщительное место в мире», это тоже выражение социальной дистанции.

I

Для измерения и интерпретации социальной дистанции был разработан перечень, включающий семь типов социальных взаимоотношений, после чего 60 человек, имеющих подготовку и опыт, попросили проранжировать эти типы по степени проявления в них

* Bogardus E. S. Social distance in the city // Burgess E. W. (ed.) *The urban community. Selected papers from The Proceedings of the American Sociological Society, 1925*. Chicago, Ill.: The University of Chicago Press, 1926. P. 48-54. Перевод В. Г. Николаева.

чувства товарищества и понимания, насколько они обычно в каждом из них присутствуют. Эти социальные отношения с другими, расставленные согласно вердикту этих судей в порядке убывания чувства товарищества и понимания, можно представить как готовности: (1) принять в круг близких родственников по браку; (2) иметь в качестве «друзей»; (3) иметь соседями по улице; (4) принять как коллег по профессии в своей стране; (5) принять как граждан своей страны; (6) принять исключительно как гостей своей страны; (7) полностью выдворить из своей страны.

Затем экспериментальным группам коренных американцев, живущих в городах и составляющих в сумме 450 человек, был предложен список важных расовых и языковых групп, проживающих в Соединенных Штатах. Горожан просили, чтобы они, исходя из первых впечатлений, отметили крестиком то из семи социальных отношений, в котором они готовы бы были принять членов каждой расы (начиная с армян и кончая уэльсцами) — причем не лучших или худших представителей, им известных, а в целом, как класс. Если у человека не возникало сразу каких-либо «реакций», никаких пометок не ставилось.

В итоге, например, армяне и другие расы, такие, как негры, китайцы, индусы и турки, лишь немногими из 450 опрошенных были допущены в первые три из семи социальных отношений, приведенных в перечне, многими были помещены в социальные отношения 4-го и 5-го типов, и значительным числом опрошенных — в социальные отношения 6-го и 7-го типов. С другой стороны, такие расы, как англичане, французы, норвежцы и шотландцы, более или менее свободно допускались в каждое из первых пяти социальных отношений, и не нашлось почти никого, кто поместил бы их в социальные отношения 6-го и 7-го типов.

Когда мы смотрим на эти две группировки (которые для удобства можно назвать *A* и *B*, в приведенном выше порядке), мы видим, что расы группы *B* в социальных отношениях с 450 опрошенными горожанами имеют двойную фору по сравнению с расами группы *A*. Последним дозволены социальные контакты в гораздо меньшем числе социальных отношений, чем расам группы *B*, и, более того, эти ограниченные социальные отношения сопровождаются значительной социальной дистанцией. Возможности ассимиляции, открытые для группы *A*, ощутимо ниже, чем для группы *B*; вероятность возникновения недопонимания, неприязни и конфликта, соответственно, существенно выше.

Изучение расового происхождения 450 опрошенных городских жителей, чьи первые реакции нами фиксировались, показывает, что лишь немногие из них происходили из группы *A*, тогда как 85% претендовали на происхождение из группы *B*; что почти во всех случаях, когда расовые наследственные связи очевидны, социальные дистанции невелики;

и что связи, существующие между наследственной принадлежностью и дистанциями, являются существенными. Там, где расово-наследственные связи отсутствуют, первые реакции обычно сопровождаются большими социальными дистанциями; однако есть довольно много исключений из этого утверждения, и они требуют дальнейшего изучения.

Данные, собираемые в настоящее время у горожан, принадлежащих к иным расам, нежели американская, демонстрируют социально-дистанционные реакции, в принципе аналогичные уже названным, но отличающиеся от них в деталях. Например, если американцы помещают на наибольшую социальную дистанцию турок, то китайцы ставят на большую социальную дистанцию, чем любую другую расу, англичан; так же поступают евреи, поляки и т. д. Почти все считают, что американцы имеют комплекс расового превосходства, и относятся к нему с осуждением.

1. «Будь прокляты эти китайцы душой и телом!» — так на протяжении более чем полувека отзывались о моем невинном народе англичане. Хотя это одна из самых древних и выдающихся христианских наций в мире, она отравила тело и душу китайцев опиумной торговлей. Она продолжает творить это зло с великим упорством. Немыслимо, чтобы сегодня, в наши-то дни, богобоязненная, убежденно христианская нация торговала таким наркотиком! Во всяком человеке я не могу терпеть лицемерия; почему же тогда я должен терпеть его в нации в целом? Приличное общество ставит наркоторговцев вне закона; следовательно, приличная цивилизация должна точно так же ставить вне закона и нации как таковые.

2. Они [белые] боятся неизбежного прогресса рас с темным цветом кожи. Но их предрассудки рождают именно то, с чем они борются. С белой кожей человек может иметь образование, положение в обществе, лучшую работу, более комфортабельный дом. У них больше свободы, чтобы радоваться жизни, не нарываясь постоянно на оскорбления. При наличии свободы им нужна лишь целеустремленность, и тогда для них открываются все двери, которые закрыты для нас.

3. Я сужу о людях не по расе или национальности. Мне важен сам человек; люди нравятся мне или не нравятся в зависимости от того, что я в них нахожу. Но белые люди нравятся мне, пожалуй, меньше всего. Они всегда полны предрассудков и ненависти к другим расам. Они совершенно несправедливы и бесчеловечны, когда дело касается других рас. И что хуже всего, они насаждают свои предрассудки другим.

4. В школе предрассудки не позволили мне закончить последний класс. Когда я голоден, я не могу есть в общественном месте, если хозяином в нем не является кто-то из моего народа. Если я хочу утолить жажду, я не могу пить нигде, кроме как в одном из моих

мест, где никому нет никакого дела до того, как я себя веду и как я выгляжу. Ведь на мое лицо смотрят так, будто я из расы прокаженных или гремучих змей.

5. Мы хотим, чтобы к нам относились как к людям, как к гражданам, имеющим гражданские права. Мы ждем наказания, когда совершаем что-то предосудительное, но хотим быть защищены, когда мы правы. Мы хотим свободы в общественных местах. Вот улица, например, принадлежит обществу; и точно так же все общественные места должны быть открыты для каждого.

II

Чтобы составить более точное представление о том, как меняются расово-дистанционные реакции коренных горожан, был проведен следующий эксперимент (см. таблицу I); он открывает широкое поле для исследований.

ТАБЛИЦА I. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ДИСТАНЦИОННЫХ РЕАКЦИЯХ У 110 ГОРОЖАН-АМЕРИКАНЦЕВ

По отношению к следующим расам (примеры)	Более благоприятно	Менее благоприятно	Отсутствия изменений
Армяне	23	9	78
Китайцы	19	10	81
Немцы	6	34	70
Индусы	3	11	96
Японцы	23	19	68
Мексиканцы	15	22	73
Шотландцы	0	0	110
Турки	1	16	93

Относительно большие числа в 3-ей колонке показывают, что изменения в первых реакциях происходят медленно — медленнее, чем можно было бы думать. С помощью устных интервью были получены материалы, объясняющие эти изменения. Многочисленные случаи «отсутствия изменений» — результат либо отсутствия расовых контактов и соответствующих переживаний, либо обладания настолько прочными

позитивными или негативными установками в отношении разных рас, что привычные реакции прочно прикрепляются ко всем обычным расовым переживаниям. Скорее всего, человек будет обладать такими благоприятными убеждениями относительно собственной расы и такой сильной антипатией по крайней мере к некоторым другим расам, что текущие события никак не будут на них сказываться.

Изменение в сторону «более благоприятной» реакции, которое мы видим в первой колонке, часто оказывается обусловлено приятным опытом личного общения с отдельными представителями соответствующих рас. Если человек прежде имел нейтральную установку, то нескольких таких приятных опытов будет достаточно; но если он имел неблагоприятную установку, то нужно будет много приятных переживаний такого рода для того, чтобы появилось «более благоприятное» мнение.

С другой стороны, например, неприятный опыт общения с единственным армянином быстро изменяет характер первых реакций человека с нейтрального на неблагоприятный. Цифры во второй колонке обычно объясняются одним или несколькими неудачными опытами общения или несколькими негативными отзывами, полученными от других людей. Социально-дистанционные реакции человека меняются в зависимости от неприятного или приятного характера личных переживаний.

III

Анализ профессионального состава 450 горожан, принимавших участие в эксперименте, показывает, что среди них основательно представлены группы бизнесменов, социальных работников и учителей государственных школ. В целом, бизнесмены демонстрируют по отношению почти ко всем расам более сильные социально-дистанционные реакции, нежели социальные работники. В свою очередь, социальные работники демонстрируют более сильные социально-дистанционные реакции, чем школьные учителя. Нужны еще дополнительные данные, хотя полученные недавно данные по родам занятий не изменили наших прежних выводов. По-видимому, каждому роду занятий сопутствуют особые социально-дистанционные реакции, соответствующие особенностям типичного для него опыта. Бизнесмены вовлечены в «приобретательский и направленный на получение прибыли» род занятий, в отличие от социальной работы и преподавания как «дающих и неприбыльных» родов занятий. Социальные переживания, возникающие на базе первого, реже бывающие благоприятными, чем на базе последних, порождают большие социальные дистанции, нежели последние. Социальные работники

общаются прежде всего со взрослыми, тогда как учителя работают с детьми, которые, вероятно, более отзывчивы, и это отчасти объясняет тот факт, что у учителей социально-дистанционные реакции выражены слабее, чем у социальных работников.

IV

Основная значимость социальной дистанции заключена в ее связи с социальным статусом. Так, японские иммигранты полны желанием улучшить свой статус и, как только подворачивается такая возможность, перебираются из «Маленького Токио» в район, занимаемый коренными жителями; но, делая это, они оказываются «не на своем месте». Следовательно, они раздражают людей, желающих сохранения установленного порядка. Тем не менее они более готовы встретить отпор, чем принять низший статус. Дистанция же обычно означает низший статус. Попытки подняться с низших статусных позиций на высшие вызывают преследования и конфликт. При этом возникает вопрос, что выбрать: низший статус и спокойную жизнь (с одной стороны) или признанный статус и конфликт (с другой)?¹⁶

«Вторжение» — вот ключ к пониманию многих социальных дистанций, существующих в городах между коренными жителями и иммигрантами. Пока расы остаются в своих гетто и «маленьких Италиях», с ним «все в порядке», но как только их члены «вторгаются» в «американские» районы (*neighborhoods*), против них немедленно возникают новые социально-дистанционные реакции. Скорость, с которой осуществляется это вторжение, напрямую связана с ростом социально-дистанционных настроений. Аналогичным образом, различие между культурными формами «вторгшихся» и коренных жителей служит показателем вероятного возникновения социально-дистанционных установок. В той степени, в какой коренной житель чувствует, что его статус становится ниже вследствие вторжения в его район или профессиональную группу иммигрантского

¹⁶ Наш национальный *Exclusion Act*, ограничивающий возможности проживания на нашей территории для японцев в целом, истолковывается японцами как понижающий их статус в глазах мира. Они ставят на большую социальную дистанцию по сравнению с европейскими расами, а потому чувствуют себя — как и мы бы себя чувствовали, оказавшись на их месте, — находящимися на низшем уровне. Такое увеличение социальной дистанции законодательными средствами истолковывается как понижение в статусе, а это нечто невыносимое для народа, полного достоинства.

люда, в нем разжигаются социально-дистанционные установки.

Социальная дистанция возникает из поддержания социального статуса, т.е. из *статус-кво* в социальных отношениях. Удерживая других на расстоянии, человек поддерживает свое положение в кругу своих друзей. Потерю почти всего в жизни он переносит легче, чем потерю социального статуса; и отсюда *raison d'être* поддержания социальных дистанций.

Личный статус обычно происходил от силы, и аналогичным образом социальная дистанция устанавливалась силой, войной, обманом и средствами ненавязчивой пропаганды. Статус групп обычно определялся так же. Более того, любая группа или человек, как правило, борются за сохранение статуса, как только его удастся достичь, пусть даже он был приобретен несправедливо. Как правило, они будут бороться за улучшение статуса, хотя, возможно, и не столь прямолинейными средствами. Статус и социальная дистанция ценятся отчасти потому, что за них обычно боролись. Как только статус достигнут, он поддерживается до тех пор, пока кто-нибудь успешно его не оспорит. Но для группы это недостаточно прочное основание, и потому мы находим закрепление статуса и дистанции в законах, процедурах наследования, социально-кастовой системе и нравах, что придает им относительную устойчивость.

Для того, чтобы «преуспеть», житель большого города обычно должен стать «агрессивным», но агрессивность со стороны одного человека или группы часто оказывается посягательством на статус других людей или групп. Поэтому социально-дистанционные реакции сохраняют незавершенный характер. В той степени, в какой город наполнен агрессивными личностями, упрямо рвущимися к успеху, социально-дистанционные установки будут удерживаться в активном состоянии — несмотря на тот факт, что физические дистанции по большей части преодолены.

Лекция 3. Уильям Томас и Флориан Знанецкий—разработка качественных методов исследований

Темы:

- *Методологический инвариант Чикагской школы.* Уильям Томас (1863-1947) и Флориан Знанецкий (1882-1958). Теоретическое и прикладное значение "Теоремы Томаса". Исходные прагматистские позиции У.Томаса и Ф.Знанецкого. Влияние на исследователей социальной концепции Джона Дьюи.
- *Значение концепции культурализма Ф.Знанецкого.* Основные концептуальные категории (социальное действие, социальные отношения, социальные роли, социальные группы). Понятие "человеческого коэффициента".
- *Аналитическая индукция в эмпирическом исследовании.*
- *Метод анализа личных документов.*
- *"Польский крестьянин в Европе и Америке"*—этапное эмпирическое исследование. Использование анализа личной переписки и биографий.
- *Работа с архивными материалами.*
- *Анализ данных легальных институтов* (департаменты социальной помощи, судебные архивы, общественные организации).

Литература

Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Г.М.Андреева. Психология социального познания. М., 2000.

С.П.Баньковская. Чикагская школа в американской социологической теории: от кризисного сознания к стабилизационному // История теоретической социологии. М., 1998.

А.О.Ганжа. Проблема познания социальной реальности в социологической концепции Флориана Знанецкого: методологические основы и понятийный аппарат. М., 2002.

Г.Фотев. Ф.Знанецкий: гуманистическая социология // Современная американская социология. М., 1994.

У.Томас, Ф.Знанецкий. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Ф.Знанецкий. Исходные данные социолога // Американская социологическая мысль. М., 1994.

The Contribution of F.Znaniecki to Sociological Theory. Molano. 1993.

W.Thomas. Primitive Behavior. An introduction to the social science. NY., 1937.

W.Thomas. The Unadjusted Girl: with cases and standpoints for behavior analyses. New Jersey. 1969.

W.Thomas, F.Znaniecki. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago. 1918-1920. (Гл. Методологические заметки и др. главы).

Флориан Знанецкий и Уильям Томас. Совместное исследование «Польский крестьянин в Европе и Америке» проведено и опубликовано американским социологом У.Томасом и польским социальным философом Ф.Знанецким. Оно было начато в 1908г., продолжалось 10 лет, первый том вышел в 1918 г., а последний пятый в 1920 г.

Объектом исследования Томаса и Знанецкого стал определенный класс населения и его связи с обществом. По мнению ученых, изучаемые ими крестьяне находились в промежуточном состоянии, т.к. сохранили еще достаточный потенциал для того, чтобы существовать в традиционных рамках, но в то же время многих из них затронули преобразования на всех уровнях жизнедеятельности. Работа «Польский крестьянин ...» состоит из теоретической части («Методологические заметки») и первичных эмпирических материалов, разбитых на группы и сопровождаемых комментариями.

Томас и Знанецкий считали, что социальная теория может быть адекватной только при условии, если она включает объективные культурные элементы социальной жизни или социальные ценности и субъективные взгляды членов социальной группы или отношения. Задача исследования заключалась в выявлении механизма воздействия группы и общества

на поведение индивида и процесса адаптации индивида к окружающей социальной среде. На основе собранных материалов авторы смоделировали механизмы адаптации индивидов и соответствующую им типологию социальных характеров: мещанский, богемный и творческий.

Авторы считали, что основным методом сбора данных должен быть так называемый метод личных документов. Он включал сбор информации из газет, личных писем, протоколов из залов суда, проповедей, брошюр, издаваемых религиозными организациями и политическими партиями и любые другие материалы, отражающие ментальную, социальную и экономическую жизнь изучаемого класса. Всего было использовано восемь тысяч документов.

Письма без сокращений вошли в издание “Польского крестьянина ...” и были разбиты на семейные серии: церемониальные, информационные, чувственные, литературные, деловые и т.д. Каждая из пятидесяти серий имела теоретическое предисловие и дословный перевод каждого письма на английский, а основные теоретические положения включены в двухсотстраничное введение, описывающее сообщество польских крестьян. Использование личной переписки между эмигрантами в США и их семьями в Польше было направлено на исследование системы организации первичной крестьянской группы и ее частичной эволюции под влиянием индустриализации и миграции.

Томас и Знанецким первыми использовали жизнеописание в качестве первичных данных. В издание вошла автобиография Владека Висневски, которая составила 312 страниц и изобилвала сносками. Авторы сопроводили ее небольшим обобщенным комментарием, в котором дали характеристику личности В.Висневски и отметили основные изменения в его поведении под влиянием социальных условий. На примере этой биографии авторы проиллюстрировали тенденцию к дезорганизации индивида под влиянием быстрого перехода от одной социальной системы к другой.

Анализ материалов журнала «Gazeta Swiateczna» с 1890 по 1920 гг., а также документов бюро по защите эмигрантов позволил авторам проследить изменение связей между членами первичной группы в Польше под влиянием социальной и политической реорганизации. На основе этих материалов исследовались пять проблем: лидерство, образование, пресса, кооперативы, роль крестьянства в жизни нации. Степень и виды социальной дезорганизации (деморализация, экономическая зависимость, разрушение семейных традиций, преступность) исследовались с помощью материалов из социальных департаментов, судебных архивов, польско-американских организаций.

Несмотря на сложность использования предложенного Томасом и Знанецким метода личных документов, он пользовался большой популярностью в течение многих десятилетий. Для своего времени работа «Польский крестьянин ...» стала сильным толчком для развития методов эмпирической социологии и ознаменовала собой отход социологии от абстрактного теоретизирования к осмыслению эмпирических данных. Наибольшее развитие метод личных документов получил в Польше, что обусловлено научным влиянием и авторитетом Знанецкого у себя на родине. Именно в этой стране был отработан и широко использовался механизм сбора биографических материалов, основанный на организации конкурсов.

Основные работы У.Томаса: *Primitive Behavior, an Introduction to the Social Sciences*. New York: McGraw-Hill book company. 1937; *The Unadjusted Girl; with cases and standpoint for behavior analysis*. New Jersey: Patterson Smith. 1969.

Основные работы Ф.Знанецкого: *Cultural Reality*. Chicago: University of Chicago Press. 1919; *The Method of Sociology*. New York: Farrar & Rinehart. 1934; *Social Actions*. New York: Farrar & Rinehart. 1936; *The Social Role of the Man of Knowledge*. New York: Columbia University Press. 1940; *Cultural Sciences. Their Origin and Development*. Urbana: University of Illinois Press. 1952; *Social Relations and Social Roles*. San Francisco: Chandler Pub. 1965; *Humanizm i poznanie*. Warsaw: Przegląd Filozoficzny. 1912.

Сокращенный перевод работы «Польский крестьянин ...» по изданию Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, Ill.: The University of Chicago Press. 1918-1920. V.1. стр.20-121.

Если мы попытаемся определить объект и метод исследований социальной науки, отвечающие требованиям общественной практики, то станет ясно, что основным объектом такой науки является современное развитое общество в его полном развитии и во всей сложности возникающих перед ним проблем. Здесь, как в любой другой науке, определенная масса материала становится значимой в случае, когда мы можем свободно пользоваться сравнением для отделения существенного от случайного, простого от сложного, первичного от вторичного. К счастью, общественная жизнь предоставляет хорошие условия для сравнительного анализа, особенно на современном этапе развития, когда в мире сосуществуют цивилизованные общества, в достаточной мере сходные по своим фундаментальным культурным проблемам. В то же время существуют нации различные по своим традициям, обычаям и общему духу, что делает сравнение плодотворным. Из числа развитых обществ мы не должны исключать народы с другим

цветом кожи и общества неевропейского типа, например, китайское общество, где и организация, и социальные установки имеют существенные отличия. Эти общества представляют для нас интерес с точки зрения социальных экспериментов, а также как ситуации, с которыми нам придется сталкиваться в будущем ...

Другой момент, на котором следует остановиться, говоря об объекте исследования социальной теории, - это необходимость рассмотрения жизни данного общества в целом, во всей ее полноте, а не останавливаться на произвольно отобранных и изолированных группах явлений... Эту ошибку обычно совершают литераторы, журналисты, путешественники, популярные психологи и т.д. В описании конкретного общества они выбирают наиболее рельефные ситуации, наиболее очевидные проблемы, пытаясь с их помощью охарактеризовать жизнь данной группы. Эта попытка наносит еще больший вред развитию науки, когда в ходе сравнительных социологических исследований различные институты, концепции, мифы, юридические или нравственные нормы, формы искусства и тому подобные вещи изучаются только как сравнение содержания, которое придается им в разных обществах и не рассматривается вся полнота их значения для конкретной культурной среды, то есть не приравнивается к значимости подобных явлений в иных обществах. Мы все более или менее повинны в этой ошибке, но нам приятно сознавать, что этим особенно грешит Герберт Спенсер ...

Если социальная теория становится основой социальных методов и берется за решение проблем, то, очевидно, она должна использовать оба задействованных в них типа данных, а именно, объективно существующие культурные элементы общественной жизни и субъективные характеристики членов социальной группы, при этом два вида данных должны рассматриваться во взаимосвязи. Для этих данных мы будем здесь и далее использовать термины "социальные ценности" и "социальные установки" или просто "ценности" и "установки"...

Под социальной ценностью мы понимаем любую данность (любой факт), обладающую для членов некоторой социальной группы эмпирическим содержанием и значением, по отношению к которому она является или может являться объектом деятельности. Например, такие вещи как продукты питания, уголь, инструмент, монета, стихотворение, университет, миф и научная теория являются социальными ценностями. Каждая из них имеет содержание. Оно либо осязаемое (в случае продуктов питания, угля, инструмента и монеты), либо чувственное и частично воображаемое (как в случае стихотворения, содержание которого конструируется не только из написанных и произнесенных слов, но также и тех образов, которые они порождают). Значение этих

ценностей становится ясным, когда мы рассматриваем их в связи с другими действиями людей. К примеру, значение пищи состоит в отношении к возможному ее потреблению; назначение инструмента - в его отношении к работе, для проведения которой он был создан... Социальная ценность, таким образом, противоположна естественной вещи, которая имеет содержание, но как часть природы не имеет значения для человеческой деятельности и считается «бесценностной»; приобретая значение, естественная вещь (предмет) становится социальной ценностью. Естественно, социальная ценность может иметь много значений, соотносясь с разными видами деятельности.

Под социальной установкой мы понимаем процесс индивидуального сознания, который определяет реальную или возможную активность индивида в социальном мире. Так, чувство голода, заставляющее потреблять пищу; решение рабочего воспользоваться инструментом; ... интерес в создании, понимании или в применении научной теории, а также заключенный в ней мысленный образ – это социальные установки ...

Социальная установка является своеобразным двойником социальной ценности в личностном аспекте, а деятельность, в какой бы форме она не осуществлялась - это всегда связующее звено между ними. Через свое отношение к деятельности и тем самым к индивидуальному сознанию ценность отлична от естественного предмета. Социальная установка отличается от физического состояния через свое отношение к деятельности и тем самым к социальному миру. В приведенных выше примерах об идеях и желаниях мы использовали слова, которые стали терминами психологии личности. Здесь они абстрагированы от объективной социальной действительности, несмотря на то, что они изначально были предназначены для выражения социальных установок, а не психологических процессов. Психологический процесс представляет собой установку, рассматриваемую как вещь (объект) в себе, изолированную рефлексивным актом внимания и взятую, в первую очередь, во взаимосвязи с другими состояниями этого же индивида. Социальная установка это психологический процесс, рассматриваемый в его проявлении по отношению к социальному миру и взятый, в первую очередь, в связи с некоторой социальной ценностью. Индивидуальная психология может впоследствии восстановить связь между психологическим процессом и объективным миром, которая была разорвана этой рефлексией; она может изучать психологический процесс в его обусловленности событиями и фактами внешнего мира. Таким же образом социальная теория может впоследствии связать воедино разные сознательные установки индивида и определить его социальный характер.

Сегодня во всех науках, имеющих дело с такими отдельными областями человеческой культуры, как язык, наука, экономика установки подчинены ценностям. Эта точка зрения является результатом специализации этих наук на изучении определенных классов культурных ценностей. Для искусствоведа или экономиста установка важна и принимается к рассмотрению, так как она проявляется в изменениях, которые охватывают сферу эстетических или экономических ценностей. Она определяется им исключительно с учетом этих изменений, то есть априорно существующего комплекса объективной информации, в отношении которого действует установка, и по объективным результатам этой деятельности. В условиях отсутствия отдельного класса культурных ценностей как предмета изучения в иной науке и оснований для восприятия этих ценностей в рамках социальной теории, невозможно рассматривать науку с точки зрения, заключающейся в подчинении установок ценностям. Это привело бы к бесполезному дублированию существующих наук ...

При изучении жизни конкретной социальной группы, мы выделяем очень важный аспект этой жизни, который социальная психология не в состоянии адекватно описать, и который не является собственным объектом ни одной науки. Этот аспект интересовал многих исследователей последние пятьдесят лет. Некоторые социальные установки, существующие в группе, проявляют себя только через индивидуальные действия - единообразные и многообразные, изолированные и взаимосвязанные. Но есть и другие установки, которые обычно, выражаются в действиях, и кроме непосредственного проявления находят также косвенное выражение в более или менее определенных, формальных правилах поведения. Посредством этих правил поведения группа старается поддерживать, регулировать, делать наиболее общими и распространенными определенные типы действия своих членов. Эти правила - обычаи и ритуалы, юридические и образовательные нормы, обязательные верования и т.д. - представляют двойственный интерес. Мы можем относиться к ним и как к действиям, и как к проявлениям установок, можем рассматривать в качестве указания на то, что раз группа нуждается в действиях определенного вида, что установка, проявляемая в этих действиях, разделяется всеми, кто придерживается этих правил. Если правило сознательно считается обязательным и требует определенной адаптации, оно имеет для каждого индивида группы определенное содержание, значение и ценность. Более того, отношение к действию индивида со стороны группы или даже его самого относительно того, соответствует или не соответствует это действие правилу, само по себе также становится ценностью, в которую развивается установка на положительную или отрицательную оценку. Правила и действия,

рассматриваемые не с точки зрения установок, выраженных в них, а с точки зрения установок их вызвавших, очень похожи на другие ценности - экономические, художественные, научные, религиозные и т.д. Такие ценности не могут быть предметом исследования социальной психологии; они образуют особую группу объективных культурных данных наряду со специальными областями других наук о культуре, таких как экономика, теория искусства, филология и т.д. Правила поведения и действия, рассматриваемые с точки зрения их соответствия или несоответствия этим правилам, образуют некоторое количество связанных и гармоничных систем, которые, в общем смысле, можно назвать *социальными институтами*, а совокупность институтов, обнаруживаемая в конкретной социальной группе, составляет социальную организацию этой группы. При изучении социальной организации как таковой мы должны подчинять личностные установки социальным ценностям, как мы делаем это в других специальных науках о культуре, то есть социальные установки имеют для нас значение, только если они изменяют правила поведения и оказывают влияние на социальные институты.

Социология, как теория социальной организации, является особой наукой о культуре, подобной экономике и филологии. Она противопоставляется социальной психологии как общей науке о субъективной стороне культуры. Основопологающим фактором, как социологии, так и социальной психологии являются ценности, которые черпают подлинную сущность, способность оказывать влияние на жизнь людей из социальных установок, выраженных в них. Если человек в своем поведении в большой степени руководствуется правилами, преобладающими в данной группе, то это, безусловно, не вызвано ни рациональностью самих правил, ни теми физическими последствиями, к которым может привести их выполнение или нарушение. Такое поведение определяется пониманием того, что такие правила представляют социальные установки группы, а также пониманием тех социальных последствий, к которым приведет их выполнение или нарушение. Поэтому и к социальной психологии, и к социологии применим общий термин "социальная теория", поскольку и та и другая рассматривает взаимоотношения индивида и конкретной социальной группы, не смотря на то, что их подходы к общей сфере исследования довольно разные, а сами области исследования различны по объему. Социальная психология включает в себя установки индивида по отношению ко всем культурным ценностям данной социальной группы, а социология может изучать только один тип этих ценностей - социальные правила - в их связи с социальными установками индивидов.

Главная ошибка социальной практики и социальной теории состояла в том, что они определяли - сознательно или нет - социальные явления как не подчиняющиеся каким бы то ни было законам. Явным или неявным предположением было то, что социальное явление считалось состоящим из двух элементов - причины, представляющей собой социальное явление или единичный акт, и следствия – также единичного акта или социального явления. Слепо следуя примеру естественных наук, которые всегда стремятся определить единственное явление, являющееся необходимым и достаточным условием другого явления, социальная теория и социальная практика забыли об одном существенном различии между природной и социальной действительностью. Оно состоит в том, что если следствие природного феномена полностью зависит от его объективной физической природы и может быть просчитано на основе его эмпирического содержания, то следствие социального феномена зависит, кроме того, еще и от субъективной точки зрения, которой придерживаются по отношению к этому явлению индивиды или группа. Оно может быть просчитано, если нам известно не только объективное содержание предполагаемой причины, но также и то значение, которое она имеет в данный момент для данных сознательных существ.

Простой и широко известный факт подтверждает зависимость социальных результатов индивидуальной деятельности от самого действия, но и от социальных условий, в которых оно выполняется, следовательно причина социальных изменений должна включать как индивидуальные, так и социальные элементы. Игнорируя это обстоятельство, социальная теория сталкивается с бесконечно сложной задачей при необходимости объяснять простейшее социальное изменение, так как одинаковое действие в разных социальных условиях порождает совершенно разные результаты.

Социология и социальная психология имеют общий методологический принцип, без которого они никогда не достигнут научного объяснения. Можно сформулировать его следующим образом: причиной социального или индивидуального феномена никогда не бывает только социальный или индивидуальный феномен, но всегда комбинация социальных и индивидуальных явлений. Или другими словами: причиной ценности или социальной установки никогда не является или только установка, или только ценность, но всегда комбинация ценности и установки.

Ситуация представляет собой набор социальных ценностей и установок, с которыми индивид или группа имеют дело в процессе деятельности, и по отношению к которым планируется деятельность и оцениваются результаты. Каждая конкретная деятельность представляет собой разрешение некоторой ситуации. Определение ситуации включает в

себя данные трех видов: 1) Объективные условия, в которых должен действовать индивид или общество, то есть все множество экономических, социальных, религиозных, интеллектуальных и иных ценностей, которые в данный момент прямо или косвенно воздействуют на сознание индивида или группы; 2) Существовавшие ранее установки индивида или группы, которые в данный момент оказывают фактическое воздействие на поведение. 3) Определение ситуации, то есть более или менее ясное представление об условиях и осознание установок. Определение ситуации обязательно должно предшествовать любому волевому акту, поэтому в конкретных условиях и при конкретном наборе установок оказывается возможным бесконечное разнообразие действий. Какое-то определенное действие может произойти только в том случае, если условия будут собраны вместе, истолкованы и определенным образом объединены, при этом будет достигнута определенная систематизация установок, в которой одна из них станет доминирующей и подчинит себе другие...

В наших рассуждениях мы исходим из того, что если выработаны адекватные методы, то можно создать любые желаемые установки и ценности, но это предположение будет практически оправдано только в том случае, если мы сможем обнаружить у индивида установки, в обязательном порядке реагирующие на те стимулы, которые в состоянии создать для него общество. У каждого индивида имеются разнообразные желания, удовлетворяемые только при условии его включения в общество. Среди этих желаний можно назвать следующие: 1) желание нового опыта, добавочных возбуждений; 2) желание признания, включающее, например, сексуальный отклик и общее социальное признание, обеспечиваемое разными способами, начиная с рисунка орнамента и кончая демонстрацией своих научных достижений; 3) желание властвовать (чему служат примером собственность, домашняя тирания, политический деспотизм), основанное на инстинкте ненависти, но могущее возвыситься до похвального честолюбия; 4) желание безопасности, основанное на инстинкте страха, чему служат негативным примером отчаяние индивида, находящегося в постоянном одиночестве или в ситуации социального табу. Общество на самом деле подавляет многие желания индивида; оно требует от него соблюдения норм морали посредством подавления, по крайней мере, тех желаний, которые несовместимы с благосостоянием группы, но, тем не менее, оно представляет собой единственную среду, в которой могут быть реализованы планы индивида и удовлетворены его желания.

В этой работе мы пользуемся таким индуктивным методом, который практически полностью отсекает произвольные утверждения. В ее основе лежат конкретные материалы, и только в их отборе можно отметить некоторую избирательность. Но даже здесь мы

пытались действовать как можно более осторожно. Помещенные в двух первых томах личные письма требовали очень аккуратной сортировки. Наша задача ограничивалась исключением тех писем, в которых не было ничего, кроме повторения ситуаций и установок, более полно раскрытых в материалах, уже включенных в публикацию. В последующих томах отбор может быть более жесткий, так как можно руководствоваться выводами, полученными в первых томах.

Анализ социальных установок и характерных особенностей, который дан в примечаниях к письмам и во введениях к отдельным разделам, не содержит ничего принципиально нового по сравнению с самими материалами. Задача этого анализа состоит лишь в том, чтобы показать аналогии и зависимости и проинтерпретировать эти материалы в отношении того социального фона, на котором они возникают. Наше знание польского общества помогает нам отбирать ту информацию и те отношения, которые, возможно, не были бы обнаружены незнакомыми непосредственно с жизнью группы...

Общий характер работы состоит в систематизации и классификации социальных установок и ценностей, господствующих в конкретной группе. Каждая установка и ценность, как мы уже говорили выше, может быть понята только в контексте всей социальной жизни, элементами которой они являются, поэтому это единственный метод, дающий нам полное и систематическое представление о всей сложности социальной жизни...

Выбирая монографический метод для настоящей работы и настаивая на подготовке в дальнейшем больших массивов информации, представляющих жизнь различных социальных групп, мы не отвергаем и другой подход, а именно изучение конкретных проблем, изолированных аспектов социальной жизни. Не надо ждать, пока все общества будут монографически изучены во всей их конкретике, чтобы начать сравнительное изучение отдельных проблем. Действительно, изучение отдельного общества в том виде, как это сделали мы, часто бывает достаточно для того, чтобы показать какую роль играет определенный класс явлений во всей жизни группы и помочь нам выделить этот класс из всего социального контекста, не упуская каких бы то ни было существенных взаимодействий, существующих между явлениями этого класса и другими явлениями. Затем мы можем использовать эти знания для выделения соответствующих групп явлений в других обществах в качестве объекта сравнительного исследования.

С помощью приведенных ниже примеров мы обращаем внимание на некоторые проблемы, вставшие перед нами при изучении польского общества, и наше исследование может стать хорошей отправной точкой для их анализа.

1. Проблема индивидуализации. Насколько индивидуализация совместима с социальной сплоченностью? Какие формы индивидуализации могут считаться социально полезными, а какие социально вредными?

Мы пришли к заключению, что индивидуализация представляет собой промежуточную стадию между формами социальной организации; что ее социальная полезность связана с ее более или менее конструктивным характером, то есть с тем, ведет ли она действительно к новой организации, и помогает ли последняя социальной группе противостоять дезинтегрирующим воздействиям; и что, наконец, организация, основанная на сознательной кооперации при наличии общей цели, наиболее совместима с индивидуализмом.

2. Проблема эффективности. Отношения индивидуальной и социальной эффективности. Зависимость эффективности от индивидуальных установок и от форм социальной организации.

Во многих областях деятельности в польском обществе присутствует большой разброс индивидуальной эффективности при относительно низком уровне социальной эффективности. Мы пришли к выводу, что оба эти явления связаны с отсутствием достаточно устойчивых и развитых форм социальной организации, что является результатом утраты независимости. При таких условиях индивидуальная эффективность гораздо больше зависит от личных установок, чем от социальных условий. Индивид может добиться высокой эффективности потому, что в любой избранной сфере деятельности присутствует мало сдерживающих факторов, но он может быть и очень неэффективным, так как мало что подталкивает его и помогает ему. В таких условиях общий социальный результат индивидуальной деятельности относительно низок, так как социальная эффективность зависит не только от средней индивидуальной эффективности индивидов, образующих группу, но и от более или менее совершенной организации индивидуальных усилий. И здесь использование полученных выводов к изучению других обществ может привести к важным открытиям в этой области, открывая пути примирения высокой индивидуальной и общественной эффективностей.

3. Проблема аномалий - преступности, бродяжничества, проституции, алкоголизма и другие. Являются ли аномалии проявлением врожденных склонностей индивида или они порождение социальных условий?

Священники в Польше придерживаются мнения, что не бывает неисправимых людей, так как на всех можно оказывать умелое и постоянное воздействие с привлечением всех социальных факторов - солидарности семьи, общественного мнения членов

сообщества, религиозных, магических, экономических и интеллектуальных мотивов и других. Поскольку мы изучаем аномальные и нормальные установки в совокупности, а не изолировано и признаем факт, что индивид может быть полностью понят и контролироваться только в том случае, если принимаются во внимание все воздействия среды, то мы не можем не думать, что аномалии являются в основном, если не полностью, результатом несовершенной социальной организации. Вряд ли существует хотя бы одна человеческая установка, которая, если ее надлежащим образом направлять и контролировать, не могла бы быть использована в общественно-полезных целях.

4. Проблема занятости. Современные разделение и организация труда приводят к большому росту распространения профессий, почти полностью лишенных стимулов к труду и потому представляющих небольшой интерес для работающих... Современная промышленная организация приводит к развитию типа человека, до известной степени столь же аномального, как противоположный тип личности - преступник и бродяга, который находит профессиональные стимулы и интерес в деятельности, разрушительной для социального порядка. Если последний вид аномалии представляет непосредственную опасность для состояния общества, то первый - более опасен с точки зрения будущего, так как ведет к определенной постепенной деградации человеческого типа.

Хорошо известно, что современная организация труда почти полностью основана на преобладании экономического интереса, то есть на стремлении произвести или овладеть наибольшим возможным количеством экономических ценностей, потому ли что эти интересы действительно универсальны и преобладают или потому, что им легче выразить себя через социальную организацию - этот вопрос еще ждет анализа... Экономические интересы представляют собой только один класс социальных установок человека, и каждая установка может быть изменена при помощи адекватного социального метода. Интерес к содержанию труда часто бывает сильнее, чем интерес к экономическому результату труда, и часто находит свое объективное выражение несмотря на то, что в современной социальной организации мало для этого места. Так как каждая установка влияет на социальные институты, мы можем ожидать, что при помощи социальных методов организация и разделение труда, основанные на профессиональном интересе, могут постепенно заменить современную организацию, основанную на требованиях экономической производительности.

5. Отношения между полами. Среди многих проблем, попадающих в этот раздел, две кажутся нам наиболее важными. Первая - главным образом, имеет социально-психологический характер, вторая - социологический: 1) Как достичь в

отношениях между полами максимального взаимодействия при минимальном нарушении личных интересов? 2) Как влияют различные системы отношений между мужчиной и женщиной на общую социальную эффективность группы? ...

Что касается взаимодействия, то среди польских крестьян мы обнаруживаем, что помы одинаково зависят друг от друга, хотя они носят довольно ограниченный и неромантический характер, однако взаимодействие поддерживается ценой полного подчинения их личностей групповым интересам. Когда начинается развитие личных интересов, эта изначальная гармония нарушается и это особенно заметно среди иммигрантов в Америке, где дисгармония нередко приводит к полной и окончательной дезорганизации семейной жизни. В настоящее время не представляется выход из этого положения. В этом отношении ситуация в среде польских крестьян может дать много интересного для понимания общей ситуации в культурных классах современного общества. Разница между этими двумя ситуациями состоит в том, что у крестьян и мужчины, и женщина почти одновременно стали развивать личные потребности, в то время как в культурных обществах личные потребности мужчины были развиты и в большей степени удовлетворены давно, и, таким образом, проблема почти полностью ограничена положением женщин. Ситуации, однако, аналогичны в трудностях поиска решения.

6. Проблема социального счастья. По этому поводу мы вряд ли можем предложить что-либо позитивное. Очевидно, что и отношения полов, и экономическая ситуация составляют основные условия человеческого счастья, в смысле его создания и нарушения. В любом случае до настоящего времени не было сказано ничего значительного по поводу счастья, особенно если мы сравним это с огромным материалом, который был собран, и бесчисленными важными мыслями, высказанными по поводу несчастья. Мы полагаем, что проблема заслуживает особого рассмотрения как с теоретической, так и практической точек зрения, и что социологический метод, описанный выше, дает наиболее надежный подход.

7. Проблема расовых (национальных) и культурных конфликтов. Возможно, ни одно общество не может дать таких интересных социологических свидетельств для изучения этой проблемы, как польское. Окруженная государствами, находящимися на разной стадии культурного развития ... Польша сражается в настоящее время за сохранение своего расового и культурного статуса. Эта борьба принимает самые разнообразные формы: самооборона против репрессивных мер, провозглашенных Россией и Германией в интересах соответственно своих рас и культур; самозащита против мирного

вторжения австрийской культуры в Галицию; проблема ассимиляции иностранных поселенцев - немцев или русских; мирная пропаганда и усилия по сохранению превосходства польской культуры на большом пространстве между Балтийскими и Черным морями. Все эти методы борьбы приводят к развитию большого разнообразия установок.

Сама по себе проблема очень важная, особенно учитывая, что и настоящая война есть война рас и культур, которая стала войной из-за того, что расы и культуры выразили себя в форме государственной организации. Борьба рас и культур является главным фактором современной исторической жизни, и она принимает форму войны, когда использует в качестве средств современные формы государственной организации. Для того, чтобы прекратить войну, необходимо или прекратить борьбу рас и культур посредством введения новых схем социальных установок и ценностей, или привести на смену национальному государству как инструменту культурной экспансии какой-то новый тип организации.

8. Тесно связана с предыдущей проблема идеальной организации культуры. Это известная социологическая проблема, лежащая на границе между теорией и практикой. Существует ли одна совершенная форма организации, которая соединила бы яркий индивидуализм и сильную социальную сплоченность, которая исключила бы все аномалии, используя все склонности человека, которая достигла бы гармонии высочайшей эффективности и высочайшего счастья? ... Вероятно существует много форм совершенной организации общества, и так как невозможно преодолеть различия в национальных культурах, каждая нация должна просто постараться привести свою собственную систему в состояние наибольшего совершенства, извлекая пользу из опыта других, но не подражая им. В этом случае прекращение борьбы государств и наций может быть положено путем признания их ценности для мира, а не путем разрушения национальных различий. Каково бы ни было решение этой проблемы, очевидно, что единственным способом ее решения является систематическое социологическое исследование разных культур, пример которого дан в наших заметках и во вступлениях к основным частям данной работы.

Введение к первой части

Крестьянская семья

В общих чертах польская крестьянская семья представляет собой социальную группу, включающую все виды кровно- и законодательно-родственных отношений, обычно ограничивающихся четвертым уровнем. В более узком понимании: семья это супружеская пара с детьми, которую иногда называют «брачной группой». Эти две

концепции – семейная группа и брачная группа – необходимы для понимания жизни семьи.

Получается, что не идея общего происхождения устанавливает единство семейной группы, а именно конкретная сплоченность группы определяет насколько далеко можно проследить общее происхождение. Единое происхождение, конечно, обуславливает сплоченность группы, но только благодаря общественным связям передающимся из поколения в поколение.

Итак, семья это комплексная группа, со слабо очерченными границами и большим набором видов и уровней внутренних отношений. Но основные семейные отношения едины и непоколебимы; они не могут быть переведены в какие-либо другие групповые отношения или изолированные личностные взаимоотношения. Это можно назвать семейной солидарностью, которая проявляет себя как в поддержке, так и в контроле одного члена другим, представляющим группу в целом. Эта солидарность в корне отличается от территориальной, религиозной, экономической или национальной солидарности, хотя они, естественно, способствуют семейной солидарности, и скоро мы увидим, что любое их нарушение влечет за собой непоправимые последствия для семьи. Итак, семейная солидарность и уровни поддержки и контроля внутри нее не должны зависеть от индивидуальных характеристик членов, а только от вида и степени их взаимоотношений; семейные отношения между двумя членами не имеют градации, как не имеют ее любовь или дружба.

Отношения мужа и жены контролируются обеими семьями, и муж и жена не рассматриваются с точки зрения чувств, а только как члены группы, связанные единственно возможным образом. Следовательно, брачной нормой является не любовь, а уважение, как оношение, которое может контролироваться и подкрепляться семьей, и которое представляет члена другой семьи и достоинства его группы. Уважение как норма со стороны жены по отношению к мужу включает в себя послушание, верность, заботу о комфорте и здоровье мужа; со стороны мужа по отношению к жене эта норма выражается в хорошем оношении, верности, запрещении работы жены, если только в этом нет необходимости. В общих чертах, ни муж ни жена не должны делать то, что могло бы понизить социальный статус друг друга, так как это приведет к снижению статуса всей остальной семьи. Чувства не являются неотъемлемой частью нормы уважения, но приветствуются. Сексуальные оношения носят личностный характер и не могут быть социализированны ни в каком виде; семья сознательно игнорирует их, и малейшая непристойность или нескромность оносительно сексуальных оношений в браке воспринимаются с отвращением и морально табуированы.

Мы описали традиционную организацию семейной жизни, но на практике она в чистом виде не встречается. Семейная жизнь, представленная в материалах данного исследования, подвергается в настоящее время глубокой дезинтеграции на нескольких уровнях и влиянию различных факторов. Основными тенденциями этой дезинтеграции являются: изолированность брачной группы и личностная индивидуализация. И хотя эти процессы следуют иногда друг за другом, а нередко и смешиваются, они могут развиваться независимо, и для нас лучше их рассматривать поотдельности. Тем не менее некоторые общие факторы, приводящие к дезинтеграции традиционной организации, образуют новую форму семейной жизни, которая нуждается в тщательном исследовании.

Традиционную форму польской крестьянской семьи можно обнаружить только в сельской общине, при условии, что семья проживает там по крайней мере четыре или пять поколений и за это время не подвергалась серьезным изменениям (классовым, религиозным, национальным или профессиональным). Как только происходят изменения на каком-нибудь из этих уровней, дезинтеграция неминуема. Брачная группа или индивид включается в новую общину, отличную от привычной для других членов его семьи, и рано или поздно старые связи должны ослабнуть или разорваться. Последние пятьдесят лет принесли много таких социальных изменений в крестьянскую жизнь. Эмиграция в крупные города, в Америку и Германию расшатывает семью. Такой же результат дает прогресс промышленности, так как многие дети фермеров уезжают работать на производства и переходят в класс пролетариата. Индустриальное развитие страны приводит к изменениям профессий. Также наблюдается быстрая эволюция польской классовой структуры, и благодаря этому крестьяне могут переходить в средний класс или в нижний средний класс за одно поколение, что отражается на отношениях с другими членами семьи. Религиозные и национальные изменения редки, но если они обнаруживаются, то изменения протекают быстро и радикально.

При исследовании влияния этих изменений мы должны принимать во внимание проблему адаптации к новым условиям. Здесь важны два момента: способность к адаптации и ее размеры. Например, адаптация крестьянина приехавшего в польский город на место рабочего достаточно легка, но охват адаптации в данном случае маленький; другое дело эмиграция в Америку или продвижение по социальной лестнице – здесь крестьянин сталкивается с более сложными проблемами адаптации, но ее возможности намного шире.

Влияние этих различий на семейную жизнь не зависит от природы новых форм семейной организации, которые индивид (или брачная группа) могут обнаружить в своем

новом окружении. Конечно, адаптация редко редко доходит до имитации семейной модели нового окружения, если только индивид не входит в этот новый круг через брак. Единственный случай имитации семейной организации крестьянином происходит в случае его вхождения в класс польской аристократии. За исключением этих редких случаев, эволюция семьи происходит за счет изоляции брачных групп и индивидов и сопутствующих им изменениям установок и самой личности.

Если этот процесс затруднен или неудачен, то изолированный индивид или брачная группа имеют тенденцию возвращаться в свой старый круг и принимать семейную солидарность, которая, несмотря на свои недостатки, облегчает борьбу за жизнь в определенных рамках. Мы говорим в определенных рамках потому, что семейная солидарность это помощь в основном для слабых, тем, кому семья не позволяет опускаться ниже определенного стандарта жизни, хотя это и является некоторой обузой для сильных. Неудачная или осложненная адаптация может привести к возрождению семейных чувств и отношений или даже их идеализации. Мы находим такие установки у многих брачных групп в Южной Америке, Сибири, среди солдат русской армии, среди неудачных рабочих в Америке, Западной Европе и даже в польских промышленных центрах.

Если процесс адаптации прост, но ограничен, то результат более сложный. В этом случае еще сохраняется тяга к старым условиям жизни, но она не настолько сильна, чтобы испортить новые условия жизни. Семейные чувства сильны, но семейная социальная жизнь не дает полного удовлетворения социальным установкам индивида, и объект этих семейных чувств сводится к одной брачной группе. Брачная группа изолирована от своей семейной группы не только территориально, но и от традиционных правил, оценок и чувств своей семьи. В отсутствии этих традиций семья становится организацией, основанной на личностных взаимосвязях между ее членами, которых достаточно только для соединения брачной группы, а также при необходимости ближайших родственников – родителей, братьев, сестер мужа или жены. Такую брачную группу мы находим не деревне, а только в городе, где экономические условия позволяют выживать, но не развиваться.

Третий вид адаптации – относительно легкий и успешный – является основой для определенного типа индивидуализации, который обнаруживает себя среди молодых эмигрантов обоих полов в Америке и среди многих сезонных рабочих в Германии. Успех этой адаптации – которая, конечно, должна измеряться понятиями эмигранта, а не общества, в которое он приезжает – зависит в основном от экономического развития и роста социального влияния. Как в Америке, так и в Германии в первую очередь это зависит от размера заработной платы, но в демократичной Америке польская социальная жизнь

дает эмигранту чувство значимости, что в польской общинной жизни является привилегией только нескольких влиятельных фермеров. Основания для развития самоутверждения нет в Германии, но эмигрант возвращается каждый год на родину с багажом нового опыта и деньгами, и таким образом его социальная роль расширяется. Формально индивид ценится только как член семьи; с новой социальной ролью он сам себя оценивает по-другому. В данном случае семья уже не нужна. Она не помогает индииду, так как он остается наедине сам с собой. Семья не нужна более для удовлетворения социальных потребностей, так как они могут быть удовлетворены через друзей и коллег. Общность опыта и установок создает чувство солидарности среди молодого поколения в противоположность старому поколению, которое всегда ориентируется на семейные связи. Социальные и семейные связи больше не совпадают, а даже пересекаются.

Последний тип адаптации – требующий значительных изменений, но предполагающий обширный контроль – типичен для крестьянства и всегда связывается с интеллектуальным развитием. Этот тип адаптации также приносит большие изменения в семейные отношения. Индивидуализация естественным образом влечет за собой возвышение над первичной группой и отделение от нее. В тоже время, в отличие от предыдущего типа, эта форма адаптации приводит к качественным изменениям в концепции семьи. Индивид не только отходит от семьи, но и от общины и отказывается от большинства традиционных элементов, что в результате приводит к тому же что и второй тип адаптации. С другой стороны, индивид сталкивается на своем новом культурном уровне с универсальными традициями, составляющими основное содержание христианской морали. Христианские элементы входили в систему крестьянских традиций, но они были лишь частью богатых традиций, и их влияние на крестьянскую жизнь отличалось от того, каким его задумывала церковь и популярное христианство. Их власть над крестьянской жизнью заключалась в социальном *обычае*, а на более высоком интеллектуальном уровне развития и индивидуализации они называются *социальными нормами*, направляющими мораль сознательного индивида. Таким образом, семейные установки крестьянина, поднимающегося по социальной лестнице, подвергаются двойной оценке: они упрощаются и переходят из сферы *обычая* в сферу сознательной, рефлектирующей морали. Моральные обязательства перед другими людьми ничем не отличаются от обязательств перед друзьями или знакомыми, они не являются семейными обязательствами. Содержание такой нравственной семьи больше не зависит от социальных факторов, а только от нравственного развития самого индивида, при условии полного исключения элемента *обычая*. Мы встречали индивидов, воспринимавших обязательства

как тяжелое бремя и хотевших поскорее от него избавиться; были и другие, которые принимали их с готовностью и рассматривали семью как объект моральных обязательств, даже после утраты ею социальной почвы.

При рассмотрении этих четырех типов эволюции семейной жизни мы абстрагировали их друг от друга и от реальности и исследовали самые крайние проявления. На практике, тем не менее, мы находим бесчисленное количество промежуточных и незавершенных форм, и мы должны помнить об этом при анализе конкретных материалов.

Виды и функции крестьянских писем

Польский крестьянин, как показывают собранные материалы, пишет длинные письма и делает это часто. Факт тем более удивительный, что само написание и прочтение писем является для крестьянина сложным занятием. Оно требует не только мыслительных усилий, но и времени. Написание писем представляет собой социальную обязанность церемониального характера, а традиционная, устоявшаяся форма крестьянского письма носит характер социальной функции.

Все крестьянские письма могут рассматриваться как вариации одного основного вида, который является результатом своей функции и в корне своем остается неизменным. Мы называем этот тип «письма-поклон» (bowing letter).

Письма-поклоны пишутся к или от временно отсутствующего члена семьи. Их функция заключается в проявлении семейной солидарности, сохраняющейся даже на расстоянии. Такое выражение этой функции необходимо только в случае отъезда из родных мест; если семьи живут в одной общине, то тем самым солидарность подразумевается. Группа в целом проявляет свое единство по особым поводам, но отдельные члены группы не обязаны выражать свои семейные чувства, кроме нестандартных ситуаций, например, в случае свадьбы. Индивид уехавший из своей общины находится как раз в такой нестандартной ситуации и письма-поклоны являются ее результатом. В них нет личностных, непосредственно семейных отношений.

В соответствии со своей функцией письма-поклоны имеют строго определенную структуру. Они начинаются с религиозного приветствия «Слава Иисусу Христу» на которое читающий предположительно отвечает «и во веки веков, аминь». Такое приветствие имеет как магическое, так и моральное значение. На магическом уровне оно отгоняет злых духов, а на моральном показывает, что написавший письмо и его читатель принадлежат к одной религиозной общине. Религиозные высказывания могут встречаться в любой части письма, но приведенное приветствие является наиболее важным и неотъемлемым. После приветствия следует информация о том, что пишущий (с Божьей

помощью) здоров и дела его в порядке, и того же самого он желает адресату и всей остальной семье. Мы знаем, что здоровье (борьба со смертью) и жизнедеятельность являются причиной природной и человеческой солидарности (только духовная солидарность нацелена на власть). В конце письма передаются приветы, поклоны всем членам семьи или от всех членов семьи, если письмо написано отсутствующему родственнику. Перечисление имен должно быть полным или хотя бы включать тех, кто живет в одной местности, так как теперь все больше семей дробиться.

Эти элементы присущи каждому письму, даже в случае когда функция письма усложнена; другими словами, каждое письмо, в независимости от своей функции, представляет собой письмо-поклон, то есть проявление солидарности. Некоторые составляющие могут изменяться; слова «поклон всему семейству» могут, например, заменяться длинным перечислением имен, но во всех семейных письмах принцип не меняется.

Письма-поклоны представляют собой единственный тип писем, имеющих явную функцию. Функции всех остальных писем являются косвенными; письмо заменяет собой личное, непосредственное общение. Эти скрытые функции писем проявляются тогда, когда отсутствие члена семьи затягивается.

На основе этих различных функций мы можем выделить пять видов семейных писем, каждый из которых в основе своей является письмом-поклоном.

1. *Церемониальные письма.* Отсылаются по поводу семейных событий, требующих личного присутствия всех членов семьи (свадьбы, крестины, похороны, именины, Рождество, Новый год, Пасха). Эти письма заменяют церемониальные речи. Отсутствующий член семьи посылает речь в письменном виде, так как не может произнести ее сам. Функция такого письма такая же как и функция торжественных встречи и речи, а именно проявление семейных чувств по поводу конкретного события, затрагивающего всю семейную группу.

2. *Информационные письма.* Письма-поклоны не содержат детального описания жизни отсутствующего члена семьи, откладывая этот рассказ до личной встречи. Но если личная встреча в ближайшее время не предвидется, то письмо должно отражать эту функцию косвенно. Таким образом, общность семейных интересов сохраняется, вне зависимости от продолжительности расставания.

3. *Сентиментальные письма.* В результате разделения членов семьи их первичная, полуинстинктивная солидарность может ослабнуть. Задача сентиментальных писем заключается в возрождении чувств, независимо от формального повода.

4. *Литературные письма.* Мы наблюдали, что во время как неформальных, так и церемониальных встреч эстетические интересы крестьян обычно выражаются в музыкальной форме, песнях, а также в публичном чтении стихов. Если член семьи не может принять участия в празднике своей группы по причине своего отсутствия, то он отправляет письмо в стихах, на которое нередко получает стихотворный ответ. Это своего рода развлечение имеет элемент тщеславия, так как письмо читается на публике. Литературные письма играют важную роль в эволюции эстетических потребностей крестьян. Она начинается с примитивного уровня собраний первичной группы и развивается до уровня литературных потребностей, удовлетворяемых в некоторых случаях в печатном виде.

5. *Деловые письма.* Косвенная функция этих писем понятна из самого названия. Крестьяне стараются решать деловые вопросы лично, но если нет такой возможности, они прибегают к переписке.

До сих пор мы говорили о семейных письмах, чьей функцией является поддержание контактов между членами семьи. Письма к незнакомым людям могут иметь весь набор функций, выполняемых семейными письмами, но основная функция поддержания солидарности в них присутствует только когда предполагается эта солидарность. Переписка с незнакомыми людьми может установить связи, не существовавшие до этого; такая функция встречается в семейных письмах только в случае пополнения семьи, например, после свадьбы, когда чужой человек входит в новую семью.

Следует также затронуть проблему соотношения мысли и формы ее выражения в крестьянских письмах. Язык крестьян, что можно увидеть даже в переводном тексте, обладает устойчивыми традиционными выражениями, которые используются в определенных ситуациях для определенных целей. В отличие от пословиц, которые представляют собой общую рефлексию о жизни, эти выражения являются социально устоявшимися способами разговора или письма. Крестьяне используют их не только по привычке, но в некоторой степени и для выражения отношений, которые расходятся с традицией, если это отклонение не требует образования нового выражения. Конечно, крестьянину трудно подобрать новые слова и выражения, если он отступает от привычной формы выражения, особенно при использовании литературного языка. Иногда крестьянин использует высокие слова для выражения низменных чувств, или, более распространенный случай, он описывает глубокие и сильные чувства фразами, которые образованному читателю представляются слабыми и избитыми, но самому пишущему – сильными и адекватными, так как последний мало знаком с ними. Но если крестьянин не пытается

имитировать литературный язык, а находит новые слова для новых отношений в своем филологическом запаснике, такой стиль нередко поражает своей новизной и точностью, не поддающейся переводу.

Общество имеет тенденцию стандартизировать до определенной степени социальные взаимоотношения, и любое изменение привычки влечет за собой серьезные нарушения системы. Например, мы стандартизировали беседу о погоде в отношениях ограниченного социального взаимодействия, и если человек говорит в такой ситуации «прекрасные деревья» вместо «прекрасная погода», то это может привести к слухам о его слабом психическом здоровье.

Пример типичного письма-поклона:

«В первых строках своего письма, дорогие родители, мы приветствуем Вас словами Бога «Слава Иисусу Христу» и мы надеемся, что Вы ответите «И во веки веков. Аминь».

А теперь я расскажу Вам о своем здоровье и успехах, которые благодаря Господу идут хорошо, чего и Вам желаем. Мы желаем Вам это, дорогие родители, от всего сердца. Хотим сообщить Вам что мы получили Ваше письмо и оно застало нас в полном здравии, чего и Вам желаем. А теперь мы спрашиваем Вас как там погода в родных краях, потому что у нас такая жара, что солнце тепло на 110 градусов и много людей падают замертво от солнца в лето этого года. Теперь, дорогой отец и дорогая мать, я целую Ваши руки и ноги. Я заканчиваю свой разговор с Вами. Храни Вас Господь. Пусть Господь дарует Вам хорошего здоровья и нашу встречу, дорогие родители.

Затем я кланяюсь тебе, дорогая сестра, и тебе, дорогой шурина, и я желаю Вам счастья и здоровья и хороших успехов – все чего Вы сами себе желаете от Господа того же желаю и я Вам со своим мужем. Я кланяюсь тете Дорите и брату Александру, и Жозефу, и тебе, моя бабушка, и я желаю Вам здоровья и хороших успехов; что Вы желаете себе от Бога того же желаю и я Вам, дорогая бабушка, и тебе, дорогая сестра, а также тебе, дорогой брат. Теперь я кланяюсь шурина Мосченски и сестре Аделе и мы желаем им успехов во всем; чего они сами себе желают от Господа того же желаем и мы им. Низайший поклон Доборкоцким, деверю и сестре и их детям, и желаем счастья, здоровья, хороших успехов. Что они сами себе хотят от Господа того же желаем и мы. До свидания.

Теперь я, Станислав Пьянцковски, передаю поклон моим родителям [родителям жены] и сообщаю Вам, дорогие родители, о моем здоровье и что я, слава Богу, здоров, чего и Вам желаю, дорогие родители, и я спрашиваю Вас, дорогие родители, почему Вы не написали письма, потому что я послал письмо Новицким неделю назад, и они получили его, и я больше не могу ждать получения письма. Поэтому я прошу Вас, дорогие родители,

написать мне письмо поскорее».

Лекция 4. Джордж Герберт Мид и методология "понимающего" исследования

Темы:

- *Джордж Герберт Мид (1863—1931)*. Идеиная близость Мида к У.Джемсу и Дж.Дьюи—крупнейшим американским прагматистам. Понятие социального "акта"—исходной посылки воссоздания реальности субъектом. Четыре стадии социального акта: импульс, перцепция, манипуляция, консумация. Соотношение между индивидом как чисто субъективным Я и индивидом как социальным Я.
- *Индивидуальные перспективы восприятия социальных объектов и их взаимодействие с субъективным Я*. Перспектива и социальный символ. Множественность взаимодействующих «перспектив» Я и их символическое значение. Межиндивидуальные общения как основа социально-психологической концепции Мида. Роль взаимодействия в формировании общества, сознания и личности.
- *Два уровня взаимодействия: символическое и несимволическое*. Значение индивидуального социального действия. Слои значений и роль обобщенного другого. Подсистемы в структуре Я. "I"—автономное социализированное сознание человека, спонтанность, иррациональность. "Me"—совокупность внешних общественных требований и ожиданий, касающихся индивида. Баланс и дисбаланс между этими двумя подсистемами.
- *Процесс формирования Я: стадии социализации*. Игра (play) и игра (game).

Литература

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961.

Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Ионии Л.Г. Понимающая социология. М., 1979.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1993.

Кон И.С., Шалин Д.Н. Дж.Г.Мид и проблема человеческого Я // Вопросы философии. 1969. № 12.

Мид Дж.Г. Аз и Я // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мид Дж.Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мид Дж.Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мид Дж.Г. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Очерки по истории теоретической социологии XX века. М., 1994.

Рабочие тетради по теории и истории социологии. М., 1992.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

G.H. Mead *Mind, Self and Society*. Chicago, 1934.

G.H. Mead *The Philosophy of the Present*. Chicago, 1939.

Мид (Mead) Джордж Герберт (1863-1931) — американский философ, один из ведущих представителей прагматизма. Его идеи, получившие развитие в работах его последователей, легли в основу символического интеракционизма в социологии и социальной психологии. При жизни Мид не публиковал крупных сочинений. Его основные работы — «Философия настоящего» (1932), «Разум, Я и общество» (1934), «Течения мысли в XIX веке» (1936), «Философия акта» (1938) — были подготовлены к печати (на основе его личных набросков, а также стенограмм и записей его лекций) и опубликованы его учениками. Публикуемые фрагменты взяты из книги «Разум, Я и общество» и посвящены важной для Мида теме человеческого Я, его социальной природы и внутренней динамики.

Джордж Герберт МИД
РАЗУМ, Я И ОБЩЕСТВО*

18. «Я» и организм

...В повседневном поведении и опыте мы понимаем, что многое из того, что делает и говорит индивид, он делает и говорит ненамеренно. Мы нередко говорим, что такой

* Mead G. H. *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 141-144, 173-178.
Перевод В. Г. Николаева.

индивид сам не свой. Мы удаляемся после беседы, сознавая, что упустили из виду что-то важное, что какие-то части нашего Я не нашли отражения в том, что было сказано. Та доля Я, которая находит выражение в коммуникации, определяется самим социальным опытом. Значительная часть Я, конечно же, не нуждается во внешнем выражении. Нас связывает с разными людьми целый ряд различных взаимоотношений. Для одного человека мы — одни, для другого — другие. Некоторые части Я существуют лишь для самого Я, лишь в его взаимоотношении с самим собой. Мы разделяем себя на множество всевозможных Я по отношению к различным нашим знакомым. С одними из них мы обсуждаем политику, с другими — религию. Существует множество всевозможных Я, отвечающих на все широкое многообразие социальных реакций. Возникновение Я обусловлено социальным процессом; Я не может существовать как Я в отрыве от этого типа опыта.

Как я уже отмечал ранее, множественная личность в известном смысле нормальна. Обычно существует организация целостного Я, соотносящаяся с тем сообществом, к которому мы принадлежим, и с той ситуацией, в которой мы находимся. Общество — живем ли мы с непосредственно присутствующими людьми, людьми, существующими лишь в нашем воображении, или людьми прошлого, — разумеется, является разным для разных индивидов. Обычно в целостном сообществе, к которому мы принадлежим, существует унифицированное Я, однако оно может быть расколото. Для человека психически неуравновешенного или человека, внутри которого наметился разлад, некоторые виды деятельности становятся невозможными, и этот комплекс действий может расщепить целостность Я и создать еще одно Я. В результате этого возникают два обособленных «*me*», два обособленных «*I*», два разных Я, и складывается состояние, чреватое распадом личности. Имеется описание одного случая, когда профессор педагогики куда-то пропал, оказался потерянным для сообщества, а позднее был найден в лесозаготовительном лагере на Западе. Он освободился от своей профессии и подался в леса, где, если хотите, в большей степени чувствовал себя как дома. Патологическая сторона этого случая состояла в том, что оказалась забытой и утраченной остальная часть Я. Этот итог содержал в себе избавление от некоторых телесных воспоминаний, которые могли бы дать индивиду идентификацию самого себя. Мы часто чувствуем пробегающие сквозь нас трещины внутреннего разлада. Мы рады были бы забыть какие-то вещи, избавиться от чего-то, к чему привязано наше Я в прошлых переживаниях. Здесь мы имеем ситуацию, в которой могут существовать различные Я, и то, какими Я мы будем, зависит от включенного в данную ситуацию набора социальных реакций. Если нам удастся начисто забыть все, что связано с каким-то набором деятельностей, мы, очевидно, освобождаемся от этой части Я. Возьмите, к примеру, человека, находящегося в состоянии нерешительности, займите его беседой, а сами одновременно постарайтесь привлечь его взгляд к чему-то, что вы пишете, так чтобы он осуществлял одновременно две отдельных линии коммуникации, и если вам удастся сделать все надлежащим образом, вы сможете увидеть эти два обособленных течения, не сливающихся друг с другом. Вы будете иметь возможность наблюдать протекание двух совершенно различных наборов действий. Таким образом вы можете вызвать диссоциацию человеческого Я. Это процесс установления двух типов коммуникации, которые разделяют поведение индивида. Для одного индивида существует лишь то, что произносится и слышится, для другого — только то, что он видит

написанным. Вы, разумеется, должны отграничивать одно опытное переживание от другого. Когда некоторое событие приводит к эмоциональным расстройствам, могут возникнуть диссоциации. То, что обособляется, продолжает развиваться в собственном направлении.

Единство и структура завершеного Я отражают единство и структуру социального процесса в целом; а каждое из элементарных Я, его образующих, отражает единство и структуру одного из многочисленных аспектов этого процесса, в который индивид оказывается вовлеченным. Другими словами, различные элементарные Я, составляющие завершеного Я, или организующиеся в него, являются различными аспектами структуры завершеного Я, соответствующими различным аспектам структуры социального процесса в целом; таким образом, структура завершеного Я является отражением завершеного социального процесса. Организация и единство социальной группы идентичны организации и единству любого из тех Я, которые возникают в ходе того социального процесса, в который группа вовлечена и который она осуществляет.

Феномен диссоциации личности вызывается распадением целостного, единого Я на составные Я, образующие его и соотносящиеся с различными аспектами того социального процесса, в котором человек принимает участие и внутри которого сложилось его целостное, или единое Я. Этими аспектами являются различные социальные группы, к которым он принадлежит в рамках этого процесса.

22. «I» и «me».

Мы подробно рассмотрели социальные основания Я и предположили, что Я представляет собой не одну только организацию социальных установок. Теперь мы можем прямо поставить вопрос о природе «I», сознающего социальное «me». Я не собираюсь поднимать здесь метафизический вопрос о том, каким образом человек может быть одновременно «I» и «me»; я ставлю вопрос о том, каково значение этого различия с точки зрения самого поведения. Где в поведении проявляется «I», в отличие от «me»? Если человек определяет свое положение в обществе и чувствует себя обладателем определенной функции и привилегии, все это определяется по отношению к «I», однако «I» не является «me» и не может стать «me». Мы можем иметь лучшее Я или худшее Я, но, опять-таки, это не «I», противопоставляемое «me», хотя оба они являются Я. Нам нравится одно из них и не нравится другое, но когда мы либо первое, либо второе выносим на суд, они даны для такой оценки уже в качестве «me». «I» не попадает в сферу внимания; мы разговариваем сами с собой, но не видим самих себя. «I» реагирует на то Я, которое возникает вследствие принятия установок других. Благодаря принятию этих установок мы

установили определенное «*me*», реагируем же мы на него в качестве «*I*».

Проще всего подойти к решению этой проблемы с точки зрения памяти. Я беседую с самим собой и помню, что я говорил, а также, быть может, то эмоциональное содержание, которое этому сопутствовало. «*I*» этого момента времени присутствует в «*me*» следующего момента. Здесь я, опять-таки, не могу достаточно быстро сбегать туда и обратно, чтобы поймать самого себя. Я становлюсь «*me*», поскольку помню, что я сказал. «*I*», между тем, может присутствовать в этой функциональной взаимосвязи. Именно из-за «*I*» мы говорим, что никогда не осознаем до конца, каковы мы есть на самом деле; именно благодаря ему мы приходим в удивление от собственных действий. Мы узнаем самих себя по мере того, как действуем. Именно благодаря памяти «*I*» постоянно присутствует в опыте. Мы можем непосредственно возвращаться к некоторым мгновениям нашего опыта, и тогда мы во всем остальном зависим от образов памяти. Таким образом, «*I*» существует в памяти как представитель Я, каким оно было секунду, минуту или день назад. Оно дано нам как «*me*», но это «*me*», которое раньше было «*I*». Поэтому, если вы спросите, где именно «*I*» непосредственно входит в ваш опыт, я отвечу, что оно входит в него как исторический персонаж. «*I*», представленное в «*me*», — это то, чем вы были секунду назад. Эту роль должно принять уже другое «*me*». Вы не можете схватить непосредственную реакцию «*I*» в самом процессе. В некотором смысле, именно с «*I*» мы себя отождествляем. Вхождение его в опыт составляет одну из проблем, связанных с большей частью нашего сознательного опыта; «*I*» не дано в опыте непосредственно.

«*I*» — это реакция организма на установки других; «*me*» — организованный набор установок других, которые он принимает. Установки других образуют организованное «*me*», а затем организм реагирует на него как «*I*». Теперь мне хотелось бы проанализировать эти понятия более подробно.

В разговоре жестах нет ни «*I*», ни «*me*»; в этой области жестикуляции целостный акт еще не осуществлен, а только подготавливается. Так вот, поскольку индивид пробуждает в самом себе установки других, возникает организованная группа реакций. И именно благодаря способности принимать установки других, могущие быть организованными, индивид приобретает само-сознание. Принятие всех этих организованных наборов установок дает ему его «*me*»; это то Я, которое он осознает. В ответ на требование, адресованное ему членами команды, он может бросить мяч какому-то другому члену команды. Это то Я, которое непосредственно существует для него в его сознании. Он обладает их установками, знает, чего они хотят и какими будут последствия любого его акта, и принимает на себя ответственность за ситуацию. Так вот, именно

присутствие этих организованных наборов установок конституирует то «*me*», на которое он как «*I*» реагирует. Какой же конкретно будет его реакция, не знают, однако, ни он сам, ни кто бы то ни было другой. Возможно, он сыграет блестяще, а может быть, допустит ошибку. Реакция на ситуацию, какой она видится ему в непосредственном опыте, несет в себе неопределенность, и именно ею конституируется «*I*».

В поведении индивида «*I*» проявляется как его действие, отвечающее на данную социальную ситуацию; оно входит в его опыт только после того, как акт уже выполнен. Тогда он его осознает. Он должен был сделать что-то и сделал это. Он исполнил свой долг и может с гордостью любоваться выполненным броском. «*Me*» возникает для выполнения этой обязанности; именно таким образом оно возникает в его опыте. Он имел в самом себе все установки других, требующие определенной реакции; это было «*me*» данной ситуации, а его реакция — «*I*».

В особенности мне хотелось бы обратить внимание на то, что реакция «*I*» — нечто более или менее неопределенное. Установки других, которые человек принимает как воздействующие на его поведение, образуют «*me*», и «*me*» есть нечто, что уже имеется в наличии, в то время как реакция на него еще не дана. Когда человек присаживается, дабы что-то обдумать, он располагает определенными данными, которые имеются в наличии. Допустим, это социальная ситуация, которую он должен как-то уладить. Он видит себя с точки зрения того или иного индивида, принадлежащего к группе. Эти индивиды, связанные воедино, дают ему определенное Я. И так, каковы же будут его действия? Он не знает, и никто не знает. Он способен схватить ситуацию в своем опыте, поскольку может принять установки различных вовлеченных в нее индивидов. Благодаря принятию их установок он знает, какие чувства они в связи с ней испытывают. В итоге он говорит: «Я сделал нечто такое, что, по-видимому, принуждает меня к определенному ходу поведения». Возможно, действуя таким образом, он поставит себя в неловкое положение перед другой группой. «*I*» как реакция на данную ситуацию, в противоположность «*me*», включенному в принимаемые им установки, отличается неопределенностью. И когда реакция уже произойдет, она проявляется в его опыте преимущественно как образ памяти.

Наше мнимое настоящее как таковое очень мимолетно. Тем не менее мы переживаем в опыте протекающие события; часть процесса протекания событий пребывает в непосредственной данности в нашем опыте, в том числе какая-то часть прошлого и какая-то часть будущего. Мы видим, как происходит падение мяча, и по мере того, как оно происходит, часть мяча сокрыта, а часть — открыта для нас. Помимо того, что нам дано в нашем опыте, мы помним, где мяч был мгновение назад, и предвосхищаем, где он будет.

Так же обстоит дело и с нами самими; мы что-то делаем, но когда оглядываемся назад и видим, что мы делаем, мы оперируем образами памяти. Таким образом, «*I*» реально проявляется в опыте как часть «*me*». На основании этого опыта мы проводим различие между индивидом, который что-то делает, и «*me*», которое ставит перед ним проблему. Реакция входит в его опыт только тогда, когда она уже происходит. Если он говорит, что знает, что будет делать, то даже тут он может ошибиться. Он начинает что-то делать, но случается нечто, мешающее этому. Действие, получаемое в результате, всегда немного отличается от того, которое он мог бы предвидеть. Так обстоит дело даже тогда, когда он просто совершает процесс ходьбы. Само осуществление его ожидаемых шагов помещает его в некоторую ситуацию, в чем-то несколько отличную от ожидаемой, в некотором смысле новую. Это движение в будущее является шагом, совершаемым, так сказать, его эго, или «*I*». Это нечто такое, чего не дано в «*me*».

Возьмем ситуацию ученого, решающего проблему. Он располагает определенными данными, требующими определенных реакций. Некоторые из этих данных требуют от него применения такого-то и такого-то закона, в то время как другие требуют другого закона. Данные в наличии, со всеми их импликациями. Он знает, что означает такая-то и такая-то деталь, и когда он имеет перед собой эти данные, они предполагают с его стороны определенные реакции; между тем, сейчас они противоречат друг другу. Если он совершает одну реакцию, то не может совершить другую. Он не знает, что ему делать, и никто этого не знает. Действие Я происходит в ответ на эти противоречивые наборы данных, которые существуют в форме проблемы и предъявляют к нему как ученому противоречивые требования. Он вынужден взглянуть на проблему иначе. Это действие «*I*» представляет собой нечто такое, природу чего мы не можем предсказать заранее.

Следовательно, «*I*» во взаимоотношении между «*I*» и «*me*» есть нечто, так сказать, отвечающее на социальную ситуацию, данную индивиду в опыте. Это ответ индивида на ту установку, которую другие принимают по отношению к нему, когда он принимает некоторую установку по отношению к ним. Так вот, те установки, которые он по отношению к ним принимает, присутствуют в его собственном опыте, но его реакция на них будет содержать элемент новизны. «*I*» дает ощущение свободы и инициативы. Ситуация дана нам, чтобы мы действовали само-сознательно. Мы сознаем самих себя, сознаем, в какого рода ситуации мы находимся, но то, как в точности мы будем действовать, никогда не попадает в опыт раньше, чем действие будет уже совершено.

Именно это лежит в основании того, что «*I*» не проявляется в опыте в том же смысле, в каком проявляется «*me*». «*Me*» представляет определенную организацию

сообщества здесь, в наших наличных установках, и требует некоторой реакции, происходящая же реакция есть нечто такое, что именно случается. В отношении нее отсутствует всякая определенность. Существует моральная обязательность акта, но не механическая его необходимость. Когда он происходит, только тогда мы обнаруживаем, что собственно было сделано. Изложенное выше, на мой взгляд, дает нам представление о сравнительном положении «*I*» и «*me*» в ситуации, а также основания для их разграничения в поведении. Они разделены в процессе, однако составляют пару в том смысле, что оба являются частями единого целого. Они раздельны и вместе с тем едины. Разделение «*I*» и «*me*» — не выдумка. Они не идентичны, ибо, как я уже сказал, «*I*» есть нечто такое, что никогда нельзя полностью рассчитать. «*Me*» требует определенного рода «*I*» в той мере, в какой мы соблюдаем обязательства, данные в самом поведении, однако «*I*» всегда несколько отличается от того, чего требует ситуация. Таким образом, это различие — если хотите, между «*I*» и «*me*» — существует всегда. «*I*» как порождает «*me*», так и реагирует на него. Взятые вместе, они образуют личность, какой она проявляет себя в социальном опыте. Я, в сущности, представляет собой социальный процесс, происходящий с этими двумя отличными друг от друга фазами. Не обладай оно этими двумя фазами, не могло бы существовать никакой осознанной ответственности, а в опыте не могло бы быть ничего нового.

Лекция 5. Уильям Ф.Уайт и принципы включенного наблюдения

Темы:

- **Уильям Ф.Уайт (1914-2001).** "Общество на уличных перекрестках"—классическое исследование неформальных групп. Организация включенного наблюдения. Этические вопросы включенного наблюдения.
- **Понятие местного сообщества (community).** Формирование структуры малой группы и ее лидера.
- **Формальные и инструментальные типы лидерства.** Харизматическое лидерство. Этнические и иммигрантские группировки в большом индустриальном городе. Преступная деятельность. Бюджет свободного времени. Эволюция "общества на уличных перекрестках".

Литература

Converse J.M. Survey research in the United States: roots and emergence, 1890-1960, Berkley, 1987.

W.F.White. Street Corner Society. Chicago, 1943-1955.

W.F.White. Human Relations in the Restaurant Industry. N.Y., 1948.

W.F.White. Patters for Industrial peace. N.Y. 1951.

W.F.White. Money and Motivation. N.Y. 1955.

Уайт (Whyte) Уильям Фуг (р. 1914-2001) — американский социолог, профессор Школы индустриальных и трудовых отношений (1948-78), директор Исследовательского центра социальных наук Корнельского университета (1956-61). Основными предметами его интереса были неформальная организация человеческих коллективов, трудовые отношения в промышленности и сельском хозяйстве, напряжения и конфликты в неформальных производственных группах. Его работа «Общество на перекрестке» (1943) считается образцом монографического описания и анализа неформальной группы (кликеры молодых людей из бедного итальянского квартала небольшого американского города); основным методом в этом исследовании было включенное наблюдение.

Лекция 6. Ранняя промышленная социология

Темы:

- *Элтон Мэйо (1880—1949). Работы Э.Мэйо "Человеческие проблемы индустриальной цивилизации" (1933), "Социальные проблемы индустриальной цивилизации" (1945), "Политические проблемы индустриальной цивилизации" (1947).*
- *Исследовательская программа для фирмы "Вестерн электрик". Работа Э.Мэйо и др. "Менеджмент и рабочий" (1939). Появление "Хоторнский эффект". Три этапа Хоторнского эксперимента (1923). Создание в ходе Хоторнского эксперимента программы оптимизации неформальных отношений на производстве. Три этапа эксперимента. Тесное сотрудничество академических исследователей и промышленных менеджеров.*
- *Проблема адаптации индивида на производстве. Разрушение традиционных общинных структур в ходе промышленной революции.*
- *Природа социальных конфликтов на производстве. Создание адаптивного общества как реакция на разрушение традиций. Создание системы социальной терапии и концепция человеческих отношений на производстве. Математические методы и обработка статистических данных в ходе Хоторнского эксперимента (Т.Н.Уайтхед).*

Литература

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

F.Roethlisberger, W.Dickson. Management and the Worker. 1939.

E.Diener, R.Crindal. Ethics and Behavioral Research. Chicago, 1978.

D.Montgomery. The Fall of the House of Labor. New York: Cambridge University Press. 1987.

E.Mayo. The Social Problems of an Industrial Civilization. New Hampshire: Ayer. 1945

R. Trahair. The Humanist Temper: The Life and Work of Elton Mayo. Transaction Books. 1984.

Элтон Мэйо (E.Mayo) (1880-1949) – является одним из основоположников теории человеческих отношений, организатором индустриальной социологии в США. В апреле 1927 года Э.Мэйо начал серию исследований для компании «Вестерн электрик» (Western Electric Company) совместно с Ф.Ретлисбергером (F.Roethlisberger), У.Диксоном

(W.Dickson) и Н.Уайтхедом (N.Whitehead) на заводах Хоторн (Hawthorne Works) близ Чикаго. Э.Мэйо занимался проблемами адаптации индивида на производстве. Он полагал, что в условиях промышленного развития, разрушение взаимоотношений, характерных для традиционного общества, приводит к новым конфликтам и в промышленности, и в обществе. Выход состоит в создании адаптивного общества, в котором административная элита, профессионально подготовленная в области социальной работы, будет решать человеческие проблемы наравне с техническими. Результатами исследований Э.Мэйо стали выработка новых методов улучшения неформальных отношений между рабочими, взаимоотношений между рабочими и администрацией, создание новых методов сбора данных о поведении людей в организациях.

Основные работы:

1930. A New Approach to Industrial Relations. Harvard Business School.

1933. The Human Problems of an Industrial Civilization. NY:The Macmillan Company.

1934. Human Relations in Industry // Mental Health Observer (publ. By the Missouri Society for Mental Hygiene), V.X, No.4.

1941. Research in Human Relations // Personnel, V.XVII, No.4.

1945. The Social Problems of an Industrial Civilization. Boston, 1945.

Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization. Boston, 1945. P. 59-67.

Глава 3. Первое исследование.

Экономическая теория, к сожалению, не подходит для изучения социальной сферы, а ее выводы относительно характера этой сферы нередко противоречат здравому смыслу. Весьма ограниченным кажется подход, при котором человечество рассматривается как некое скопление, совокупность индивидов, каждый из которых действует, исходя исключительно из своего эгоистического интереса, и находится в состоянии непрерывной борьбы с другими представителями человечества за скудные средства существования. Осознание того, что подобные подходы формируют абсолютно неправильное представление о социальной сфере, делает необходимым обратиться к рассмотрению конкретных социальных ситуаций. Изучение и анализ реальных фактов, глубокое понимание всей сложности человеческих взаимоотношений должны предшествовать формированию новых подходов, которые могли бы стать альтернативой весьма

абстрактным измышлениям, предлагаемым в рамках экономической теории. Метод, который соответствует этим принципам, можно назвать «клиническим», и его применение предшествует лабораторным исследованиям. Только после того, как «диагноз» был правильно вынесен и подтвержден в условиях «клиники», можно начать строить логические предположения и проводить лабораторные исследования.

Первое исследование, проведенное нами, было призвано опровергнуть предположение о том, что основным мотивом человеческой деятельности выступает эгоистический интерес. Немногим более 20-ти лет назад (*в 1923 году – прим. пер.*) нас попросили исследовать причину высокой текучести рабочей силы (или попросту «текучки») в прядильном цеху на текстильной фабрике, расположенной недалеко от Филадельфии. Общая трудовая ситуация на фабрике была в высшей степени благоприятной; работодатели являли собой образец просвещенности и гуманизма; труд был хорошо организован в плане функционального разделения, и сама фабрика имела репутацию высоко преуспевающего предприятия. Однако директор фабрики и кадровый директор были серьезно обеспокоены ситуацией в прядильном цеху. В то время как ежегодная текучесть рабочей силы в других цехах составляла приблизительно 5% или 6%, в прядильном цехе она составляла 250%. Это означает, что каждый год приходилось брать около 100 человек для выполнения 40 видов работ. И проблема, связанная с «текучкой» вставала наиболее остро, когда у фабрики было много заказов, а потребность в рабочей силе была особенно высокой.

Руководство фабрики прибегло к помощи нескольких специализированных фирм, занимавшихся вопросами научной организации труда. Специалисты этих фирм в целом разработали четыре проекта по улучшению ситуации, в основе которых лежал механизм финансового стимулирования трудовой деятельности. Все эти четыре проекта потерпели крах: текучесть рабочей силы не снизилась ни на один процент, а производительность труда не повысилась. Руководство фабрики обратилось за помощью в наш университет (*Гарвардский университет – прим. пер.*), видя в этом шаге последнюю возможность поправить сложившуюся ситуацию. В то время как руководство других фабрик, расположенных по соседству, было готово смириться с существующим положением дел и принять как должное столь низкий корпоративный дух, который укоренился в прядильном цеху, директор данной фабрики отказывался поверить в то, что ситуация непоправима.

На первый взгляд нам не показалось, что условия труда в прядильном цеху в целом сколь-нибудь отличаются от условий труда в других цехах. На некоторое время фабрика перешла на пятидневную рабочую неделю (суббота – выходной день), которая включала в

себя 50 рабочих часов, по 10 часов каждый день, разделенный на две смены по 5 часов, с 45-минутным обеденным перерывом для каждой смены. Рабочего прядильного цеха называли «штопальщиком» (присучальщиком). Его работа заключалась в том, что он ходил вперед и назад по переходу длиной около 30 ярдов (*приблизительно 27 метров – прим. пер.*), вдоль которого с обеих сторон располагались прядильные машины, приводимые в действие специальным головным станком. Эти машины двигались взад-вперед, вытягивая пряжу, которая поступала из ворсовальных машин, затем скручивали ее и наматывали на бобины. Количество прядильных машин варьировало от 10 до 14. За всеми машинами необходимо было внимательно следить, поскольку нити постоянно рвались, и их надо было связывать вместе. Обычно в переходе одновременно находились 2 или 3 «штопальщика», в зависимости от того, какие нити прялись. Со стороны работа выглядела довольно монотонной – ходить туда-сюда и связывать нити. Разнообразие в работу привносилось лишь тем, что иногда головной станок останавливался, чтобы снять или заменить бобины.

Доктор Лудлам (Dr. S.D.Ludlum), профессор в области нейропсихиатрии (психоневрологии) при ординатуре медицинского факультета университета штата Пенсильвания, оказал нам неоценимую помощь на этой начальной стадии исследования и на последующих стадиях. Он предложил одному из членов нашей исследовательской группы стать своего рода «врачом» и открыть в рамках фабрики «клинику» для помощи при небольших недомоганиях. Причем эта мини-«клиника» контактировала непосредственно с поликлиникой в Филадельфии – в случае серьезных болезней или повреждений, наш «врач» обращался за помощью к специалистам из поликлиники, в несерьезных случаях, таких, как порезы или небольшие повреждения, он справлялся сам. Не стоит объяснять, что такое нововведение было с благодарностью воспринято рабочими фабрики. Из тех, кто регулярно обращался за помощью, значительную долю составляли рабочие прядильного цеха, – причем и на рабочем месте, и в самой «клинике» они общались с «врачом» и с нами достаточно свободно. Безусловно, наше общение носило сугубо конфиденциальный характер, и ничего из сказанного рабочими кому-либо из нас не выносилось за пределы «клиники».

После того, как у нас установились подобные доверительные отношения, ситуация стала выглядеть совсем иначе, чем нам показалось на первый взгляд. Мы обнаружили, что практически каждый из «штопальщиков» страдает от той или иной болезни ног и не знает, как от нее вылечиться. Многие жаловались также на невриты в различных областях рук, плечей или ног. Но помимо этого, поразительным фактом было то, что все как один были очень пессимистичны в оценках того, чем они занимаются на работе - их мнение

относительно характера своей работы было даже ниже, чем мнение других рабочих фабрики о работе «штопальщиков». Мы также обнаружили, что каждый работал сам по себе, – несмотря на то, что одновременно работало три «штопальщика», число их контактов в течение дня практически равнялось нулю. Кому-то приходилось связывать нити в одном месте, другой выполнял эту работу в 20 ярдах (*приблизительно 18 метрах – прим. пер.*) от него. А когда приходилось снимать бобины, то эту работу необходимо было проделывать очень быстро, и рабочие практически не переговаривались между собой. Некоторые рабочие были очень молоды – около 20-ти лет, другим было за 50, но все они жаловались на то, что в конце рабочего дня чувствуют себя настолько вымотанными, что им не хочется ни с кем общаться по вечерам. Порой каждого из них охватывало необъяснимое чувство гнева, после чего он тотчас увольнялся.

Характерным было то, что все рабочие очень хорошо относились к директору фабрики. Он был полковником регулярной армии и принимал участие в боевых действиях до и во время 1-ой мировой войны. Многие из рабочих воевали в окопах во Франции под его непосредственным командованием и были очень высокого мнения о нем. Многие из его полка пришли работать к нему на фабрику. Возможно именно поэтому, несмотря на общий пессимистический настрой, они никогда не говорили ничего негативного о директоре фабрики («полковнике») и о предприятии в целом. В большинстве случаев меланхолическое настроение рабочего не распространялось ни на кого, кроме него самого, лишь иногда оно сменялось внезапными вспышками гнева в отношении какого-нибудь непосредственного начальника.

Посоветовавшись, руководство фабрики разрешило нам проводить эксперименты и в другое время. Мы учредили два десятиминутных перерыва на отдых в первой половине дня и два десятиминутных перерыва на отдых в послеобеденное время. Таким образом, трудовой процесс оказался разделен на периоды следующим образом: два часа работы, 10-минутный перерыв, полтора часа работы, 10-минутный перерыв, наконец, час работы, 10-минутный перерыв. Таким образом, время непрерывного труда сократилось в утреннее и послеобеденное время. Во время перерывов рабочим разрешалось прилечь, мы научили их технике расслабления. Мы предлагали рабочим использовать эти 10 минут для сна, и большинство из них пользовалось такой возможностью.

Сначала эксперименты проводились с одной группой «штопальщиков», численность которой составляла примерно одну треть от общего числа рабочих цеха, и с самого начала результаты были весьма хорошими. Сами рабочие были довольны и проявляли заинтересованность, они очень быстро приняли предложенный нами режим

труда и отдыха. Результат не заставил себя долго ждать – признаки меланхолии, связанной с трудовым процессом, практически исчезли, «текучка» прекратилась, производительность труда выросла, и «боевой дух» значительно укрепился. Такой эффект не следует приписывать исключительно снижению физической утомляемости в процессе труда. Это подтверждается тем, что улучшения произошли не только в группе, где проводился эксперимент, но и в цехе вообще. Рабочие обсуждали ход эксперимента во время обеда со своими товарищами и выражали уверенность в том, что «полковник» распространит действие установленного нами режима на всех остальных, если он окажется действенным. И в октябре того же года (в 1923 году) их предположения оправдались - руководство фабрики, довольное улучшением ситуации с рабочими и повышением производительности труда, решило применить предложенную нами схему ко всему прядильному цеху. Это позволило нам сделать то, чего мы не могли сделать ранее – измерить степень воздействия нового режима труда и отдыха на производительность прядильного цеха в целом.

До октября 1923 года рабочие прядильного цеха никогда не зарабатывали премиальных, в соответствии с предложенной ранее схемой финансового поощрения трудовой деятельности. Начиная с октября и в течение четырех последующих месяцев, лишь с одним весьма интересным исключением, рабочие прядильного цеха постоянно зарабатывали премиальные дополнительно к основному заработку. Описание системы премиальных выплат уже приводилось, и не хотелось бы останавливаться на нем подробно еще раз. Достаточно лишь сказать, что если объем выработки за месяц превышал 75% установленного норматива, то каждый рабочий прядильного цеха получал соответствующую его заработку надбавку за каждый дополнительный процент сверх 75%. Таким образом, если объем выработки за месяц составлял 80% от установленной нормы, то это означало, что каждый рабочий цеха получит 5% надбавки к своему месячному заработку. Как уже отмечалось, прядильному цеху никогда не удавалось заработать премиальные. Нам не удалось получить данные об уровне производительности, который был до октября 1923 года, когда, собственно, мы и начали проводить эксперимент в полную силу, но и сами рабочие, и начальство признавали, что производительность никогда не превышала 70%.

За период с октября 1923 года по февраль 1924 года произошли поразительные изменения. Психическое и физическое состояние рабочих постоянно улучшалось, и хотя метод финансового поощрения производительности труда никогда не срабатывал, пока физическая и моральная утомляемость рабочих была высока, теперь они были довольны, что при новых условиях труда им стало гораздо легче заработать премиальные, чем

когда-либо раньше. Однако система труда в целом была еще не вполне удовлетворительной. Контролеры, осуществлявшие наблюдение за деятельностью рабочих, были недовольны тем, что рабочие спят, в то время как машины работают – один из них высказал мнение, что рабочие должны «зарабатывать» свой отдых. Иными словами, необходимо сначала закончить задание, уложившись в установленное время, и только тогда отдыхать. В большинстве своем за день у рабочих было три или четыре перерыва на отдых, и подобная инновация очень хорошо срабатывала. Например, производительность труда росла по следующей схеме:

	производительность	премиальные
23	79,5%	4,%%
3	78,75%	3,75%
23	82%	7%
4	78,75%	3,75%
24	80,25%	5,25%

Ситуация оставалась достаточно стабильной вплоть до 15-го февраля 1924 года. В этот день тот самый контролер, который высказал идею о том, что рабочие должны «зарабатывать» свой отдых, распорядился отменить введенный нами режим труда и отдыха. Он руководствовался тем, что спрос на продукцию фабрики резко возрос, и необходимо было его покрыть. В течение пяти дней после этого производительность труда упала, и ее показатели стали ниже, чем в предыдущие несколько месяцев. А 22 февраля мы обнаружили, что и состояние рабочих изменилось – стали вновь преобладать пессимизм и упадническое настроение. То есть, падение производительности труда практически совпало с ухудшением общего настроения. 25 февраля исполнительный директор распорядился о возобновлении введенного нами режима труда и отдыха, что и было сделано. Однако идея о том, что отдых нужно «зарабатывать», высказывалась даже с большей настойчивостью. Она пришлась не по душе самим рабочим, о чем

свидетельствовали наши наблюдения. Рабочие признавались, что, по их мнению, введенный нами режим долго не продержится, если на практике воплотить эту идею. Но, несмотря на все это, в марте показатели производительности каждый день были довольно высокими, хотя в среднем месячный показатель производительности был ниже, чем в предшествовавшие несколько месяцев, и составлял всего 70% (столько же, сколько до эксперимента).

Тогда директор фабрики, «полковник», решил взять ситуацию под свой контроль. Служба в армии научила его двум важным вещам, – во-первых, всегда заботиться о своих подчиненных; во-вторых, не бояться принимать решения. Он собрал руководство фабрики в своем кабинете с тем, чтобы разобраться, по каким причинам произошло столь значительное падение производительности с 80% до 70% в прядильном цехе. Следует отметить, что в марте рабочие чаще стали брать отгулы, в то время как за период с октября 1923 года по февраль 1924 года количество отгулов значительно сократилось. Это означало, что рабочие «добирают» то время, которое раньше отводилось на отдых, за счет пропущенных дней. Надо сказать, что это не намного улучшало их состояние, и нарушало порядок работы. Мы сделали вывод о том, что рабочим важен сам факт наличия отдыха, а не то, сколько времени реально они отдыхают. Более того, им нужен систематический отдых. Наконец, мы пришли к заключению, что сама система отдыха, существовавшая ранее, никогда этого не учитывала. Иными словами, приходя утром на фабрику, рабочий никогда не мог быть уверен, что в течение дня он четыре раза в определенное время сможет расслабиться и отдохнуть.

Чтобы проверить наши предположения, директор фабрики распорядился о введении с апреля в прядильном цехе четырехразового перерыва на отдых в течение 10 минут каждый день. Согласно этому распоряжению в течение дня в определенное время рабочие должны были приостановить работу машин и отдыхать, причем, применяя технику расслабления, которой мы их обучили. Небольшая трудность заключалась в том, что на полу едва хватало места для размещения 40-ка человек, работавших в цеху; сложно было также обеспечить всех подстилками, чтобы было удобно. Кроме самого директора, лишь несколько человек верило в то, что подобные изменения приведут к увеличению производительности труда. Сами участники эксперимента полагали, что вряд ли удастся компенсировать потери, вызванные бездействием 40-ка человек в течение 40-ка минут – машины не смогут работать быстрее, а другой возможности наверстать упущенное время нет. Несмотря на такое общее мнение, показатель производительности в апреле превзошел тот, который был в марте. В марте он составлял 70%, в апреле он поднялся до 77,5%.

Рабочие получили возможность регулярно отдыхать, пессимистические настроения стали вновь сходить на нет, общий настрой улучшился, количество отгулов уменьшилось, и каждый рабочий получил премиальные в размере 2,5% от своего основного заработка. В мае и в последующие месяцы директор фабрики распорядился о возвращении к системе отдыха, при которой рабочие отдыхали поочередно. Единственным важным отличием было то, что каждая группа «штопальщиков», состоявшая из трех рабочих, должна была сама установить внутри себя очередность отдыха. Существенным было то, что каждый рабочий имел возможность отдыхать систематически, четыре раза в день. В мае производительность выросла до 80,25%, в июне она достигла 85% - самой большой цифры, по сравнению со всеми предшествовавшими месяцами. В последующие три месяца показатели производительности прядильного цеха оставались стабильно высокими: в июле – 82%; в августе - 83%; в сентябре – 86,5%.

Итак, введение фиксированного числа перерывов на отдых, причем минимальной протяженности, привело к интересным результатам. Экспериментальный период с апреля по сентябрь несколько отличался от предшествующего периода и характеризовался постоянным улучшением показателей. Понедельник и пятница больше не воспринимались как худшие дни недели. Отступление от принятой схемы наблюдалось лишь в мае, когда в прядильном цеху произошел сбой в работе машин. Но уже к июню фабрика приобрела две новых ворсовальных машины, и в этом же месяце показатели были необычайно высоки – 85%.

Причиной, по которой мы начали проводить это исследование, была высокая текучесть рабочей силы. В течение 12-ти месяцев, пока мы проводили эксперимент, «текучки» не наблюдалось вовсе. Это не означает, что никто из рабочих за этот период не уходил с фабрики – в период спада в отрасли некоторые были временно освобождены от работы, один из рабочих поменял место жительства и нашел работу в другом месте, некоторые заболели туберкулезом и были отправлены на лечение. Но сама проблема высокой «текучки», вызванной факторами преимущественно эмоционального характера, перестала существовать. Руководство фабрики проявило внимание к рабочим прядильного цеха, и больше уже не существовало проблемы нехватки рабочей силы в то время, когда у фабрики было особенно много работы. Отношение руководства к нововведениям в режиме труда выразилось в том факте, что фабрика приобрела армейские походные кровати для рабочих, чтобы они могли отдыхать в течение дня. Когда выяснилось, что эти кровати не вполне удобны, в прядильном цехе в конце каждого прохода были установлены настоящие кровати с матрасом, чтобы рабочие могли полноценно отдыхать. И у рабочих вошло в

привычку спать в три последних перерыва – один дообеденный, и два послеобеденных. Опыт показал, что высокие результаты были прямо пропорциональны качеству отдыха – поэтому и решено было установить кровати. Несколько лет спустя, директор фабрики публично заявил, что начиная со времени, когда проводился эксперимент, текучесть рабочей силы снизилась до 5-6% в год, и оставалась на таком уровне вплоть до того, пока мюль-машины не были заменены на кольцепрядильные машины.

Когда мы закончили наш эксперимент, мы были уверены, что выявили далеко не все причины высокой текучести рабочей силы. Мы даже не могли со стопроцентной уверенностью сказать, что улучшения произошли только благодаря введению перерывов на отдых. Ведь одновременно произошел целый ряд других изменений. Например, мы очень внимательно разговаривали с рабочими, выслушивая все, что они хотели сказать, давали им выговориться. Помимо этого, мы – при поддержке директора фабрики – продемонстрировали заинтересованность во всем, что было сказано, через введение новых изменений, через введение наилучших и наиболее эффективных методов отдыха. «Полковник» также проявил искреннее внимание к нуждам своих рабочих; тем самым он оказался достойным того мнения, которое о нем укрепилось среди рабочих еще с армейских времен. Позиция того контролера, который высказал идею о необходимости «зарабатывать» свой отдых, не была принята директором фабрики и руководством в целом – таким образом, руководство фабрики отчетливо показало рабочим, на чьей оно стороне.

Помимо всего, – и надо сказать, мы не осознали этого тогда, в тот момент – действия директора фабрики привели к еще одному важному изменению. Он способствовал превращению совокупности разрозненных индивидов в некое социальное целое. В мае 1924 года он передал право контролировать свой отдых непосредственно самим рабочим, так что никто не мог им давать указания на этот счет. Это привело к тому, что рабочие стали взаимодействовать друг с другом – и не только в рамках своей группы, в которую входило три человека, но и с другими группами, работавшими в цехе. Кроме того, они чувствовали ответственность перед самим директором. И общие изменения в характере взаимодействия социальных отношений были поразительными – даже за пределами фабрики. Один из рабочих признался, что стал вместе с женой ходить по вечерам в кино, чего он не делал в течение нескольких лет. Другой сообщил, что он бросил привычку напиваться в выходные. Итак, произошел целый ряд изменений, и очень сложно определить вклад каждого из привнесенных нами нововведений в общий результат. Мы с большим удовольствием продолжили бы наш эксперимент, но нам не дали такой возможности, что, вероятно, было к лучшему в тех обстоятельствах. Таким образом, по

окончании эксперимента у нас накопилось множество неразрешенных вопросов, однако они стали основой для дальнейших исследований, результаты которых позволили найти нам ответы на вопросы, возникшие в ходе этого первого исследования.

Однако мы забежали вперед. Специалисты по научной организации труда, к которым руководство фабрики обратилось за помощью вначале, не учитывали мнений самих рабочих. Они полагали, что рабочие часто преувеличивают, драматизируют ситуацию или не понимают реального состояния дел, а потому не принимали их мнения всерьез. Однако не обращать внимания на важные «симптомы», из каких бы то ни было соображений, ошибочно. Вышеназванные специалисты исходили из предположения, что рабочие являют собой просто механическую совокупность индивидов, каждый из которых движим своим эгоистическим интересом, и это привело к неверному «диагнозу». С другой стороны, тщательное изучение всех обстоятельств, относящихся к трудовой деятельности рабочих, в качестве основы для формулировки правильного «диагноза», привело нас к столь поразительным заключениям, что и в настоящее время мы можем объяснить их лишь отчасти.

Лекция 7. Исследование "Среднего города"

Темы:

- *Роберт Линд (1892-1970) и Хелен Линд (1894-1982). Институт социальных и*

религиозных исследований при Колумбийском университете. Исследования по программе "Средний город" (1924-1935).

- *Комплексная модель американского общества.* Экономические основания американской жизни. Семейные аспекты американского образа жизни (проблемы жилья, воспитания детей, питание, школьное образование).
- *Структура свободного времени.* Роль средств массовой информации в формировании "среднего города".
- *Концепция Р.Линда "Знание для чего?"* (Knowledge for what?) и проблема прагматизации социального знания.

Литература

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

Converse J.M. Survey research in the United States: roots and emergence, 1890-1960, Berkley, 1987.

R.Lynd. Knowledge for what? Princeton, 1939

R.Lynd, H.Lynd. Middletown. N.Y. 1929.

Линд (Lynd) Роберт (1892-1970) — американский социолог. В 1914-23 гг. работал редактором журнала, с 1931 г. профессор Колумбийского университета. В 1923-1926 гг. под руководством Р. Линда было проведено новаторское исследование социальной жизни небольшого городка Манси (шт. Индиана), вошедшего в историю социологической науки под именем «Среднего города» (Middletown). В этом исследовании была предпринята попытка изучить жизнь современного города так, как антропологи изучали примитивные сообщества. В поле внимания находились самые разные явления: основные виды занятий горожан, источники доходов и их распределение, классовое расслоение, досуг, домашняя жизнь, воспитание детей, участие в социальной жизни сообщества и т. д. Использовались самые разные методы исследования: прямое наблюдение, интервью и анкетные опросы, изучение статистики и исторических документов и т. д. На материале исследования были написаны две книги: «Средний город» (1929) и «Средний город в процессе преобразований» (1937). В работе «Знание для чего?» (1939) Линд проанализировал проблемы образования в современном обществе; эта книга до сих пор пользуется большим влиянием. Последние годы жизни Линд посвятил анализу природы и функций власти как института.

Линд (Lynd) Хелен Меррелл (1896-1982) — американский социолог, профессор

социальной философии Колледжа Сары Лоуренс, супруга Р. Линда и соавтор книг «Средний город» и «Средний город в процессе преобразований».

Роберт С. ЛИНД, Хелен Меррелл ЛИНД

СРЕДНИЙ ГОРОД:

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Глава I. Характер исследования

Целью нашего полевого исследования было синхроническое изучение взаимосвязанных тенденций, составляющих жизнь небольшого американского города. Типичного города, строго говоря, не существует, однако тот городок, который мы выбрали, обладал множеством черт, присущих обширной группе сообществ. Ни полевая работа, ни отчет не были ориентированы на проверку каких-либо тезисов; цель состояла в том, чтобы зафиксировать наблюдаемые феномены, а тем самым поставить вопросы и предложить новые точки отсчета для изучения группового поведения.

Неразрешимость «социальных проблем» можно в какой-то мере связать с обычной привычкой решать их по частям. Однако исследователи человеческого поведения все более сознают, что «разные аспекты цивилизации соединяются и переплетаются друг с другом, представляя, одним словом, единый континуум»¹⁷. Соответственно, и мы в нашем исследовании стремимся подойти к жизни людей в выбранном городе как к единому комплексу взаимосвязанных тенденций поведения.

Такое исследование современной цивилизации с точки зрения целостной ситуации изначально сталкивается с двумя основными трудностями. *Во-первых*, всегда остается опасность того, что исследователь будет не вполне объективен в рассмотрении культуры, в которой укоренена его жизнь, что он совершит старую ошибку, станет во вред себе исходить из эмоционально заряженных предубеждений и впоследствии не сможет даже выйти за пределы той области, которую он так смело бросился объективировать и изучать. *Во-вторых*, если исходить из того, что ни одна сторона жизни не может быть адекватно

* Lynd R. S., Lynd H. M. *Middletown: A Study in Contemporary American Culture*. L.: Constable & Co. Ltd., 1929. P. 3-6, 21-24, 496-509, 511. Перевод В. Г. Николаева.

¹⁷ Goldenweiser A. A. *Early Civilization*. N. Y.: Knopf, 1919. P. 31.

понята без изучения всего остального, то как взяться за исследование такой крупной и многогранной вещи, как Скенектади, Акрон, Даллас или Кеоук?

Нить Ариадны, позволяющую обеспечить максимальную объективность и упорядоченную процедуру исследования в таком лабиринте, можно найти в подходе культурного антрополога. В конце концов, несмотря на бесконечную изменчивость в деталях, существует не так уж много основных видов того, чем люди занимаются. Будь то в деревне арунта в Центральной Австралии или у нас во внешне сложной и запутанной институциональной жизни с ее корпорациями, дивидендами, светскими приемами, молитвенными собраниями, новичками и Конгрессом, везде человеческое поведение оказывается состоящим из вариаций нескольких главных направлений деятельности: добывания всего необходимого для жизни (пища, одежда, кров); супружеского поведения; посвящения молодых в групповые обычаи мышления и поведения; и т.д. Наше исследование исходит, соответственно, из допущения, что всё, что делают люди в выбранном нами американском городе, можно рассматривать как подпадающее под тот или иной из следующих шести основных видов деятельности:

Добывание средств к существованию (жизнеобеспечение).

Обустройство домашней жизни.

Обучение молодежи.

Использование свободного времени в различных формах игры, искусства и т. д.

Участие в религиозной жизни.

Участие в общественных делах.

Эта особая группировка видов деятельности используется без претензий на ее исключительное достоинство, а просто как методологическое средство¹⁸. Рассматривая институциональную жизнь нашего города как всего лишь форму, которую приняло человеческое поведение при определенном наборе условий, мы надеемся, что настоящее исследование было поднято на безличный уровень, который уберет его от неизбежных в

¹⁸ У. Риверс в книге «Социальная организация» (Rivers W. H. R. *Social Organization*. N.Y.: Knopf, 1924) выдвигает шестичленную классификацию социальных группировок, идентичную шести названным здесь типам деятельности. Кларк Уисслер предлагает девятичленную схему культуры (Wissler C. *Man and Culture*. N.Y.: Crowell, 1923. Chs. V, XII). Фредерик Теггарт критикует употребление Уисслером понятия универсального культурного паттерна, но сам скрыто признает некоторые виды деятельности общими для всех людей, где бы они ни жили (Teggart F. J. *Theory of History*. New Haven: Yale University Press, 1925. P. 171).

противном случае обвинений в том, что оно не выходит за рамки обсуждения личностей или критики местной жизни. Ибо, в конце концов, человек, чьи установленные обычаи становятся предметом анализа для постороннего, может быть этим раздосадован, и это еще не в самом худшем случае. Подобно тетушке Полли из *«Истории человечества тетушки Полли»* Дональда Огдена Стюарта, многие из нас склонны видеть процесс эволюции как восхождение от противной амебы к дядюшке Фредерику, победно стоящему на вершине долгого и извилистого пути в длиннополом сюртуке, возложив одну руку в перчатке на Первый Национальный Банк, а другую — на Пресвитерианскую церковь. Многим из нас, готовым беспристрастно обсуждать причудливо устроенные способы поведения, из которых складываются обычаи нецивилизованных народов, явно неприятно обращаться с такой же прямоотой к жизни, в которой мы являемся местными достопримечательностями. И все-таки не может быть ничего поучительнее, чем обретение той степени объективности и дальновидности, с которой мы смотрим на «дикие» народы. Даже если такая затея в нынешней антропологии выглядит несколько невзрачно и кривобоко, сама попытка ее осуществления может дать нам степень беспристрастности, без которой нельзя рассчитывать на более ясное видение.

Стало общим местом, что одной из важных характеристик жизненных обычаев любого народа в любое данное время является то, что они пребывают в процессе изменения; скорость и направление изменения зависят от близости к мощным центрам культурной диффузии, а появление новых изобретений, миграция и другие факторы вносят модификации в этот процесс. Более того, мы начинаем сознавать, что сегодня мы живем, вероятно, в одну из эпох наиболее быстрого изменения в истории человеческих институтов. Новые орудия и методы развиваются с колоссальной быстротой, и в то время как мы следуем в фарватере этого технического развития, все более частые и мощные культурные волны захлестывают нас извне, пропитывая материальными и нематериальными обычаями других центров. Перед лицом такой ситуации было бы серьезным упущением устранить из изучения современной жизни этот аспект развития¹⁹.

Поэтому всякий раз, когда имеющиеся данные позволяли это делать, мы применяли

¹⁹ Ср. заключительное замечание в книге Риверса *«История меланезийского общества»* (Rivers W. H. R. *The History of Melanesian Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1914): «Поскольку настоящее любого общества мы можем надеяться понять лишь через познание его прошлого, такие исторические исследования, образец которых содержится в этой книге, являются необходимыми шагами к построению научной социальной психологии».

в данном исследовании следующее средство: в качестве фона для сегодняшнего наблюдаемого поведения использовалось реконструированное и, по возможности, столь же объективно наблюдаемое поведение 1890 года. 1890 год был выбран в качестве фона для изображения сегодняшней культуры ввиду наибольшей доступности фактических данных начиная с этого года, а также в силу того, что в конце 1886 года в окрестностях изучаемого города открыли месторождение природного газа, после чего начался бум в его развитии, превративший в 90-х годах уютное деревенское местечко в промышленный город. Для сотен американских сообществ этот небольшой 35-летний период включает в себе промышленную революцию, которая обрушилась на городки и поселки и положила начало состязанию между Ротари-клубами, центральными советами профсоюзов и членами Торговой палаты за «более крупные и лучшие» города.

Будь у нас больше времени и средств, наверняка было бы желательно зафиксировать больше точек в тенденциях, наблюдавшихся между 1890 годом и нынешним днем. Однако процедура, которой мы придерживались, позволяет взглянуть на сегодняшний город на фоне города предыдущего поколения, из которого он вырос и которым он обусловлен, и тем самым увидеть нынешнюю ситуацию как последнюю точку в развивающейся тенденции.

Итак, подытожим: настоящая книга нацелена на то, чтобы представить динамическое, функциональное ²⁰ исследование сегодняшней жизни конкретного американского сообщества в свете тенденций изменения в поведении, которые наблюдались на протяжении последних 35 лет.

Столь широкий подход с необходимостью предполагает использование данных, обладающих самой разной степенью наблюдаемости и статистической адекватности. Некоторые типы поведения в изучаемом городе открыты для наблюдения на всем временном отрезке с 1890 года; в других случаях удастся получить лишь жалкие крохи сведений. Так, множество людских разговоров — пересудов, которые не умолкая звучат вокруг обеденного стола, в городских закоулках или в ожидании начала баскетбольного матча, — приводится здесь не потому, что в них содержатся научно достоверные сведения, а потому что они дают нам незаменимую возможность проникнуть в настроения и умственные обыкновения горожан. При попытках собрать из этих различных типов данных

²⁰ «Функция», в принятом здесь смысле, обозначает ту или иную основную жизненную деятельность или нечто, вносящее вклад в выполнение той или иной основной жизненной деятельности.

картину целостной ситуации будут возникать пробелы и нарушения пропорций. Однако следует иметь в виду два извиняющих нас обстоятельства: здесь нет никаких попыток доказать изложенными данными какой-либо тезис и делается все возможное, чтобы предостеречь читателя там, где лед тонок.

Поскольку наша полевая работа была нацелена на интеграцию разных областей поведения, а не на обнаружение нового материала в какой-нибудь узко ограниченной области, о значительной части представленных здесь конкретных данных легко будет сказать: «Мы уже это знали». Однако в основе данного исследования лежит допущение, что представление этих феноменов — сколь бы известными некоторые из них ни были — в их взаимосвязи в конкретной ситуации может по-новому высветить старые проблемы и тем самым положить начало дальнейшему исследованию.

Глава IV. Доминирование жизнеобеспечения

Чужак, не знакомый с обычаями Среднего города и заброшенный в него волей случая (как было с полевыми исследователями в январе 1924 года), был в городе человеком одиноким. Люди, которых он там видел, были изо дня в день упорно заняты каким-нибудь весьма рутинизированным, специализированным делом. Казалось, одни только младенцы, дряхлые старики да горстка-другая женщин имели свободное время для ответов на его бесчисленные вопросы.

Одним словом:

43 из каждых 100 человек в Среднем городе заняты главным образом жизнеобеспечением всей группы.

23 из 100 заняты обустройством домашней жизни города.

19 из 100 получают изо дня в день требующуюся от молодых подготовку.

15 из 100 (оставшиеся) — в основном дети до 6 лет и дряхлые старики.

Люди, занятые жизнеобеспечением группы и этим зарабатывающие на жизнь, не только доминируют численно; по ходу исследования становилось все более ясно, что такое средство обмена, как деньги, и круг занятий, связанных с их приобретением, оказывают решающее влияние на другие виды деятельности. Риверс начинает свое исследование тогда* с описания ритуала дойки буйволицы, поскольку «идеи, заимствованные из ритуала дойки,

* Тога — народность в Индии. (Прим. перев.)

пронизывают всю церемониальную жизнь тогда»²¹. Аналогичная ситуация заставляет нас из шести групп занятий Среднего города, которые предстоит описать, обратиться прежде всего к тем, которые связаны с жизнеобеспечением. Насколько в жизни людей доминирует этот сектор, станет ясно по ходу исследования.

С первого взгляда трудно усмотреть что-нибудь похожее на порядок в обыденной жизни сообщества, представляющей безумную палитру различных способов зарабатывания на жизнь. Их почти четыре сотни: сюда входят такие разные виды занятий, как аудиторы, бальзамировщики, банковские кассиры, банковские операционисты, бухгалтеры, дробильщики, изготовители заклепок, инженеры по освещению, инженеры-механики, инженеры-электрики, кассиры, клепальщики, контролеры, крановщики, красильщики, линотиписты, металлурги, метеорологи, референты, сборщики, сметчики, специалисты по рационализации производства, стерженщики, счетоводы, упаковщики, установщики куполов, электрики, энтомологи и так далее до бесконечности. При более внимательном исследовании, однако, эту хаотичную массу можно разложить на два вида деятельности. Люди, которые ими заняты, будут далее в отчете обозначаться как рабочий и деловой классы²². Члены первой группы, в целом, зарабатывая на жизнь, ориентируют свою деятельность прежде всего на *вещи* и используют для изготовления вещей и выполнения услуг материальные орудия; члены второй группы, продавая или продвигая на рынке вещи, услуги и идеи, ориентируют свою деятельность главным образом на *людей*. Эта вторая группа обеспечивает город множеством нематериальных институциональных деятельностей, таких, как «кредит», «юридический договор», «образование», «розничная торговля», «менеджмент» и «городское управление», посредством которых жители Среднего города в неявном торге друг с другом

²¹ Rivers W. H. R. *The Todas*. N. Y.: Macmillan, 1906. P. 16. См. также p. 38: «Жизни людей в значительной мере посвящены их буйволам... Обычные операции дойки стали религиозным ритуалом, и церемонии религиозного характера сопровождают чуть ли не каждое важное событие в жизни буйволов».

²² Другие термины, которые можно бы было использовать для различения этих двух групп по их профессиональным занятиям, таковы: люди, деятельность которых связана с вещами, и люди, деятельность которых связана с людьми; люди, работающие руками, и люди, работающие языками; люди, производящие вещи, и люди, продающие или продвигающие вещи и идеи; люди, пользующиеся материальными орудиями, и люди, пользующиеся различными нематериальными институциональными инструментами.

конвертируют узкоспециализированный продукт своей обыденной жизни в «уютный вечер у себя дома», «воскресный выезд за город», «пожарную охрану», «новую коляску для малыша» и все прочие вещи, составляющие жизнь в Среднем городе. Если распределение по родам занятий в Среднем городе, зафиксированное на 1920 г. в Федеральной переписи населения, перераспределить в соответствии с этой группировкой, то мы увидим, что рабочий класс численно превосходит деловой класс в 2,5 раза: в него входит 71 человек из 100 — против 29²³.

Подобная классификация не может быть целиком удовлетворительной. Фотограф,

²³ См. таблицу 1, где приводятся основания этого распределения.

Четыре из 29 на каждую сотню, относимые к деловому классу, принадлежат к группе пользователей высококвалифицированными навыками (архитекторы, хирурги, химики и т. д.), которые, хотя и ориентируются в своей деятельности, связанной с зарабатыванием денег, в большей степени на вещи, чем на людей, не включаются здесь в рабочий класс, поскольку все другие их деятельности помещают их в одну группу с деловым классом. Следует постоянно иметь в виду, что термин «деловой класс», в принятом здесь значении, включает этих и других профессиональных работников. Поскольку именно деловые интересы города главенствуют и в основном накладывают свой отпечаток на юриста, химика, архитектора, инженера, учителя и даже, в какой-то степени, на проповедника и врача, такая группировка в целом точно представляет факты.

Пристальное внимание было уделено применимости к задачам настоящего исследования общепринятого трехчастного деления населения на низший, средний и высший классы. Эта схема была, однако, отвергнута, и вот по каким причинам: (1) Поскольку главенствующий характер деятельностей, связанных с жизнеобеспечением, впечатывает в группу образец социальной стратификации, основанный прежде всего на профессиональной деятельности, представлялось желательным использовать термины, выдвигающие на передний план это разделение по роду занятий. (2) При применении к сегодняшнему Среднему городу традиционной трехчленной классификации пришлось бы считать, что в этом городе есть только низший и средний классы; восемь или девять семей можно было бы рассматривать как относящиеся к высшему классу, но эти семьи не образуют отдельной группы, а растворяются в жизни массы делового люда. Греттон, указывая на трудность выделения какой-либо группы в качестве «среднего класса» в сегодняшнем промышленном обществе, определяет его как ту самую группу, которая называется здесь деловым классом: «Средний класс — это та часть сообщества, для которой деньги являются первоочередным условием и первоочередным инструментом жизни... Он... включает торговцев и капиталистических промышленников... [а также] класс профессионалов» (Gretton R. H. *The English Middle Class*. L.: Bell, 1917. P. 1-13).

занимаясь аэрофотосъемкой, неизбежно жертвует мелкими деталями, когда взлетает достаточно высоко, чтобы обозреть в целом всю территорию. Внутри этих двух основных групп бесконечно много градаций: от занятого грубой работой поденщика до мастера, литейщика и типографского работника (в одной группе), от продавца и кассира до владельца фабрики и профессионала (в другой). Есть, разумеется, также и «сумеречный пояс», в котором некоторые члены двух групп пересекаются и смешиваются друг с другом.

Если бы целью данного исследования была детальная структурная схема, необходимо было бы расшифровать в мельчайших подробностях множество пересекающихся друг с другом группировок, наблюдаемых в Среднем городе. Но поскольку мы ищем понимания главных функциональных характеристик этой изменяющейся культуры, важно, чтобы значимые контуры не потерялись в деталях, и, следовательно, внимание в этом отчете будет сосредоточено на тех имеющихся в городе группах, в которых наиболее ясно представлены основные характеристики. Хотя мы и будем пытаться прояснить некоторые изменчивые аспекты поведения в пределах этих двух групп, в конечном счете, именно это деление на рабочий класс и деловой класс образует в Среднем городе самое характерное внутреннее различие. Уже сам факт рождения по ту или другую сторону водораздела, образованного этими двумя группами, является в высшей степени важным культурным фактором, как правило, оказывающим влияние на то, чем человек занимается целый день на протяжении всей своей жизни, с кем он вступает в брак, в который час он утром встает, принадлежит ли он к секте трясун или к пресвитерианской церкви, водит ли он «Форд» или «Бьюик», будет или не будет его дочь членом престижного школьного клуба, будет ли его жена ходить в кружок кройки и шитья или на мероприятия союза любителей искусств, принадлежит ли он сам к обществу «Оддфеллоуз» или к Масонскому братству, сидит ли он на вечеринках без галстука, и так далее до бесконечности по всему спектру обыденной жизни жителя Среднего города, будь то мужчины, женщины или ребенка.

Всякий раз, когда в отчете Средний город или какая-то городская группа фигурирует как единица, такой способ выражения должен рассматриваться как не более чем стенографический символ. Любые описания характеристик групп неизбежно будут лишь приблизительными, и то обстоятельство, что в основе социального поведения лежит поведение индивидов, никогда нельзя упускать из виду.

ТАБЛ. 1. ДОЛИ ЗАНЯТЫХ В СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЛОВОГО И РАБОЧЕГО КЛАССОВ, В % (ИЗ ПРИМЕРНО 13000 МУЖЧИН И 3500 ЖЕНЩИН), 1920

Г.¹

ГРУППА	ВСЕ	МУЖ	ЖЕ
	ГО	ЧИНЫ	НЩИНЫ
	100, 0 %	100,0 %	100, 0 %
<i>Деловой класс (вовлеченные в виды занятий, ориентированные прежде всего на людей²)</i>	29,4	25,5	43,5 ³
Рабочий класс (вовлеченные в виды занятий, ориентированные прежде всего на вещи)	70,6	74,5	56,5

¹ Эти процентные доли получены путем тщательного перераспределения данных о классификации жителей Среднего города по родам занятий, взятых из переписи 1920 г. Они строятся на точных цифрах, хотя здесь эти цифры округлены с целью не допустить узнавания Среднего города читателем. Такая классификация является в лучшем случае приблизительной. В случае некоторых амбивалентных групп приходилось принимать трудные решения; в этих решениях мы опирались на многомесячное знакомство с трудовыми привычками Среднего города и консультации с местными бизнесменами и рабочими. Общий метод классификации иллюстрируется следующей трактовкой родов занятий, сгруппированных в переписи под рубрикой «Обрабатывающая и механическая промышленность». Вся группа (как мужчины, так и женщины) была целиком помещена в рабочий класс, за следующими исключениями: четверо мужчин из группы пекарей были переброшены в деловой класс, поскольку были в большей степени продавцами, чем рабочими; все строители и строительные подрядчики, десять портных и швей, пятнадцать галантерейщиков (один мужчина и четырнадцать женщин), одиннадцать портных, все менеджеры и управляющие, а также вся группа промышленников и чиновников были помещены в деловой класс.

² Как объяснено в главе IV (прим. 7), среди 29 человек из 100, образующих деловой класс, четверо — технические профессионалы, которые в своей деятельности ориентируются прежде всего на вещи, а не на людей, но тем не менее включаются по указанным причинам в деловой класс.

³ Эта группа включает больше амбивалентных случаев, чем любая другая: сюда входят, например, девушки, обслуживающие покупателей в магазинах.

Глава XXIX. Заключение

Некоторые люди, ознакомившись с результатами представленного выше полевого исследования, спрашивали: «Ну и какие вы делаете выводы? Лучше или хуже становится американская жизнь?» Рассмотрение Среднего города под углом зрения таких категорий, как «хорошо» или «плохо», «лучше» или «хуже», не имеет отношения к задачам нашего исследования; если здесь и приводились данные, допускающие сравнение с другими сообществами или с какими-нибудь гипотетическими стандартами, то только с целью прояснить значимые аспекты жизни Среднего города. Ход исследования вовсе не был нацелен на то, чтобы в итоге получить гладкие обобщения. Напротив, попытки выявить взаимосвязи в клубке переплетенных, часто противоречащих друг другу институциональных привычек, составляющих жизнь Среднего города, привели нас лишь к немногим общим выводам о незавершенном состоянии этого небольшого современного сообщества, а также о масштабе и сложности задач, стоящих перед социальной наукой.

Описание явлений, наблюдаемых в Среднем городе, показало вместе с тем некоторые регулярные проявления тех процессов социального изменения, в нем протекающих, которые в значительной мере виновны в порождении того, что его жители называют «социальными проблемами».

Как мы видели, жизнь в Среднем городе движется удивительно неравной поступью. Разница в скорости приспособления к выполнению одной и той же функции наблюдалась между старшим и младшим поколениями и даже между людьми, живущими по соседству друг с другом; женщины демонстрировали во многих аспектах больше консерватизма, чем мужчины, а те, проявляя в своем приспособлении, по-видимому, не больше порядка или связности, оказываются хуже приспособляющимися во многих других отношениях. Во многих видах деятельности, как неоднократно отмечалось, рабочий класс пользуется сегодня привычками, свойственными в прошлом поколению деловому классу; если бы можно было четко дифференцировать градации, через которые эти две главные группы постепенно переходят друг в друга, то могло бы оказаться, что многие изменения медленно просачиваются через различные промежуточные группы. Иногда, впрочем, изменения передаются и в обратном направлении, от рабочего класса к деловому, как это было, например, с употреблением хлеба заводского производства и консервированных продуктов.

Дело не ограничивается этими различиями в выполнении *одного и того же* вида

жизненной деятельности, существующими между индивидами и между возрастными, половыми и другими группами Среднего города, — различиями, выраженными во многих случаях достаточно сильно, чтобы оказывать заметное воздействие на отношение человека к миру. Кроме того, город в целом и группы внутри города живут в разных эпохах с точки зрения выполнения *разных* видов жизненной деятельности. Очевидно, что некоторые из этих привычных занятий в Среднем городе остаются почти такими же, как и в прошлом поколении, тогда как в выполнении других видов деятельности нынешние методы мало походят на прежние. Среди 6 основных групп деятельностей просматривается некоторая иерархия темпов изменения. Жизнеобеспечение демонстрирует, по-видимому, наиболее всепроникающее изменение, особенно в своих технологических и механических аспектах; досуг, тоже заметнее всего меняющийся в сфере материальных достижений, таких, как автомобиль и кино, обладает почти такой же изменчивостью; обучение молодых в учебных заведениях, общественная деятельность и обустройство домашней жизни занимали бы (в разном порядке в зависимости от конкретных изучаемых аспектов) третье, четвертое и пятое места; и, наконец, на последнем месте идет официальная религиозная деятельность, представляющая в целом наименьшую степень изменчивости.

Таким образом, в силу того, что в Среднем городе всегда допускается на практике широкая изменчивость, можно заметить, что, воспитывая своих детей дома, он пользуется в основном психологией прошлого века, а убеждая горожан покупать товары в своих магазинах — психологией нашего века; в своих судах он начинает считать индивидов не вполне отвечающими за свои поступки, но в то же время в своей институциональной машинерии продажи домов относится к неуплате (независимо от того, вызвана она безработицей, болезнью или иными факторами) как к умышленному нарушению соглашения, отменяющему всякое право на снисходительность; человек может зарабатывать на жизнь, работая на станке XX века, но в то же время охотиться за рабочим местом в условиях индивидуалистического принципа *laissez-faire*, уже сто лет как устаревшего; мать может принимать обязанность сообщества дать ее детям образование, но не его обязанность заботиться об их здоровье; она может жить в одной эпохе в способах уборки дома и стирки, но в другой — в сфере ухода за детьми и в супружеских отношениях.

Не только скорость изменения широко варьирует, но, вдобавок к тому, и направление изменения чрезвычайно неустойчиво. Социальное изменение и то, что Средний город называет «прогрессом», не синонимы. Есть серьезный повод подозревать, например, что замедление движения в сторону централизованной стирки белья вне дома, возникшее в связи с установкой во многих сотнях домов Среднего города дорогих

электрических стиральных машин, включаемых всего раз в неделю, представляет не «прогресс», а откат в технике ухода за домом.

Перечисление этих вариаций в повседневной практике Среднего города можно бы было продолжать до бесконечности. Здесь у нас нет намерения ни радостно поддержать изменение в какой-то данной точке или какого-то данного рода, ни превознести быстрое изменение над более ленивой адаптацией. Однако независимо от того, предрасположен ли кто-то в силу своего темперамента к социальному изменению или сопротивляется ему, факт остается фактом: жизнь Среднего города почти в каждой своей точке представляет либо какое-нибудь изменение, либо какой-нибудь стресс, проистекающий из отсутствия изменения. Одной ногой гражданин стоит на относительно твердой почве установленных институциональных привычек, а другой вскакивает на эскалатор, беспорядочно движущийся в нескольких направлениях на пугающе разных скоростях. Жизнь в таких обстоятельствах состоит прежде всего в поддержании некоторого рода равновесия. Если, как снова и снова оказывалось, Средний город хочет прочнее закрепиться на относительно твердой почве, то это лишь проявление нежелания менять привычные обычаи, общего для всех людей, где бы они ни жили²⁴.

Поскольку возникновение «социальных проблем» представлялось в немалой степени связанным с неровным, несинхронизированным движением социальных институтов, лучшее понимание того, как развиваются и изменяются такие

²⁴ Как неоднократно указывалось, человеку свойственно перед лицом новых условий вносить как можно меньше изменений в привычные способы поведения; процесс социального изменения олицетворяется тем фактом, что первый кузов автомобиля «Паккард», представленный промышленникам, имел на приборной доске кнутовище. А. Л. Крёбер, говоря о развитии греческого алфавита, пишет: «Они следовали методу, характерному для изобретения вообще. Они брали существующую систему, сгибали и выпрямляли ее, как могли, а по-настоящему творили лишь тогда, когда им приходилось это делать» (Kroeber A. L. *Anthropology*. N. Y.: Harcourt, Brace & Co., 1923. P. 272).

В 1890 году в Среднем городе Городской совет запретил богатому гражданину класть перед домом «новомодную бетонную дорожку» и постановил сделать дорожку из кирпича. Так же, отмечает У. А. Томас, сопротивлялись в первое время железному плугу под тем предлогом, что он оскорбляет Бога, отравляет почву и вызывает рост сорняков, а человека, впервые воспользовавшегося зонтиком на улицах Филадельфии, арестовали (Thomas W. I. *The Unadjusted Girl*. Boston: Little, Brown, 1923. P. 228-231).

институциональные привычки, какие из них легче всего усваиваются и какие сопутствующие обстоятельства облегчают или сдерживают их усвоение, стало первостепенной заботой для тех, кто хотел применить к жизни Среднего города более эффективные методы планирования и контроля. В одном случае за другим вышеприведенный текст показывал, что к новым способам поведения в отношении материальных вещей Средний город приучается быстрее, чем к новым привычкам в отношении людей и нематериальных институтов. Самыми плодовитыми источниками изменения были новые орудия и изобретения. Они входили в промышленную жизнь Среднего города быстрее, чем новые средства бизнеса и управления. Ваннанные комнаты и электричество проникали в городские дома быстрее, чем инновации в личностном приспособлении между мужем и женой или между родителями и детьми. Автомобиль изменил свободное время радикальнее, чем литературные курсы для молодежи, а курсы профориентации проникали в школьные учебные планы быстрее, чем изменения в гуманитарных курсах. Развитие линогипса и радио изменяет технику победы на политических выборах больше, чем усовершенствования в ораторском искусстве или методах проведения голосования в Среднем городе. YMCA, выросшая на базе гимназии, демонстрирует больше изменений в религиозных институтах Среднего города, чем еженедельные проповеди его священников или установления Пастырской ассоциации. В общем и целом, новое орудие или материальное приспособление, особая эффективность которого может быть решительно и беспристрастно проверена, наверняка будет как-то пристраиваться к принятой в Среднем городе схеме вещей, в то время как противоположные нематериальные факторы, такие, как традиция и чувство, лишь медленно и постепенно будут впускать в себя это новшество.

Еще одна особенность социального изменения, наблюдаемого в Среднем городе, — это непрямая процедура, посредством которой нововведение сначала появляется во множестве случаев как дополнительный альтернативный способ делания чего-то, а потом со временем вытесняет конкурирующий с ним старый способ. Такие нововведения, как новейшие методы осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей, соседствующие бок о бок с прежней судебной процедурой, продолжающей применяться в отношении взрослых; государственное и полугосударственное здравоохранение, возникшее в противовес традиционной индивидуалистической медицинской практике; развитие анонимного Объединенного благотворительного фонда параллельно продолжающимся отдельным персонализированным пожертвованиям — все это примеры того, о чем идет речь. По ходу

дела можно задать вопрос, почему при наличии у человека склонности как можно меньше менять свои обычаи этот относительно безболезненный метод введения альтернативной процедуры так и не был принят в должной мере потенциальными реформаторами вместо широко распространенного метода лобовой атаки на установленные институты, прямым результатом которого становится ужесточение защитного сопротивления со стороны подавляемого института. Наблюдаемая склонность Среднего города цепляться за любимые традиции и в то же время смело экспериментировать в освоении всего нового там, где дело касается его детей, наводит на мысль о возможной стратегии использования ситуаций, вовлекающих ребенка в развитие новых альтернативных моделей поведения.

Новые привычки, которые не сталкивались с сильным эмоциональным сопротивлением, входили в жизнь Среднего города явно легче, чем те, которые оказывались в противоположной ситуации. Так, автомобиль в Среднем городе был принят для развоза бакалейных товаров быстрее, чем для использования на похоронах, а для поездки на работу — быстрее, чем для поездки в церковь. Это предполагает значимость процесса секуляризации институтов Среднего города, не раз отмеченного нами, для социального изменения в затронутых им областях.

В то самое время, когда секуляризация уменьшает в некоторых точках эмоциональное сопротивление, сама быстрота проникновения таких безличных институтов, как автоматическое оборудование, электроприборы и автомобили, преумножает в Среднем городе поводы к эмоциональному взрыву, умножая несоответствия между этими освобождающими от бремени новыми обычаями и другими привычками, в противовес которым они себя навязывали. Достаточно будет назвать новые зоны разногласий между родителями и детьми, созданные проникновением в их мир автомобиля и кино, или эмоциональные расхождения, предположенные выше в связи с появлением и внедрением автоматике в жизнь среднегородских рабочих и их семей. Объяснение отмеченной ранее склонности Среднего города связывать свои эмоциональные приверженности воедино, так сказать, «голосовать за весь список сразу», может, по-видимому, крыться в его растущем чувстве напряжения и растерянности посреди быстро меняющегося мира, который только так может быть собран воедино и обрести смысл.

Среди вопросов, возникающих из наблюдаемых явлений и требующих дальнейшего исследования, можно назвать следующие.

Какое значение для социального изменения имеет нынешняя тенденция Среднего города все больше подчинять свою жизнь денежным соображениям? Где тайная жизнь

такого меркантильного сообщества увеличивает и уменьшает готовность соответствовать требованиям изменяющейся культурной среды?

Как перенос акцента на настоящее и будущее, коему способствуют такие новые изобретения, как автомобиль, и заметное распространение образования и института кредита, делает ситуацию благоприятной или неблагоприятной для конкретных видов изменения?

Какое значение для социального приспособления имеет возросшая роль молодежи с ее большей приспособляемостью?

При каких условиях изменение в одном секторе привычных реакций индивида на мир может влиять на его сопротивляемость или восприимчивость к конкретным изменениям в других секторах?

В каких точках изменение соотносительного статуса мужчин и женщин будет вероятнее всего обуславливать приспособление Среднего города к новым институциональным привычкам, наваливающимся на него со всех сторон?

Какие типы эмоциональной приспособленности и неприспособленности вероятнее всего возникают вследствие ограничений, насаждаемых стандартами, принятыми в разных группах Среднего города? Например, каким образом факт принадлежности к деловому или рабочему классу подчиняет индивидов разным ограничениям в выполнении одних и тех же видов жизненной деятельности?

Можно ли яснее определить, какие виды культурных черт обычно переходят от делового класса к рабочему, а какие проделывают путешествие в обратном направлении? И какие специфические факторы могут ускорять или сдерживать распространение той или иной черты в конкретном сообществе?

Начиная время от времени неохотно сознавать расхождения в своей институциональной системе, Средний город часто был склонен избегать «что-то делать» с этими «социальными проблемами» «скверных времен», «молодого поколения», «коррупцированной политики», «жилья», «уличного движения» и т. д., возлагая вину на «природу вещей» или на своеволие индивидов. Когда «проблема» становилась настолько невыносимой, что сообщество чувствовало себя вынужденным искать и применять какое-нибудь «лекарство», последнее обычно сводилось к логическому перенесению старых категорий на новую ситуацию, эмоциональной защите прежней ситуации путем возобновленного настаивания на традиционных вербальных и иных символах или более строгому насаждению и дальнейшему усложнению существующих институциональных средств: так, на трудности в деловом мире отвечают усложнением финансовых механизмов

и попытками применить к корпоративной деятельности привычную индивидуалистическую этику; на рост преступности — развитием полицейской и судебной систем или двукратным увеличением наказания; на политическую коррупцию — возвращением к изучению Конституции во всех школах, общенациональными ораторскими состязаниями и вытаскиванием большего числа людей на выборы; на равнодушие к церкви — образованием большего числа церковных организаций. Все вышеизложенное указывает на возможную пользу более основательной процедуры, которая заключала бы в себе анализ и переоценку самих институтов как таковых.

Приложение: примечание о методе

Для Среднего города первым признаком того, что его исследуют, стало состоявшееся без лишнего шума открытие офиса в одном из местных зданий группой людей, приехавших сюда «изучать рост города». Авторы отчета и мисс Флорной, штатный секретарь, жили в Среднем городе с января 1924 г. по июнь 1925 г., мисс Дэвис — в течение года, а д-р Уильямс — в течение пяти месяцев.

С самого начала у нас не было никаких жестких программ; мы сошлись на шести основных видах жизненной деятельности, под углом зрения которых следует изучать Средний город, и исследование началось с попытки как можно более беспристрастного наблюдения того, что люди делают, осуществляя эти виды деятельности, и тенденций изменения, представляемых этими процессами за последние 35 лет. Такая процедура предполагала некоторую потерю времени, однако выигрывала в гибкости и, как мы надеялись, в объективности; когда позже разрабатывались программы интервью и опросные листы, мы исходили уже из конкретного поведения, которое наблюдали в городе.

По мере того как исследование шло вперед, его рамки были сужены, и мы сосредоточились на 1890 и 1924 годах, отказавшись от детального изучения годов, находящихся в промежутке между ними. Целью здесь было не выявление контрастов, а достижение более ясного понимания того, как прошлое поведение определяет нынешнее поведение. Кроме того, оказалось, что, сколь бы ни был Средний город однородным в расовом и во многих других отношениях, даже осуществление его основных видов деятельности невозможно было описать в терминах города как единого целого. Предпринимались всевозможные попытки определить разные группы внутри города, и в конце концов было решено (как указывается в главе IV, особенно в примечаниях 6 и 7), что дифференциация на деловой класс и рабочий класс представляла бы факты наиболее

адекватно. Соответственно, исследование еще более сузилось в работе с данными за счет сосредоточения на деловой и рабочей классовых группах. Результат не является завершенной структурной картиной города, но, на наш взгляд, он указывает на принципиальные характеристики данной культуры, главные точки расхождения внутри города и важнейшие области движения. Вместе с тем, когда о Среднем городе или о какой-то группе внутри города в тексте говорится так, как если бы они были в мышлении или поведении единым целым, следует помнить, что эта маскировка индивида за группой — не более чем стенографический символ.

Однако даже таким образом ограниченное исследование никак не могло претендовать на полноту; отбор данных неизбежно был в той или иной степени субъективным. В целом, критерий отбора заключался в том, что институты изучались не сами по себе, но всегда в соотношении с теми видами жизненной деятельности, которым они служили. Таким образом, многие детали, которые представляли бы огромный интерес, если бы в центре внимания находилась работа данного института, становились для нас менее значимыми.

В исследовании использовались следующие методы:

1. *Участие в местной жизни.* Члены исследовательской группы жили в съемных квартирах или в комнатах частных домов. Они всеми возможными способами участвовали в жизни города, заводя друзей и приобретая местные связи и обязательства, как и любые другие жители Среднего города. Благодаря этому была достигнута значительная мера непринужденности, и они в общении с горожанами не были «как клоп на иголке». Члены исследовательской группы могли в один вечер ужинать с главой крупного промышленного предприятия, а в другой — с профсоюзным лидером или поденщиком. Неделю за неделей они посещали церкви, школьные собрания и учебные занятия, судебные заседания, политические митинги, профсоюзные собрания, ужины в городских клубах, миссионерские проповеди, лекции, ежегодные торжественные мероприятия, карточные партии и т. д. В конце этого периода они имели доступ к некоторой информации, которая с самого начала была им совершенно недоступна. Это постоянное чередование непринужденного участия и наблюдения со стороны представляло трудности, которые не всегда удавалось успешно преодолеть.

Для составления отчетов о посещенных собраниях, равно как о частных интервью и случайных разговорах, использовался следующий метод: во время собрания, службы или разговора по возможности потихоньку делались короткие записи, а затем немедленно составлялся подробный отчет согласно принятой стандартизированной форме. В случаях,

когда делать записи по ходу дела не представлялось возможным, отчет составлялся по памяти.

2. *Изучение документов.* Везде, где было возможно, использовались данные переписи населения, городские и окружные документы, судебные дела, школьные документы, двулетние отчеты и ежегодники штата и т. д.

Были подробно прочитаны полные комплекты двух главных ежедневных газет за 1890 и 1891 гг., а в добавление к ним ежедневная демократическая газета и профсоюзный вестник, пользовавшиеся какое-то время популярностью. В течение полутора лет (пока длилось исследование) полностью, а потом еще в течение года менее подробно прочитывались две ежедневные республиканские газеты и демократический еженедельник; делались соответствующие вырезки. Часто приходилось использовать газеты за 1900, 1910 и другие годы изучаемого временного отрезка.

Были прочитаны протоколы различных организаций, относящихся как к прошлому, так и к нынешнему периоду, а также, в большинстве случаев, еще и протоколы за промежуточные годы. В число этих организаций входили Совет по образованию, миссионерские общества двух ведущих церквей, Пастырская ассоциация, Объединенный клуб клубов, Женский клуб, Библиотечный совет, Гуманитарное общество и другие группы. Было проведено подробное сравнение экзаменационных вопросов 90-х годов и настоящего времени для начальной и средней школы, полные комплекты которых оказались доступны.

Были прочитаны два необычайно подробных дневника, относящихся к периоду 1886-1900 гг.: один из них принадлежал крупному торговцу и видному протестантскому церковному деятелю, другой — молодому пекарю-католику. Эти и различные другие дневники, а также «подшивки» вырезок, программ, писем, клубных объявлений и т. д., подкрепленные личными воспоминаниями граждан почтенного возраста, помогли обеспечить для раннего периода некий частичный эквивалент сегодняшних неформальных межличностных контактов и досужих разговоров.

Везде, где было возможно, использовались истории штата, округа и города, городские справочники, карты, «рекламные проспекты», публикации Торговой палаты, школьные ежегодники, отчеты о состоянии здоровья в городе, другие официальные отчеты и т. д.

3. *Сбор статистических данных.* В некоторых случаях, когда не было никакого статистического материала, имелась возможность собрать данные из источников в самом городе, в столице штата и из самостоятельных подсчетов членов исследовательской

группы. Сюда входили количественные сведения о зарплатах, продолжительности найма, несчастных случаях на производстве, близости места жительства к месту работы, служебном продвижении, членстве в клубах, членстве в церквях, их посещаемости и пожертвованиях прихожан, пользовании библиотеками, тиражах периодических изданий, посещаемости кинотеатров, владении и пользовании автомобилями и т. д.

4. *Интервью.* Они варьировали во всем диапазоне от самых случайных разговоров с трамвайными кондукторами, дворниками, парикмахерами или людьми, оказавшимися рядом во время публичного ужина или собрания клуба, до тщательно спланированных интервью с индивидами, наиболее подходящими для получения информации о тех или иных сторонах городской жизни. Среди последних были, например, подробные интервью с шестью ведущими протестантскими священниками и с секретарями YMCA и YWCA, длившиеся по четыре часа каждое и охватывающие широкий круг вопросов, относящихся к внутренним сторонам жизни их организаций и личным проблемам, с которыми они сталкиваются в Среднем городе как религиозные работники. Такой опрос, становившийся возможным после многомесячного близкого знакомства с этими людьми, обеспечивал, на наш взгляд, почти полную искренность в ответах.

По ходу исследования показалось желательным проверить в отдельных семьях некоторые гипотезы касательно тенденций, наблюдаемых в поведении сообщества. Соответственно, на основе этих наблюдаемых характеристик были разработаны программы, после чего были проинтервьюированы 124 семьи, явно относящиеся к рабочему классу, и 40 семей, явно принадлежащих к деловому классу. При отборе семей соблюдались следующие требования: они должны были быть коренными белыми американцами и жить в пределах города; оба родителя должны были быть живы и проживать вместе; у них должен был быть ребенок или несколько детей в возрасте от 6 до 18 лет. Интервью во всех случаях проводились с женой, хотя иногда при разговоре присутствовал муж. Во всех случаях, когда удавалось попасть в дом, прежде всего брались сведения о том, кем работает муж и насколько давно; затем, если оказывалось, что в семье нет детей школьного возраста, интервью далее не проводилось. Кроме того, не во всех личных интервью удавалось получить все необходимые данные. Так, среди рабочих семей было 182 семьи, в которых были получены данные о продолжительности работы мужа на его нынешнем месте, 165 семей, в которых была получена информация о том, что муж не работает, в 124 семьях удалось пройти по всему списку вопросов и получить информацию по всем или почти всем из них, и только для 100 семей удалось узнать распределение дохода.

В поисках рабочих семей мы опирались на адреса всех цеховых рабочих, взятые из платежных ведомостей трех ведущих заводов, расположенных в трех разных частях города и относящихся к трем разным репрезентативным типам стекольной и металлургической промышленности. Мы следили за тем, чтобы общая сумма семей, проинтервьюированных в какой-то части города, была примерно пропорциональна доле рабочего населения, приходящейся на эту часть города. Интервью с рабочими семьями заранее не назначались. Каждое занимало от 2 до 3 часов, но, несмотря на этот факт, а также на подозрительное отношение к чужакам, которое приходилось преодолевать, трем членам нашей группы, проводившим интервьюирование, удавалось доводить интервью до конца более чем в четырех из пяти случаев, в которых жена оказывалась дома и семья содержала детей соответствующего возраста. За исключением девяти, все интервью проводились днем. Недостатком этого было сокращение доли семей, в которых жена в это время была на работе, и увеличение доли семей более благополучных рабочих, включая мастеров. Этот дефект выборки несколько компенсируется, однако, тем фактом, что местная промышленность в период проведения интервью находилась в упадке (из-за чего число женщин, занятых в промышленности, уменьшилось), а также тем, что мы брали данные о занятости жены за последние пять лет. Когда имена, взятые из платежных ведомостей, исчерпывались, интервьюеры в некоторых случаях дополняли их с помощью случайного метода, звоня в двери других домов, в которых, по словам только что проинтервьюированной женщины, были дети школьного возраста.

По нашему мнению, эти 124 рабочие семьи являются репрезентативной выборкой тех, кто занят в мануфактурной и механической промышленности, преобладающей в Среднем городе. 100 мужчин-рабочих, о коих были получены данные о доходе, можно классифицировать по родам занятий примерно так: станочники — 26; мастера — 9; формовщики — 7; сортировщики, инспекторы, контролеры — 5; квалифицированные механики — 4; модельщики — 3; инструментальщики — 3; шлифовальщики и полировщики — 3; инженеры — 2; плотники — 2; упаковщики — 2; обжигальщики — 2; сталепрокатчики — 2; паяльщик — 1; электрик — 1; рабочий депо — 1; художник-декоратор в красильне — 1; смешанная группа малоквалифицированных рабочих, включая чернорабочих — 26. Среди остальных 24 рабочих, чьи семьи были подробно проинтервьюированы, были: станочники — 7; мастера — 2; сортировщики — 2; высококвалифицированный механик — 1; инженер — 1; кузнец — 1; и смешанная группа малоквалифицированных рабочих, в т.ч. чернорабочие — 10.

Сорок интервью с членами делового класса не столь репрезентативны для всех

уровней деловой группы. С этой группой необходимо было заранее договариваться, и нам приходилось интервьюировать только тех, кто был готов к сотрудничеству. В большинстве случаев интервью длились дольше, чем с представителями рабочего класса. Интервью с представителями обоих классов проводились на последнем этапе полевого исследования. В свете полугодичного проживания в городе, потребностей времени и преобладавшего в исследовании акцента на динамических тенденциях местной жизни, мы посчитали мудрым противопоставить базовой группе семей рабочего класса довольно однородную, хотя и неизбежно небольшую по размеру группу, чьи обычаи в большинстве отношений представляют для остальной части города направление изменения. Сорок мужчин из делового класса, чьи жены были проинтервьюированы, имели следующие профессии: промышленники — 5; инженеры — 4; юристы — 4; розничные торговцы — 4; оптовые торговцы — 2; банкиры — 2; учителя — 2; религиозные работники — 2; врачи — 2; бухгалтеры — 2; менеджер по продажам — 1; коммивояжер — 1; риэлтор — 1; гостиничный менеджер — 1; менеджер в газете — 1; менеджер по коммунальным услугам — 1; банковский кассир — 1; закупщик — 1; писатель — 1; мелкий антрепренер — 1; владелец похоронного бюро — 1. Семьи четырех очень богатых промышленников были сознательно исключены, и, кроме трех богатых семей, проинтервьюированные представляют собой то, что в Среднем городе называют «просто зажиточными, состоятельными людьми». Эти люди определяют политику клубов «Ротари» и «Кивани», масонской ложи и ордена Лосей, Торговой палаты, пресвитерианской и методистской церквей.

Трудности, заключенные в долгих интервью с этими образцовыми домохозяйками, принимали особенно острый характер в случае таких личных вопросов, как, например, по поводу религиозных представлений. Интервьюеры, соответственно, часто подбирались к этим вопросам исподволь, а не задавали их напрямую, как это делалось в других случаях при стандартных условиях; такие вопросы обычно вставлялись в интервью, когда подворачивалась возможность.

Разные типы сведений, полученных с помощью таких интервью, крайне неравноценны. Данная опрошенными женщинами информация о привычках их материнских семей, хотя была конкретной и детальной в тех случаях, когда она использовалась, явно уступает в надежности информации о нынешних обычаях, принятых в их собственных семьях. И, во всяком случае, эти группы слишком малы, чтобы можно было всерьез полагаться на эти данные. Хотя члены нашей исследовательской группы считают, что данные, полученные от этих семей, в большинстве случаев вполне

репрезентативны для двух групп Среднего города, на основе этих выборок не выдвигается претензий на то, что «деловой класс» или «рабочий класс» ведет себя так-то и так-то. Цифры, базирующиеся на этих интервью, специально даются в абсолютном выражении, а не в процентах, дабы не создавать ошибочной видимости точности; с этой же целью не указывается вероятная погрешность. Эти цифры приводятся здесь не как окончательное доказательство чего-то, а как значимые, на наш взгляд, показатели поведения в данном сообществе.

5. *Анкеты.* В дополнение к интервью, кое-где в нашем исследовании использовались анкеты. Анкета о членском составе клубов и их деятельности была разослана в более чем 400 клубов, действовавших на территории города весной 1924 г. Анкета, касающаяся жизни школьного населения, была роздана всем ученикам трех старших классов, посещавшим занятия по английскому языку; сюда входило примерно три четверти школьного населения этих трех лет обучения, всего от 700 до 800 мальчиков и девочек. Анкеты «истинно–ложно», розданные ученикам двух старших лет обучения, изучавшим социальные науки (приблизительно 550 мальчиков и девочек), касались главным образом их точек зрения на некоторые общественные проблемы. Члены исследовательской группы раздавали эти школьные анкеты всем одновременно утром, во время школьных занятий, и на их заполнение уходило примерно 50 минут; они были полностью анонимны; учащихся просили оставлять место для ответа на любой из вопросов пустым, если они не были готовы ответить на него серьезно. Неформальный разговор с несколькими мальчиками и девочками впоследствии подтвердил впечатление членов исследовательской группы, что ответы были по большей части честными.

Ответы, полученные от негров, не были включены в таблицы. В обеих анкетах учащихся просили указать часть города, в которой они жили, а также род занятий своих отцов (без указания названия фирмы или предприятия) и их религиозную принадлежность и политическую приверженность. Таким образом были приблизительно дифференцированы разные подгруппы сообщества.

Поскольку анкеты не использовались для измерения каких-либо общих «установок», расчеты для всех анкет в целом не компилировались, и на предмет надежности или валидности мы их не проверяли. Ответы на отдельные вопросы, представляя всего лишь вербализации, использовались, подобно интервью, не как доказательство чего-то, а только как указание на тенденции.

Использованные списки вопросов для интервью и бланки анкет здесь по просьбе спонсоров исследования не приводятся ради экономии места, равно как и многочисленные

таблицы, на которых базируется текст.

Лекция 9. Самюэль Стауффер, "аналитическая школа" и военная социология

Темы:

- *Самюэль Эндрю Стауффер (1900-1960) и книга "Американский солдат" (1949). Создание Лаборатории социальных отношений при Гарвардском университете (1946).*
- *Влияние функционализма на формирование исследовательских методик С.Стауффера. Соединение теории и эмпирических исследований. Позиция "аналитической школы".*
- *Разработка количественных методов анализа социальных проблем и методики построения социологического исследования. Метода шкального анализа. Факторный анализ. Теория измерения установок.*
- *Исследования армейских структур. Измерение морального климата в подразделениях. Этнические группы в армии. Установки подразделений, воюющих в особых климатических условиях. Социально-психологическое состояние личного состава в условиях боевых действий.*
- *Метод постоянного мониторинга морального состояния личного состава подразделений различных родов войск. Разработка тестов, позволявших предвидеть поведение личного состава в бою.*

- *Междисциплинарный характер исследований С.Стауффера* (привлечение психологов, математиков и других специалистов).

Литература

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

Converse J.M. Survey research in the United States: roots and emergence, 1890-1960, Berkley, 1987.

S.Stouffer. American Soldier. Princeton, 1949.

S.Stouffer. Measurements and prediction. Princeton, 1950.

S.Stouffer. Social Research to Test Ideas. Glencoe, 1962.

Самюэль Стауффер (Samuel Stouffer) (1900-1960) - американский социолог, один из основоположников крупномасштабных количественных исследований в социологии. Четырехтомный монументальный труд “Исследования в области социальной психологии в период Второй мировой войны” (Studies in Social Psychology in World War II), написанный им в соавторстве с двумя другими учеными, два тома которого под общим названием “Американский солдат” (American Soldier) (1949) наиболее хорошо известны, оставил ощутимый след в американской и мировой социологии. В нем была предложена модель нового подхода, связанного с массовыми исследованиями, в котором акцент делался на изучении реальных количественных данных, связанных с решением конкретных прикладных задач. Карьера С.Стауффера как социолога началась с написания и защиты диссертационной работы на получение степени доктора философии (Ph.D.) в Университете г. Чикаго (1930). Уже в этой работе проявился интерес С.Стауффера к количественным методам. Большое влияние на формирование его взглядов оказали такие ученые, как Л.Терстоун (L.Thurstone) и У.Огборн (W.Ogburn). В своей склонности к количественным изысканиям С.Стауффер еще более укрепился после совместной работы с К.Пирсоном (K.Pearson) и Р.Фишером (R.Fisher) в период выпускной практики в Лондонском университете. Во время Второй мировой войны С.Стауффер возглавлял Штат специалистов исследовательского сектора отдела по информации и образованию при Военном министерстве США (Professional Staff in the Research Branch, Information and Education Division of the War Department). Ему удалось привлечь к сотрудничеству большое количество ученых. Исследования, которые проводились в этот период, затем составили основу вышеупомянутого четырехтомника. В целом новый подход, предложенный С.Стауффером, характеризовался следующими чертами:

- 1) Анкетный опрос вместо интервью;

2) Статистическая проверка данных, которые основаны на субъективных мнениях и оценках респондентов (прежде всего, касающихся человеческих взаимоотношений);

3) Стремление делать выводы скорее на основе повторного анализа данных, чем на основе статистической проверки отдельных блоков данных;

4) Особое внимание к математическим методам для измерения отношений. Это проявилось в том, что С.Стауффер оказывал помощь в работе Гуттмана и П.Лазерсфельда при разработке ими методов “шкалограммного анализа” и методов анализа “латентных структур”.

Основные работы:

1949. American Soldier. Stouffer et.al. // Studies in Social Psychology in World War II. Vols. 1-2. Princeton University Press.

1950. Some Afterthoughts of a Contributor to the American Soldier. Glencoe, Ill: Free Press.

1950. Measurement and Prediction // Studies in Social Psychology in World War II. V.4. Princeton University Press.

1955 (1963). Communism, Conformity and Civil Liberties. Gloucester, Mass: Smith.

1962. Social Research to Test Ideas: Selected Writings. NY: Free Press.

С.Стауффер, Л.ДеВинней

Какие группы военнослужащих наиболее критичны в отношении политики продвижения в армии?

[В первом томе книги “Американский солдат”, озаглавленной “Вопросы урегулирования в армейской жизни”, речь шла, помимо прочего, о степени социальной мобильности в армии и об отношении к политике продвижения вверх по службе, а также о возможностях такого продвижения. Возможности продвижения вверх, например, варьировали в зависимости от таких факторов, как образование, срок службы, возраст и род войск. Скорость продвижения была выше у тех, кто имел более высокий уровень образования, у кого был большой срок службы, кто был старше и служил в определенном роде войск, например, в военно-воздушных силах (ВВС). В нижеприведенном отрывке авторы стремятся показать, что скептическое отношение к возможностям продвижения вверх в армейской иерархии было в значительной степени обусловлено субъективными оценками, нежели объективно существовавшими возможностями. - Прим. ред.]

Как и следовало ожидать, данные приводимых исследований свидетельствуют о следующем: военнослужащие, которые продвигались вверх медленнее, в сравнении со своими сослуживцами, состоявшими на службе в армии в течение такого же срока, были наиболее критичны в отношении возможностей продвижения в армии. Однако относительный темп продвижения по службе основывается на различных стандартах, предлагаемых различными слоями армейского сообщества. Например, темп продвижения вверх выпускника школы, который стал капралом уже через год службы в армии, будет выше, чем у большинства его друзей с тем же уровнем образования, а также чем у выпускника колледжа, который достиг того же звания через год. Исходя из этого, следует ожидать, что среди тех военнослужащих, которые состоят в одном и том же звании и имеют одинаковый срок службы, военнослужащие с более высоким уровнем образования будут с большей вероятностью считать темпы продвижения вверх по армейской лестнице медленными. Как будет показано ниже, факты подтверждают это предположение. Несмотря на более высокие возможности продвижения, военнослужащие с более высоким уровнем образования оказались самыми скептическими в оценках этих возможностей.

То же самое наблюдалось при рассмотрении оценок военнослужащих в зависимости от рода войск. Влияние данного фактора на оценки военнослужащих, наряду с такими характеристиками, как звание и образование, иллюстрируется Таблицей 1. В этой таблице сопоставлены ответы на вопрос: “Как Вы считаете, каковы возможности для продвижения по службе у военнослужащего, который обладает надлежащей квалификацией?” - среди тех, кто состоял на службе в военной полиции (Military Police), и тех, кто служил в военно-воздушных силах (BBC) (Air Corps), по данным на 1944 год. Срок службы в данном случае выступает как некая константа – в рассмотрение берутся лишь ответы военнослужащих со сроком службы от года до двух лет. Следует отметить, что ответы респондентов с относительно невысоким уровнем образования были более положительными, нежели тех, кто имел более высокий уровень образования, причем как среди рядовых (privates), так и среди сержантов (noncoms) в обоих указанных родах войск. Например, среди рядовых, включая рядовых 1-го класса (Pfc), состоявших на службе в военной полиции, 33% респондентов с относительно невысоким уровнем образования отметили, что военнослужащий при наличии надлежащей квалификации имеет высокие шансы продвинуться вверх по службе. Среди рядовых с более высоким уровнем образования такого мнения придерживались лишь 21% респондентов. Наконец, как это показано в таблице, и рядовые, и сержанты, состоявшие на службе в военно-воздушных

силах, вне зависимости от уровня образования, были склонны к более пессимистическим оценкам возможностей продвижения по службе, в сравнении с теми, кто состоял на службе в военной полиции.

Подобные результаты могли бы показаться парадоксальными, если не сослаться на теорию, согласно которой подобные мнения, выражаемые военнослужащими, отражают взаимосвязь между их ожиданиями и достижениями, в соотнесении с другими военнослужащими, которые находятся в таком же положении, что и они. Так, возможности для продвижения в военной полиции были чуть ли не худшими, по сравнению с любым другим родом войск - в выборке, которая включала в себя военнослужащих со сроком службы от года до двух лет, только 24% всех, состоявших на службе в военной полиции, имели звание сержанта (noncoms), в то время как доля сержантов среди служащих в ВВС составляла 47%. Те, кто состояли на службе в военной полиции, полагали, что их дискриминируют в плане продвижения вверх. Две трети из них отметили, что в сравнении с представителями других родов войск, у них не столь хорошие возможности для карьерного роста.

Теперь следует рассмотреть, какова ситуация среди выпускников школы или колледжа, которые состояли на службе в военной полиции сроком от года до двух лет. У такого военнослужащего шанс получить звание сержанта составлял 34 из 100, исходя из доли, которую составляли военнослужащие в звании сержанта в выборочной совокупности. Таким образом, количество военнослужащих военной полиции, получивших звание, при наличии указанного уровня образования, равнялось одной трети от общего числа военнослужащих военной полиции с подобным уровнем образования. Оставшиеся две трети, при наличии такого же образовательного уровня, звания не имели. Сопоставим эти данные с данными по ВВС, взяв в рассмотрение военнослужащих с тем же уровнем образования и таким же сроком службы. Вероятность такого военнослужащего получить звание сержанта равнялась 56 к 100, согласно доле, которую составляли военнослужащие в звании сержанта от выборки в целом. Поэтому в этом роде войск, получая повышение, военнослужащий оказывался в той же позиции, что и большинство его сослуживцев. В связи с этим, его продвижение вверх уже не столь бросалось в глаза, как это имело место в военной полиции. Однако в случае, если он не получал повышения, в то время как большинство его товарищей успешно продвигались вверх, у него имелось больше причин для появления чувства недовольства и разочарования, что могло вылиться в критичное отношение к системе продвижения в целом.

Аналогичная схема имеет место, если в качестве исследуемого параметра рассматривать уровень образования. Как в военной полиции, так и в военно-воздушных силах, шансы для продвижения ниже у тех, кто имеет более низкий уровень образования. Если рассматривать выборочную совокупность, в которую были включены те, кто служил в военной полиции, то можно заметить, что среди респондентов с относительно невысоким уровнем образования, лишь 17% имели звание сержанта; в выборке по ВВС, эта цифра составляла 47%. Таким образом, если военнослужащий, состоявший на службе в военной полиции и имевший незаконченное среднее образование, получал повышение, он воспринимал это как значительное поощрение. Вместе с тем, у его товарища, который не получал повышения, не возникало чувства неполноценности, и он не считал, что к нему относятся предвзято, поскольку таких, как он, было большинство. В ВВС иная ситуация – там доля тех, кто имел звание, практически равнялась доле тех, кто его не имел. Отсюда, повышение не воспринималось военнослужащим столь значимым, как это имело место в военной полиции. В то же время, вероятность появления неудовлетворенности у тех, кто повышения не получил, увеличивалась.

Рассматривая психологические механизмы, лежащие в основе формирования отношения военнослужащих к системе продвижения по службе, не следует упускать из виду тот факт, что в среднем военнослужащие, которые имели звание, более положительно оценивали эту систему. Вместе с тем, не следует делать вывод, что военнослужащие, более критично относившиеся к системе продвижения, были обязательно неудовлетворены своим местом службы. Действительно, таблицы сопряженности для конкретной подгруппы военнослужащих, показывающие взаимосвязь между характером мнений относительно системы продвижения и степенью удовлетворенности местом службы, практически во всех случаях свидетельствуют о том, что военнослужащие, наиболее критически настроенные в отношении системы продвижения, меньше всех удовлетворены местом службы. Однако эта взаимосвязь имеет место только внутри отдельной группы. Если же сравнивать группы между собой, такая взаимозависимость либо вообще не прослеживается, либо является обратной. Так, при сравнении таких подгрупп, как военная полиция и ВВС, эта взаимосвязь является обратной. Несмотря на то, что военнослужащие, состоявшие на службе в ВВС, высказывали более критичные оценки в отношении системы продвижения, они, вместе с тем, в большей степени были удовлетворены своей службой, нежели представители военной полиции. Например, 36% опрошенных из тех, кто служил в ВВС, отметили, что они не хотели бы менять место службы, если бы им представилась такая возможность. В то же время, только 21% военнослужащих из военной полиции дали

такой ответ. Возможность продвижения по службе оказывается лишь одним из целого ряда факторов, оказывающих влияние на степень удовлетворенности местом службы. К таким факторам относятся, например, возможность научиться чему-либо, что может пригодиться в гражданской жизни, или фактор, который определяется престижем рода войск, в котором военный служащий проходит службу. В целом, служба в ВВС считается высокопрестижной, а служба в военной полиции находится внизу шкалы престижности. В значительной мере степень престижности определяется различиями в возможностях для социальной мобильности.

Таблица 1 построена на основе данных специального поперечного исследования (cross-section survey), проведенного в рядах военной полиции в марте 1944 года, и данных по ВВС, взятых из поперечного исследования, проведенного в армии в ближайшее к этой дате время – а именно, в январе 1944 года. Эти данные были специально отобраны для того, чтобы показать, какова структура мнений относительно возможностей продвижения в армии в двух абсолютно разных группах. Необходимо выяснить, будет ли та же основная тенденция прослеживаться в более широком контексте, если рассматривать группы, различия между которыми не столь ощутимы.

В Таблице 2 отображены результаты поперечного исследования, которое проводилось среди белых мужчин, проходивших службу в континентальной части США, в июне 1943 года. Здесь, как и на Таблице 1, показано распределение ответов респондентов на вопрос относительно возможностей продвижения по службе. Но в данном случае вместо военной полиции и ВВС, сравниваются сухопутные войска (Ground Force branches), войска обслуживания (Service Force branches) и ВВС. В рассмотрение берутся те же, что и в Таблице 1, группы по уровню образования. По званиям респонденты распределяются на пять групп – от группы, включающей в себя рядовых, до группы, включающей в себя военный служащих, имеющих высшие сержантские звания (старший сержант) (top three grades), а по сроку службы респонденты делятся на три группы – те, кто служит менее 6 месяцев, от 6 месяцев до года, от года и выше.

Количество случаев, приходящихся на каждую из групп, очень невелико. Сложно проводить сравнение, если количество респондентов в конкретной группе, выделенной на основе сочетания определенных значений таких параметров, как звание, срок службы и уровень образования, меньше 30 для каждого рода войск. Но нельзя сделать никаких выводов только на основе сравнения таких отдельных групп между собой. Следует, скорее, рассматривать модель в целом, обращая внимание на характер связей, которые внутри нее существуют, их устойчивость или неустойчивость.

В целом, различия во мнениях относительно возможностей продвижения по службе незначительны. В каждом частном случае они не столь выражены, по сравнению с вышеописанной крайней ситуацией, где различия носят вполне ощутимый характер. Однако при изучении Таблицы 2, а также в результате более тщательного анализа данных, вырисовывается определенная модель, которая может быть описана при помощи четырех основных положений:

1. Если звание рассматривать как постоянную величину, то чем меньше срок службы, тем лучше оцениваются возможности продвижения. Сравним, например, мнение рядовых сухопутных войск, с относительно невысоким уровнем образования и сроком службы менее 6-ти месяцев, с мнением тех рядовых, кто состоит на службе в армии от 6-ти месяцев до года. Доля респондентов, которые оценивают возможности продвижения по службе высоко, в первой группе составляет 50%, во второй - 42%. Подобного рода сравнений можно сделать 18, исходя из Таблицы 2, и во всех 18-ти случаях данный вывод подтверждается.

2. Если срок службы рассматривать как постоянную величину, то чем выше звание, тем выше оценки возможностей продвижения. Возьмем, к примеру, военнослужащих сухопутных войск с относительно невысоким уровнем образования и сроком службы более одного года. В группе, включающей в себя высшие сержантские звания (top three grades), доля респондентов, которые оценивают возможности продвижения как “очень хорошие”, составляет 64%, среди сержантов (noncoms) доля респондентов, давших такой ответ, составляет уже 52%, и, наконец, среди капралов лишь 45% придерживаются такого мнения. Следуя Таблице 2, между любыми двумя званиями возможно произвести 30 подобных сравнений – в 25-ти случаях прослеживается указанная тенденция, в одном случае никаких различий не прослеживается (no difference), в 4-х оставшихся наблюдается обратная взаимосвязь (reverse tendency). (Следует помнить о том, что выявленные долевые соотношения базируются на небольшом количестве наблюдений, а потому вероятность погрешности очень велика. Более того, равные значения переменной (tie) и наличие обратной связи наблюдаются при сравнении таких групп, как рядовые первого класса и рядовые, с другими группами.)

3. Если звание и срок службы рассматривать как постоянные величины, то чем ниже уровень образования, тем выше оцениваются возможности продвижения. Если взять в рассмотрение респондентов с высшими сержантскими званиями, служащих в сухопутных войсках, со сроком службы больше одного года, то среди респондентов с относительно невысоким уровнем образования 64% оценивают возможности продвижения как “очень

хорошие”, а среди респондентов с более высоким уровнем образования таких меньше - 56%. Таблица 2 позволяет сделать 24 сравнения подобного рода, из которых 22 подтверждают наличие указанной закономерности, в одном случае различия не прослеживаются, и в одном случае наблюдаются равные значения переменной.

4. Если звание, срок службы и уровень образования рассматривать как постоянные величины, то, чем ниже возможности продвижения по службе в данном роде войск, тем выше эти возможности оцениваются военнослужащими. Этот вывод соответствует заключениям, сделанным ранее. В среднем, возможности продвижения значительно выше в ВВС, чем в войсках обслуживания или сухопутных войсках. В войсках обслуживания они несколько выше, чем в сухопутных войсках. Возьмем для примера рядовых первого класса с незаконченным средним образованием и сроком службы менее 6-ти месяцев. В сухопутных войсках 51% респондентов оценивают возможности продвижения как “очень хорошие”, в войсках обслуживания таких респондентов 50%, а в ВВС - 43%. Если сравнивать между собой сухопутные войска и ВВС (таких сравнений, согласно Таблице 2, может быть сделано 16), то в 14-ти случаях обнаруживается указанная выше взаимосвязь, а в 2-х случаях – обратная взаимосвязь. Если сравнивать между собой войска ВВС и войска обслуживания, то 13 случаев подтверждают выявленную взаимосвязь, в одном случае наблюдаются равные значения переменной, в 2-х наблюдается обратная взаимосвязь. Наконец, сравнивая между собой сухопутные войска и войска обслуживания, можно заметить, что респонденты сухопутных войск дают более положительные оценки в 11-ти случаях, респонденты войск обслуживания – в 4-х, и в одном случае различий в оценках не обнаруживается. Вышеуказанные различия статистически значимы, однако картина не представляется столь четкой, если рассматривать ее под другим углом зрения. Например, известно, что возможности продвижения лучше всего в ВВС, далее следуют войска обслуживания, наконец, на последнем месте находятся сухопутные войска. Но только в 10-ти сравнениях из 16-ти доля ответов “очень хорошие” находится в обратной зависимости от того, к какому роду войск относится опрашиваемый (*см. п.4 – прим. пер.*). Результаты получаются столь же неопределенными, если при сравнении двух различных родов войск, объединить варианты ответов “очень хорошие” и “довольно хорошие”. Поэтому следует ограничить сделанные заключения следующим положением: в том роде войск, где возможности для продвижения сравнительно хуже, доля военнослужащих, которые положительно оценивают возможности служебного роста, выше, нежели в тех войсках, где возможности продвижения лучше.

Как и в случае, когда сравнивались военная полиция и ВВС (*см. выше – прим.пер.*), обнаруженные закономерности не дают возможность сделать вывод, что улучшение возможностей служебного роста усилит удовлетворенность местом службы (это, скорее, снизит удовлетворение от повышения, у тех, кто его получает, и усилит чувство поражения у тех, кто его не получает). Реальные последствия сложно предсказать, их можно установить только путем проведения контролируемых экспериментов, которые никогда раньше не проводились. Однако есть все основания сделать вывод о том, что самая высокая степень удовлетворенности местом службы наблюдается среди тех, кто служит в ВВС, далее следуют те, кто состоит на службе в войсках обслуживания, и на последнем месте по степени удовлетворенности находятся военнослужащие сухопутных войск. Причем степень удовлетворенности местом службы обратно пропорциональна уровню оценки возможностей продвижения по службе. Например, при ответе на вопрос “Насколько Вы удовлетворены своим местом службы, по сравнению с другими возможными местами службы?”, среди респондентов, проходящих службу в ВВС, значительную часть составляют те, кто очень удовлетворен своим местом службы. Согласно данным, отображенным в Таблице 2, при сравнении ВВС и сухопутных войск, доля опрошенных из ВВС, давших такой ответ, превосходила долю опрошенных из сухопутных войск, выбравших этот вариант ответа, причем во всех сравниваемых подгруппах. Если же сравнивать ВВС и войска обслуживания, то доля респондентов, которые “очень удовлетворены” своим местом службы в 14-ти случаях из 16-ти выше в ВВС, в одном случае наблюдается обратное отношение, и еще в одном случае отмечается одинаковая доля респондентов, давших такой ответ, как в ВВС, так и в войсках обслуживания. Наконец, доля респондентов войск обслуживания, которые отметили, что они “очень удовлетворены” своим местом службы, превосходит долю респондентов сухопутных войск, ответивших подобным образом, в 13-ти сравнениях из 16-ти, в двух случаях наблюдается обратное, и в одном случае доля лиц в том, и в другом роде войск одинакова.

О высокой значимости статуса в удовлетворенности местом службы свидетельствует тот факт, что если сравнивать удовлетворенность местом службы респондентов, которые имеют определенное звание, и удовлетворенность метом службы тех респондентов, которые имеют более высокое звание (такие характеристики, как образование, род войск (*force*), и срок службы рассматриваются как постоянные), то в 27-ми случаях из 30-ти степень удовлетворенности местом службы выше у тех респондентов, которые имеют более высокое звание.

Можно провести повторный анализ, аналогичный тому, результаты которого отображены в Таблице 2, используя данные других выборок, и для других периодов войны. Выводы других исследований будут мало отличаться от модели, предложенной здесь и выявляющей основные тенденции, связанные с отношением военнослужащих к возможностям продвижения по службе. Используя данные одного исследования, проведенного на Тихоокеанском побережье, можно сравнить результаты ответов на два вопроса, которые по форме несколько отличаются друг от друга. Один из них звучал следующим образом: “Как Вы считаете, каковы возможности для продвижения по службе у военнослужащего, который обладает надлежащей квалификацией?”. Это точно такой же вопрос, с таким же набором ответов, который используется в Таблице 2. Другой вопрос был сформулирован так: “Как Вы считаете, каковы возможности продвижения по службе для того, кто обладает необходимыми для этого качествами, в Вашем подразделении (части)?”. Как и следовало ожидать, если срок службы рассматривать как постоянную величину, различия в ответах, определяемые званием, были ощутимее во втором вопросе, нежели в первом. То же самое можно сказать и о различиях, определяемых сроком службы, когда звание берется как постоянная величина. Но когда в качестве переменной рассматривались уровень образования и род войск, различия в ответах были одинаковы в обоих вопросах. Соответственно, при ответе на любой из этих вопросов, если звание и срок службы выступают как постоянные величины, респонденты с более низким уровнем образования склонны давать более оптимистичные оценки относительно возможностей продвижения, нежели те, кто имеет более высокий уровень образования. Точно так же, те респонденты, кто состоит на службе в ВВС с большим скептицизмом оценивают возможности продвижения по службе, нежели респонденты, служащие в войсках обслуживания, а последние, в свою очередь, более скептичны в отношении возможностей продвижения, нежели респонденты, состоящие на службе в сухопутных войсках.

Таблица 1.

Оценки возможностей продвижения. Сравнительный анализ групп респондентов с различным уровнем образования и разными званиями, проведенный между войсками военной полиции и военно-воздушными силами (белые мужчины, проходившие службу в континентальной части США, со сроком службы от одного года до двух лет) (в %)

“Как Вы считаете, каковы возможности для продвижения по службе у военнослужащего, который обладает надлежащей квалификацией?”

		Военная полиция (Military Police)		Военно-воздушные силы (Air Corps)	
		неоконч. средняя школа	средняя школа (колледж)	неоконч. средняя школа	средняя школа (колледж)
сержанты (noncoms)	“очень хорошие возможности”	58	27	30	19
	“довольно хорошие возможности”	29	45	39	44
	затруднились ответить	5	8	10	3
	“мало возможностей” / “нет возможностей”	8	20	12	34
рядовые и рядовые первого класса (Pvt's and Pfc's)	“очень хорошие возможности”	33	21	20	7
	“довольно хорошие возможности”	35	36	42	27
	затруднились ответить	9	12	5	6

“ очень хорошие	0	1	2	2	0	0	2	0	3	2	6	9
“ довольн о хорошие ”	3	5	2	5	0	5	0	4	1	0	3	0
3 атр. о тветить						2					1	
“ мало/нет возм-тей ”	4	1	2	9	1	2	2	2	0	0	0	3

Рядовой 1-го класса (Private First Class)

с рок службы	менее 6-ти месяцев						от 6-ти месяцев до года					
р од войск	СВ*		ВО*		ВВС		СВ*		ВО*		ВВС	
у р-нь образ-я	.с.ш *	.ш *	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.
“ очень хорошие	1	2	0	6	3	6	7	0	4	5	3	4

« довольн о хорошие »	5	0	0	0	9	0	4	3	6	6	4	6
з атр. о тветить	4											
« мало/нет возм-тей »	4			7	6	2	5	0	2	6	7	1

Таблица 2 (Продолжение).

Капрал (Corporal)

с рок службы	от 6-ти месяцев до года						от года и выше					
	СВ*		ВО*		ВВС		СВ*		ВО*		ВВС	
р од войск					*						*	
у р-нь образ-я	.с.ш	.ш	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.
«	*	*										
очень хорошие	8	9	0	4	9	7	5	6	9	7	8	

« довольн о хорошие »	3	9	5	2	2	9	0	1	0	3	1	5
з атр. о тветить												0
« мало/нет возм-тей »		2	3	0		6	4	4	2	1	6	0

Сержант (Sergeant)/ высшие сержантские звания (Top 3 Grades)

з вание	Сержант						Высшие сержантские звания					
с рок службы	от года и выше						от года и выше					
р од войск	СВ*		ВО*		ВВС		СВ*		ВО*		ВВС	
у р-нь образ-я	.с.ш *	.ш *	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.	.с.ш	.ш.
« очень хорошие	2	8	6	7	6	1	4	6	4	9	1	6

“ довольн о хорошие ”	7	6	0	2	0	8	4	9	9	5	5	5
3 атр. о тветить												
“ мало/нет возм-тей ”	0	0		5		5		0		1		

Лекция 10. Джордж Ландберг

Темы:

- *Джордж Ландберг (1895-1966). Журнал "Социометрия".*
- Вопросы социологической метатеории и эмпирических исследований. Разработка "научных" методов в эмпирической социологии.
- *Принцип "количественной научной социологии",* опирающейся на метатеорию и естественнонаучную методологию. Проблематизация, наблюдение, систематизация, верификация.
- Литература
- G.Lundberg. Social Research. N.Y., 1929, 1942.
- G.Lundberg. Sociology. N.Y. 1954, 1958.
- G.Lundberg. Leisure: A suburban study. N.Y., 1934

Ландберг Дж. А. (1895-1966) (Lundberg) - американский социолог (долгое время работал приглашенным профессором в университете Питсбурга), разрабатывал научные методы в эмпирической социологии, принцип «количественной научной социологии», опирающейся на метатеорию и естественнонаучную методологию. Предлагаемый здесь текст заимствован из книги Джорджа Ландберга «Социальное исследование. Изучение методов сбора данных» (1929)²⁵.

²⁵ G. A. Lundberg Social Research. A Study in methods of Gathering Data. - New York, London, Toronto: Longman, Green and Co., 1929, pp. 1-53, 76- 95, с сокращениями. Перевод с англ. Симоновой О.А.

СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

Глава 1. Перспектива социальной науки.

... Научный метод и сфера науки.

...Наука это главным образом совокупность способов получения знания о любом типе явлений вселенной и способов применения этих знаний для предсказания поведения и контроля над этими явлениями. Научный метод, всеми признаваемый как индуктивный, обычно состоит из следующих шагов:

1. *Рабочая гипотеза.* Гипотеза это попытка обобщения, основанная на беглом, эмпирическом наблюдении. Она может быть основана на уже известных фактах об изучаемом явлении или быть только «предчувствием» или «интуитивным» предположением. В самой простой форме это всего лишь определение проблемы и объекта исследования, включая представление о том, какие факты будут необходимы для того, чтобы проверить данную гипотезу...

2. *Наблюдение и регистрация данных.* Этот шаг предполагает составление списка необходимых данных и выбор методов измерения. Он подразумевает проведение многочисленных и точных наблюдений с помощью человеческих органов чувств (то есть регулярных и постоянных реакций на определенные стимулы), которые корректируются с помощью более точных приемов измерения. Способы (или техника) достижения точности и объективности в таких наблюдениях есть главный предмет этой книги. От точности первоначальных и непосредственных наблюдений зависит ценность чистого анализа и общая надежность обобщений, которые формулируются на основании собранных данных.

3. *Классификация и организация собранных данных.* Только тогда, когда данные классифицированы, становятся очевидными единообразия, последовательности, сходства и различия между ними. Такие единообразия и последовательности представляют собой главный научный интерес. Всякий раз, когда такие единообразия и последовательности могут быть продемонстрированы в какой-либо сфере реальности, она становится предметом научной деятельности.

4. *Генерализация или обобщение.* Когда данные собраны и классифицированы в виде моделей, единообразий и последовательностей, остается сформулировать краткое утверждение или произвести *описание* этих последовательностей таким образом, чтобы *при соблюдении данных условий* эти утверждения были верны для всех подобных явлений вселенной. Это определение научного «закона». Идеальная форма такого обобщения -

математическая формула. Эта формула никогда не бывает абсолютной или точной. Даже в тех областях, где постоянно проводились научные исследования, формулы и «законы» постоянно совершенствуются и корректируются на основе более экстенсивного или более точного наблюдения за фактами. Такие коррекции обычно осуществляются вслед за экспериментальной проверкой наших обобщений. Тот факт, что формулы не могут быть предельно точными не умаляет, как мы увидим, ценности обобщений, необходимых для научных прогнозов, поскольку вероятную ошибку также можно просчитать. В свою очередь обобщения становятся основой для создания научных теорий, объясняющих те феномены, которые требуют сбора новых данных...

Возможность построения научной социологии. Те шаги и положения, которые были описаны выше, признаются всеми как самые существенные черты научного метода. Валидность этого метода для понимания и контроля физических явлений общепризнанна. Если окинуть беглым взглядом развитие современной западной цивилизации, то станет очевидной одна из самых важных ее примет, а именно: стремительное развитие естественных наук и их успехи в овладении физическим миром. Тот же самый взгляд обнаружит хаотическое и неконтролируемое состояние дел в области наук о человеческих отношениях. Каждый день появляются новые сообщения о конфликтах, кровопролитии, беспорядках, преступлениях и несчастиях, которые являются следствием несовершенного контроля над человеческими отношениями. И ведь только недавно стала обсуждаться идея о том, что метод, который является столь успешным в понимании и объяснении физического мира, мог бы быть столь же полезным в понимании и исследовании человеческих отношений.

С развитием этой идеи вопрос о применении этого метода к социальным феноменам стал предметом неугасающего интереса со стороны ученых. В процессе дискуссий и размышлений по этой проблеме, некоторые ученые заняли негативную позицию, заключающуюся в том, что социальная наука невозможна там, где исследуются человеческие чувства, ведь последние нельзя сформулировать в понятиях химии или физики... Большинство возражений против идеи точной социальной науки или социальных наук проистекают из представлений о том, что между социальными и физическими фактами существуют определенные, внутренне им присущие различия, которые делают безосновательным использование научного метода в объяснении социальных явлений. Эти утверждения имеют свои корни в представлении о том, что суть науки заключается скорее в предмете и объекте ее исследования, а не в методе

исследования. Все остальные, даже более отчетливые и детализированные возражения являются до определенной степени следствиями из этого убеждения. Поэтому далее необходимо рассмотреть те различия между социальными и физическими фактами, которые считаются определяющими при формулировке научных законов социального поведения...

Сложность социальных данных. Возможно наиболее часто встречающееся препятствие на пути построения подлинной науки о человеческом групповом поведении - сложность предмета исследования такой науки. Социальные группы при их громадной чувствительности к природным и социальным стимулам и при огромном количестве культурных, психологических атрибутов, которые обуславливают их поведение, представляются в виде таких запутанных комбинаций, которые потрясают и приводят в замешательство любой человеческий ум в попытках понять их внутренний порядок и законы поведения. Стюарт Чейз так описывал человеческий взгляд с высоты птичьего полета на Северную Америку:

Он увидел бы только фермы, леса, шахты, железные дороги и автомобильные дороги, реки, каналы, линии радиопередачи, заводы, товарные склады, магазины, школы, библиотеки, театры, площадки для гольфа и жилые дома; поведение 100 миллионов мужчин, женщин и детей по отношению к своим вещам. Мужчин, копающих, пашущих, гоняющих на своих машинах, балансирующих на стальных конструкциях, красящих сигнальные линии, держащих сталь под сверлом, заворачивающих тюки, ведущих грузовые автомобили, согнувшихся над партами, говорящих по телефону, заталкивающих людей в закрывающиеся двери поезда, рыбачащих на морях, борющихся с лесными пожарами, работающих на нефтяных вышках, читающих газеты, вопящих на играх с мячом, спящих, едящих, занимающихся любовью, идущих в церковь, танцующих, плавающих, взбирающихся на гору, пересекающих в полосатой одежде тюремные коридоры. Женщин, заботящихся о пряже, детях, кухонных печках..., пьющих чай, курящих сигареты. Детей, бегущих на призыв школьного звонка, вертящихся на своих местах, бросающихся на игровую площадку, работающих на хлопковых фабриках, мечущихся в жару... Обширный конгломерат человеческой активности²⁶.

²⁶ Stuart Chase «The Tragedy of Waste, pp. 17,18...

Кажется совсем неразумным надеяться, что человеческий разум когда-либо сведет этот хаос к порядку, охватит этот невероятный волнующийся и рассыпающийся человеческий муравейник и выразит его на языке ясных и точных научных законов? И что может подогреть подобный оптимизм?

Во-первых, является несомненным тот факт, что при всей этой пугающей сложности человеческого поведения тем не менее существует определенный порядок и последовательность в многообразной деятельности социальных групп, которые может пронаблюдать даже любой студент. Поведение группы отнюдь не случайно и беспорядочно, а поддается предсказанию. Ведь если мы берем для исследования группу, к которой принадлежим или которую очень хорошо знаем, мы находим, что большая часть нашего поведения рутинизирована, унифицирована и имеет предсказуемую природу. При заданных параметрах какой-либо ситуации мы способны предсказать с высокой степенью точности, что будет делать группа. Мы обнаруживаем, что она склонна к определенному типу поведения в определенный момент времени, например, принимать пищу, спать, ходить в церковь, какую и в каких случаях носить одежду. Фактически, наша собственная активность и социальная организация основаны на стремлении социальных групп вести себя определенным образом *при заданных условиях*. Поэтому мы можем производить относительно точные оценки и прогнозы как поведения отдельных индивидов, так и социальных групп.

Таким образом, поведение, обозреваемое с аэроплана, при всей своей кажущейся сложности перестает быть хаотическим после того, как мы его хотя бы немного изучим. И чем больше мы его будем изучать, тем все меньше оно будет выглядеть хаотическим, а будет становиться все более упорядоченным и предсказуемым. Что есть научный закон, если не краткое описание того, как ведут себя явления при заданных условиях? Такие законы формулировались более или менее систематически на самых ранних этапах истории человечества. Все социальные науки стремятся превратить эту практику выведения законов из приблизительной в объективную и точную.

Представление о безнадежной сложности и хаосе социального поведения, которые однако исчезают при более внимательном изучении, обычно ведет к убеждению, что эта сложность есть непреодолимое препятствие на пути построения точной социальной науки. *Любая ситуация, связанная поведенческими феноменами сложна, когда мы не понимаем ее*. Сложность всегда изменяется относительно степени нашего понимания. Для ребенка, который еще не научился ходить и говорить, сама ходьба и разговоры взрослых представляют чрезвычайную сложность. Сложность нельзя определить в абсолютных или

объективных терминах. Это субъективная мера степени узнавания ситуации. Другими словами, сложность человеческого общества есть главным образом следствие нашего незнания о нем.

Вторая причина кажущейся сложности социальных ситуаций в том, что многие проблемы, однажды сформулированные, содержат два или более фундаментально различных элементов. Кобб пишет об этом: «Попытка решить сложную проблему, состоящую из фундаментально различных элементов, количественными методами неизбежно ведет в безвыходный лабиринт и неутешительному выводу о том, что ‘это одна из тех проблем, которые не поддаются решению с помощью количественных методов’»²⁷ ...

Утверждение о существовании фундаментальных различий между социальными и физическими фактами возможно основывается на идее о том, что физические факты могут быть изучаемы непосредственно «чувствами», в то время как большинство социальных фактов могут быть получены только символически, то есть через слова, в которых выражаются такие сложные понятия как традиция, привычка, установки, ценности и целая сфера так называемого субъективного мира. Если бы эта идея была верна и действительно можно было бы провести такое важное разграничение между двумя классами фактов, то это означало бы, что мы могли бы иметь гораздо более прямых и объективных знаний о физических фактах в силу внутренне присущих им качеств. Однако недавние психологические исследования не подтверждают того, что наше *знание* о физических фактах достигается совершенно иным путем, нежели знание о социальных фактах. Любое знание извлекается исключительно посредством символических механизмов, а именно языковых механизмов. Марки пишет:

Наше знание о так называемых физических объектах не может быть получено каким-либо другим способом, отличным от того, каким мы узнаем о хорошем, плохом или о прогрессе. Однако, есть существенные отличия между знанием об одной вещи и знанием о другой вещи. Здесь подключаются специфические каузальные процессы. Различие между «видением» стула одним человеком, на котором этот человек может сидеть, и «видением» другого человека, который не может сидеть на этом стуле, есть различие в подключающихся здесь факторах, а не различие в самом процессе познания. Последний касается причинных связей, которые не требуют реального присутствия

²⁷ John Candler Cobb «Quantitative Restating of Sociological and Economic Problems», *American Journal of Sociology*, Vol. 32, 1927, p. 921.

стула... Причинный или функциональный анализ представляет собой важнейшую задачу в процессе познания. Сказать, что мы познаем физический объект так же, как мы познаем какую-либо идею не значит спутать символ с объектом, который он символизирует, например, символ дерева с деревом как таковым. Это означает только, что познание этих двух видов объектов требует символизации и реакций на этот символ, то есть активизации символических механизмов, свойственных человеческому поведению...

Процесс символизации может быть трудно наблюдаемым во всех отношениях до тех пор пока мы не выведем более точные модели символического поведения, с помощью которых мы можем наблюдать этот процесс, а до этого он может быть изучен как каузальный процесс, использующийся в целях контроля за проверенными областями знания, для обнаружения определенных аспектов явлений, требующих более основательного подтверждения. Символический процесс познания может быть превращен в собственно символический процесс, так, как это происходит в химии, физике, математике. Тот факт, что в отношении определенных людей в определенное время символический процесс не наблюдаем, не говорит о том, что сам этот процесс не поддается наблюдению. Важно то, что он наблюдаем в бесчисленном количестве случаев и в этом смысле процесс символической интеграции в сознании детей особенно показателен. Мы «видим» или символизируем его по сути тем же самым способом, как и биолог, например, «видит» функционирование клеток или механизмы наследственности, или экономист, который «видит» экономические циклы. В каждом из случаев, конечно, желательна наиболее разработанная техника наблюдения.

Понятно, что вышесказанное делает символический процесс как наблюдаемый и объективный ... сравнимым с обычным понятием субъективного процесса. Представить его наблюдаемым вовсе не значит, что мы хотим обнаружить его цвет. Наверное, трудно было бы назвать цвет игры в теннис или цвет драки собак, хотя оба эти явления наблюдаемы. Если наблюдаемый рефлекс Павлова объективен, наблюдаемые тем же способом символический процесс, идеи и т. д. тоже объективны. Наблюдение этих видов объектов характеризуется сходными поведенческими процессами. Мы наблюдаем не только с помощью зрения, слуха и др. Предположение, что так называемые чувственные факты и чувственные процессы, есть элементарные формы познания не подтверждается. Мы получаем знание из социального взаимодействия, которое возможно только благодаря символизации²⁸.

²⁸ John F. Markey «The Symbolic Processes and its Integration in Children: A Research in Social

Таким образом, нам представляется, что разница между социологическими и естественнонаучными фактами скорее кажущаяся, чем реальная. Мы не познаем физические факты более непосредственно или объективно, чем социальные, исключая те случаи, когда в нашем распоряжении имеются более разработанные и адекватные символично-поведенческие приемы для исследования первых. Единообразия и повторяемости, обнаруживаемые среди фактов естественных наук и которые составляют их сущность, могут быть наблюдаемы и среди социальных фактов. Как мы уже отмечали, научные законы предполагают простые и зачастую искусственные условия, при выполнении которых явления ведут себя определенным способом. При соблюдении этих условий, поведение может быть предсказано с высокой степенью точности. Мы можем предсказать с высокой степенью точности, какое количество людей в данном городе родится, умрет, совершит самоубийство, женится в течение следующего года *только в том случае, если* значимые условия, наличествующие в течение прошлых лет, на чем и были основаны наши наблюдения, останутся прежними. Эти условия должны всегда быть установлены в процессе прогнозирования, хотя могут быть неочевидными и многочисленными. Поэтому перед тем, как мы сможем выделить все значимые для нас условия, нам будет совершенно необходимо долгое и терпеливое изучение окружения. Однако такая необходимость есть *sine qua non*²⁹ открытия всех научных законов. Поэтому трудности, которые казалось бы препятствуют возможности построения подлинной науки об обществе, проистекают скорее из незрелости методики и методологии исследования и как следствие нашего незнания фактов, а не из-за того, что между социальными и физическими фактами существуют принципиальные различия...

Количественный метод в социальных науках. Бытует убеждение, что точная наука становится все более приверженной к количественным методам во всех своих отраслях, построении измерений и терминологии, в то время как большинство важных объектов исследования в социальных науках являются качественными и не определяются в количественных отношениях. По этому вопросу ведется широкая дискуссия между теми, кто придерживается количественного и статистического подхода в исследовании социальных феноменов и теми, кто придерживается «case»-метода (монографического

Psychology», pp. 141, 142, 146, 147. См. также: John Dewey «Experience and Nature», pp. 322 ff.; G. H. Mead «Genesis of the Self and Social Control», *International Journal of Ethics*, Vol. 35, 1924-25, pp. 251-77; C. H. Cooley «The Roots of Social Knowledge», *American Journal of Sociology*, Vol. 32, 1926, pp. 59-80.

²⁹ Непременное условие (лат.) - прим. пер.

метода исследования)³⁰ и других подходов, делающих акцент на описании социальных явлений в качественных отношениях³¹.

Большой части таких дискуссий можно было бы избежать, если бы было признано, что эти два подхода в действительности не являются взаимоисключающими и антагонистическими, а дополняют друг друга. Они представляют разные стадии обработки и степени объективности в процессе описания фактов. Когда наше знание не поддается анализу, мы склонны описывать его в субъективных и качественных понятиях на основании чувств, которые обусловлены нашим восприятием явлений, или согласно существующим социальным нормам. Таким образом, явления могут быть описаны как горячие и холодные, красные или зеленые. Но эти понятия могут означать разные вещи для разных индивидов, но, как было сказано выше, один из основных принципов науки как раз заключается в том, что ее описания должны означать то же самое для каждого психически нормального и адекватного человека. Для того, чтобы преодолеть неопределенность субъективной терминологии, в науке существует правило сводить качественные градации к количественным. Так, горячее и холодное должны быть описаны относительно шкалы термометра; цветовые оттенки - учитывая волновую природу света и т. д. и все остальные качества, которые становятся важными или попадают в фокус внимания исследователя при решении какой-либо проблемы. Но на ранних стадиях изучения поля исследования, наши описания имеют тенденцию быть качественными. Как указывает Митчелл, «...даже там, где исследование задумывалось как статистическое, осуществляется качественный анализ. Наше мышление всегда покрывает большую область исследования, чем наши измерения и поэтому первоначальные концепции, оказывающие влияние на наши выводы, первое знакомство с новыми

30

³¹ Термины *количественный* и *статистический* используются в этой книге как взаимозаменяемые, потому что по крайней мере в социальных науках эти два термина, как правило, синонимичны. Безусловно, мы признаем, что в некоторых естественных науках доминирует количественный анализ, который является безоговорочно статистическим в узком значении этого слова. Это связано с тем, что почти полностью контролируемые условия, при которых естествоиспытатель работает, дают ему возможность удерживать постоянными или исключать многочисленные факторы, чего нельзя сделать в любой неподконтрольной ему ситуации. В результате сравнительно небольшое количество наблюдений может дать валидную основу для обобщения материала. Относительное отсутствие такого типа контроля в социальных науках вынуждает нас полагаться в большей степени на менее четкие констатации средних величин и корреляций. Мы также осознаем, что данные статистики могут иногда быть «качественными», то есть сформулированными в виде атрибутов, а не в количественных величинах. В таких случаях количественный аспект заключается в подсчете присутствия или отсутствия определенных атрибутов. См.: G. U. Yule «An Introduction to the Theory of Statistics», ch. 1.

проблемами, наши самые широкие обобщения будут оставаться качественными по форме. В самом деле, качественный анализ приобретет силу и масштаб, к нему также повысится интерес, если мы будем использовать более широкие, более точные и более надежные инструменты измерения... В мышлении компетентных исследователей, эти два типа анализа будут взаимодействовать, дополнять друг друга, причем как в химии, так и в экономике»³².

Но эта уступка качественному анализу не должна пониматься в том смысле, что различие между количественными и качественными методами является совсем не важным. Напротив, именно с этой позиции становится очевидным, что для более точных описаний, которых требует наука, количественные методы чрезвычайно необходимы. В этом состоит актуальность данной дискуссии для социальных наук, ведь до настоящего времени в них доминировали качественные методы и процедуры генерализации. Объяснения и описания состояли из списка желаний, «намерений» и т. д. А предсказание профессора Митчелла в отношении экономики может быть даже в большей степени применимо к социологии: «Если мой прогноз является верным, - пишет он, - то в экономике все способы объяснения на основе выгоды или невыгоды, мотивов или выборов просто не будут использоваться теми учеными, которые будут заниматься количественным анализом. ‘Психологический’ элемент в работе исследователей будет состоять главным образом из объективного анализа экономического поведения групп. Мотивы не останутся не рассмотренными, но они будут трактоваться как проблемы, требующие изучения, вместо того, чтобы приниматься на веру как основополагающие объяснения»³³. Когда стадия количественного анализа будет достигнута и появится возможность осуществить процедуру генерализации, только тогда можно будет сказать, что мы приблизились к подлинной науке.

Поэтому исследователь не может быть раскритикован только за то, что использует качественный подход, особенно в более новых областях исследования. Он может проводить работу предельной важности, используя качественный подход. Но его можно осудить, если он будет утверждать, что это единственный метод, применимый к объекту исследования и что отсюда его качественное описание является единственным возможным. Он может быть абсолютно искренним в своем скептицизме относительно

³² Wesley C. Mitchell «Quantitative Analysis in Economic Theory», *American Economic Review*, Vol. 15, 1925, p. 12.

³³ *Ibid.*, p. 5.

возможности пересмотра произведенных им обобщений с точки зрения статистического метода и быть совершенно убежденным в непогрешимости формулировок своих выводов. Возможно они действительно не вытерпят «статистической атаки». Как говорит Митчелл: «В самом деле, ... на данный момент времени существует только небольшая возможность того, что количественный анализ будет способен решать те проблемы, которые сформулированы с помощью качественного метода. То, чего мы вправе ожидать, это ревизия старых проблем и постановка их в новой форме, которая будет поддаваться статистической обработке. В рамках пересмотра этих проблем экономическая теория будет меняться не только по своей сложности, но также и по содержанию»³⁴.

В чем сущность упомянутого изменения содержания? Как утверждалось выше, в настоящее время это содержание состоит в основном из: (1) списка «желаний», «сил», «интересов» или «намерений», под воздействием которых социальные группы вовлекаются в разные виды деятельности; и (2) настойчивого «втискивания» в эти категории данных, получаемых из наблюдения социальных последствий групповой деятельности. Трудность, безусловно, как указывает Митчелл, заключается в том, что «эти интерпретации являются чем-то, что теоретик добавляет к данным, а не тем, что он из них извлекает». В результате наблюдаемое поведение часто действительно может быть классифицировано под любую или под все эти категории в соответствии убеждениями и предвзвешенными исследователя. Новое содержание будет состоять из обобщенных результатов статистического анализа и описания большого числа наблюдений о социальном поведении в любой сфере человеческой деятельности, которая только может нас заинтересовать.

Количественный метод и «case work»³⁵. Но как такие обобщения могут быть полезны для исследования отдельных случаев? Это один из фундаментальных вопросов социальных практиков. «Не существует двух похожих случаев - говорит эмпирик, - применяемая техника исследования в каждом случае индивидуальна. Она меняется с каждым изменением в моей личности и в личности моего клиента. Она должна моментально переориентироваться в процессе интервью. Как в таких ситуациях может пригодиться статистическое исследование большого количества явлений,

³⁴ Ibid., p. 3.

³⁵ Подобно case-study, case-work может пониматься как совокупность монографических исследований, которые характеризуются погружением в отдельное явление, рассматриваемое как уникальное и

заканчивающееся выведением «средней величины» или «типа»?».

Возражения такого рода могут быть рассмотрены только как недоразумение, связанное с непониманием того, чем является научный статистический метод. При этом приведенные аргументы можно считать справедливыми. Но чем эти способы понимания ситуации и объяснения фактов отличаются от таковых в области прикладных естественных наук? Не сталкивается ли физик с той же самой ситуацией? Действительно, не существует двух похожих случаев. Безусловно, в процессе исследования для большей точности и обоснованности объяснение фактов должно претерпевать изменения в соответствии наблюдаемыми реакциями. Но кто может поспорить с тем, что принципы объяснения ситуации и обработки данных, с которыми работает физик, являются бесполезными? И каким образом эти принципы могут быть плодотворными? Ответ только один: посредством тщательной регистрации и обработки большого количества различных случаев и их последствий, то есть посредством статистической генерализации.

Собственно говоря, знают они или нет, но все, кто занимается индивидуальными случаями, в действительности применяют только кустарную и грубую форму статистического метода для получения обобщений, с помощью которых исследователи трактуют собранные данные. Такие обобщения являются в какой-то степени подсознательными, основанными только на памяти исследователя о сходстве данного случая с другими. Таким образом, обсуждаемое возражение против количественного метода со стороны ученых-практиков сводится к вопросу о том, должны ли обобщения, от которых мы отталкиваемся впоследствии, быть получены посредством эмпирического кустарного способа или посредством количественной и объективной процедуры статистического метода. Если так ставить вопрос, то самая суровая критика едва ли сможет оспорить преимущества статистического метода...

Трудности количественного исследования. Безусловно, большинство возражений, которые выдвигают исследователи против количественного подхода к социальным проблемам, проистекают из искреннего убеждения, что статистический подход в данном случае невозможен. Однако существуют и другие аргументы, которые гораздо менее обоснованны. Так, один из главных аргументов против использования количественных методов в социальных исследованиях состоит в том, что на исследователя неизбежно падает тяжелое бремя рутинной работы. Как указывает

неповторимое. Примером такого исследования может служить фокусированное интервью.

Митчелл, «исследователю, использующему качественный метод, едва ли требуется какое-либо оборудование, кроме нескольких книг и едва ли он нуждается в какой-либо помощи, кроме услуг машинистки. Исследователю, который работает с количественными методами, зачастую нужна статистическая лаборатория, компьютерная сеть и целый штат полевых работников»³⁶. Поскольку очень немногие ученые располагают такими ресурсами, то сама ситуация склоняет ученых использовать качественные методы, результатом чего обычно бывают обширные трактаты, характеризующиеся минимумом эмпирических наблюдений и максимумом воображения.

«Сухость» количественных методов. Еще одна, правда не всеми признаваемая, причина непопулярности количественных методов это ограничение, которое налагается на использование литературного стиля. Количественный подход требует в первую очередь ясного изложения проблемы исследования и строгих дефиниций. Это само по себе, как мы увидим, вызывает многие расхожие аргументы против применения количественных методов в социальных науках. Смутность терминологии и «принципы» современной социологии прекрасно подходят для ораторов и, что еще более важно, дают возможность противостоять критике. Те, кто видят в социологии главным образом этические рассуждения и чья подготовка главным образом теологическая и философская, нежели научная, особенно много говорят о вторжении количественных методов в проверенные временем философские обоснования. Утверждается, что количественный подход разрушает «реальность» ситуаций, уничтожает «человеческое» и искажает определенные «силы», проявляющиеся в «ситуации как целом». Может быть эти рассуждения и верны, но ... ввиду того, что эта «человеческая природа» и «силы» обычно являются эмоциональными пристрастиями или мистическими предрассудками, их исключение и есть та самая цель, к которой стремится наука. Перспектива того, что громкие риторические выступления, которые сегодня составляют большую часть социологической литературы, будут вытеснены «бесчисленным количеством докладов и монографий», созданных на основе количественного анализа, вызывает негодование многих. Это сделало бы невозможным использование социологии в качестве эмоционального выплеска для многих авторов и социальных работников. Но есть надежда на то, что предсказание Митчелла о будущем экономической науки, будет истинно и для

³⁶ Ibid., p. 2.

социологии³⁷:

Труды, которые будут создавать ученые с использованием количественного анализа, будут представлять собой не общие трактаты, а многочисленные доклады и монографии. Приращение знания будет осуществляться путем, который характерен для естественных наук, а не посредством придумывания новых теоретических систем. Книги будут устаревать более быстро. Истории экономической теории будет придаваться меньше значения. Экономистов будут ценить больше за творческую работу, чем за их эрудицию. Прогресс будет достигаться не только через выдвижение новых гипотез, но также с помощью статистического сбора данных в новых областях исследования и с помощью изобретения новых методов. Последние будут создаваться посредством совершенствования старых способов измерения и, возможно, с помощью новых экспериментов в исследовании поведения. Будет практически невозможно охватить поле исследования в целом...

Глава 2. Трудности объективного наблюдения за социальными феноменами.

...**Экспериментальный метод в социальных науках**³⁸. Развитие механизмов объективации в естественных науках, а также методики их адекватного применения к изучаемым явлениям было достигнуто в основном в естественнонаучных лабораториях с помощью экспериментального метода. Преимущество этого метода заключается, во-первых, в том, что он позволяет повторить наблюдения при практически идентичных условиях. Это облегчает верификацию этих наблюдений многими другими исследователями. Во-вторых, он позволяет исследователю изменить только одно условие в определенный момент времени, поддерживая все остальные условия строго неизменными. Это позволяет устанавливать причинно-следственные связи гораздо быстрее, чем это возможно ситуации, когда контролировать условия невозможно. Если два условия изменились одновременно, то трудно установить причинно-следственную зависимость: то ли эти два обстоятельства оказывали влияние одновременно, то ли они в

³⁷ Ibid., pp. 6,7.

³⁸ Содержание книги по этой теме в значительной степени передает результаты первых исследований в этом отношении профессора Стюарта Чепина (F. Stuart Chapin) в его работе «The Experimental Method in Sociology», The Scientific Monthly, Vol. 4 (1917), pp. 238-247. Цитаты и большинство примеров взяты из этого источника с разрешения автора.

итоге нейтрализовали друг друга. Но в экспериментальных условиях эта трудность преодолевается с помощью искусственного контроля за переменными. В силу таких весомых преимуществ экспериментального метода, вопрос о его применении становится одним из самых важных в социальных науках. Ведь все дальнейшее развитие наук можно поставить под сомнение, если этот метод не будет применяться в эмпирических социальных исследованиях.

Естественно, исследуя социальные явления, ученый никогда не сможет принести в свою лабораторию кусочек общества и пронаблюдать за его поведением в колбе, учитывая изменяющиеся условия. Но не все виды экспериментирования предполагают лабораторное наблюдение. Техника экспериментального метода меняется в зависимости от области исследования. В биологии, например, она представляет собой изучение воздействия различных условий окружающей среды на поведение животных, как на отдельных особей, так и на целые группы. В психологии экспериментальный метод использовался в изучении поведения человеческих индивидов. Трудности, возникшие в экспериментах с большими социальными группами, оказались грандиозными. Однако, предположение, что этот метод неприменим к исследованию социальных феноменов кажется едва ли оправданным, так как способ проведения эксперимента зависит от природы исследуемого объекта и, в конце концов, до настоящего времени этот метод в социальных науках почти не разрабатывался.

Действительно, практика применения экспериментального метода в социальных исследованиях ни в коем случае не является новой. Он широко применялся в прошлом и все больше применяется в настоящее время. Так, в социальных исследованиях всегда использовался такой вид эксперимента, который Чепин назвал «естественным» (natural experimentation). Он заключается в наблюдении социального поведения, при котором некоторые физические факторы поддерживаются постоянными естественным путем, и последующем сравнении наблюдаемого поведения с тем, которое наблюдалось в других местах, где присутствуют или отсутствуют эти же физические факторы. Конечно, если мы полагаем, что эксперимент это только реальное вмешательство *со стороны человека* в исследуемые условия, то описанный естественный эксперимент нельзя назвать экспериментом в полном смысле этого слова. В любом случае, это довольно грубый метод, потому что здесь задействованы не только общие географические или физические условия, но и многие другие переменные. Однако даже с этими ограничениями, данный метод представляет огромную ценность для антропогеографов, антропологов и социологов. Например, изоляция от остального народонаселения, недостаток

разнообразия флоры и фауны, климат принимаются в расчет для объяснения многих обычаев и форм жизни эскимосов, таких как отцеубийство (по причине недостатка пищи), элементарную организацию прав на собственность, отсутствие коммерции. Так, сохранение колониальных обычаев в южных Аппалачах, в то время как вся остальная страна революционизировалась, является естественным экспериментом в изучении последствий изоляции. Однако несмотря на то, что такие исследования имеют высокую эвристическую ценность, они не являются экспериментами в полном смысле этого слова, поскольку в данном случае наблюдатель не может манипулировать условиями эксперимента...

Социальный эксперимент и статистический метод. Вне научной лаборатории метод контроля применяется редко. При проведении социальных экспериментов для получения результата особенно важно сравнить состояние группы *до* и *после* введения нового фактора. Но этот прием влечет за собой появление серьезных трудностей, поскольку невозможно в течение эксперимента полностью проконтролировать исследуемые факторы или условия. Однако, если мы не можем *исключить* воздействие внешних условий, определяющих результат эксперимента, не будет ли он тем же самым, если мы *измерим последствия* этого воздействия? Таким образом мы можем поэтапно устранять влияние каждой переменной из общего количества последствий и в итоге сделать вывод, что оставшееся различие в социальных условиях до и после введения нового фактора, должно быть отнесено к появлению этого нового фактора. Если мы ведем тщательную регистрацию *всех* значимых социальных условий перед тем, как установить действие социального закона, и после этого будем продолжать навести *строгую сравнительную* регистрацию данных, то разве мы не получим обоснованные выводы относительно результатов эксперимента? И сегодня существует метод, который рассчитан для подобной регистрации и измерения данных, - это *статистический метод*. Дебаты и широкое обсуждение Поправки о запрещении спиртных напитков - интересный пример законодательного эксперимента без применения метода систематического измерения переменных. *Перед* принятием Запретительной Поправки не было никакой адекватной регистрации социальных обстоятельств, хотя бы как-то связанных с потреблением алкогольных напитков. Не было никаких сравнительных описаний тех же самых социальных факторов и после того, как был принят «сухой закон». Поэтому мы можем сделать только самые приблизительные и ненадежные выводы относительно этого интенсивного по эмоциональным переживаниям и дорогого по средствам эксперимента.

Так, ввиду отсутствия объективных, количественных результатов мы были вынуждены формировать будущую политику на основе дебатов и на основе общественного мнения. А такой метод, безусловно, пользуется дурной славой и является крайне ненадежным. Мнения обычно рождаются из предрассудков, возвращаются в процессе неадекватного, несистематического наблюдения и основываются на воображении.

Статистический метод является не только наиболее предпочтительным для регистрации и измерения переменных в процессе социального эксперимента, но он также дает возможность определить связи между факторами и *степень их случайности*. Это возможно даже в относительно точных науках. Пирсон подчеркивал: «Концептуальное и эмпирическое представление о том, что вселенная есть сумма явлений, некоторые из которых более, а другие менее явно воздействуют друг на друга, сегодня является более широким, чем составление картины причинно-следственных связей... В сущности причинно-следственных связей не существует, то есть все явления случайны, и основная задача заключается в том, чтобы измерить степень этой случайности, которая ... колеблется между отсутствием зависимости и целым клубком причинно-следственных связей»³⁹. Отсюда, по словам Миллса: «Ассоциация и корреляция есть понятия, которые заменяют причинно-следственный анализ так, как вероятность и приблизительность заменяют понятие прямой зависимости»⁴⁰.

Посредством выборочного метода и через выявление средних величин, статистический метод может избавить исследователей от кажущихся непреодолимыми трудностей, связанных с огромным количеством и разнообразием социальных феноменов. С помощью метода корреляции становится возможным измерение степени случайности связей между социальными явлениями... Здесь следует заметить, что только с помощью статистического метода мы сможем найти способы преодоления трудностей, связанных с применением эксперимента в социологии.

Возможно, проведение социальных экспериментов всегда будет требовать той строгости, которая возможна в естественнонаучной лаборатории, поскольку в этих случаях необходим постоянный искусственный контроль над условиями или факторами, воздействующими на поведение объекта исследования. Однако, тот же самый результат может быть достигнут посредством усовершенствованной методики измерения и учета воздействия этих условий. В естественных науках всегда производятся такого рода

³⁹ Karl Pearson «The Grammar of Science», pp. 173-4.

⁴⁰ «On Measurement in Economics», Ch. 2 of «The Trend in Economics», edited by R. G. Tugwell.

измерения и учет. Такие параметры как высота, температура и т. д. должны быть измерены и учтены перед тем, как «научные законы», характеризующие исследуемую ситуацию, найдут свое подтверждение. Способы поддержания постоянными одних факторов в целях изучения воздействия других факторов без искусственного манипулирования реальными социальными условиями данной ситуации, уже были в определенной степени реализованы в методике частичной статистической корреляции. Поэтому, ученый-экспериментатор вместо того, чтобы оградить эксперимент от влияния всех сложных физических и социальных факторов, будет учитывать их с помощью приемов измерения, которые подразумевает статистический метод...

Глава 4.

Основные методы социального исследования.

«Мы не говорим о противоречии количественных и качественных методов. Мы не ищем доказательств того, что один метод должен превосходить возможности другого. Вместо того, чтобы спекулировать о методе, мы с точностью до деталей применяем их на практике. Мы осуществляем количественный и качественный анализ в меру нашего мастерства и опыта, смещая акцент согласно тем задачам, которые нам приходится решать. Мы очень хотим видеть, как наши коллеги совершенствуют оба типа анализа для эффективного решения стоящих перед ними задач» (Wesley C. Mitchell, «Quantitative Analysis in Economic Theory», *The American Economic Review*, vol. 15, 1925, p. 1).

Общие черты разных методов. Понятие науки использовано в этой книге для того, чтобы охарактеризовать метод, который сегодня принято называть методом *естественной науки*⁴¹. Это означает, что он применяется только к тем дисциплинам, которые занимаются объективной классификацией данных для того, чтобы свести широкий ряд наблюдаемых поведенческих феноменов в краткое обобщенное положение или формулу. Это, разумеется, не единственный успешный метод систематического приращения знания. Мы можем быть заинтересованы в обнаружении и объяснении

⁴¹ Термин «естественная наука» здесь используется в его общепринятом значении, то есть относящийся к таким наукам как химия, физика и другие. Вообще, все науки являются «естественными» и

только частных пространственно-временных событий или последовательности событий, как это бывает в истории и географии. Эти дисциплины иногда называют описательными науками, но так как вся наука описательна, такое разграничение имеет сомнительную ценность. Поскольку понятия истории и географии мыслятся преимущественно как субъективные, они также подразумевают и специфический метод. Этот метод, как правило, считается отличным от метода естественных наук в силу того, что исторический метод касается главным образом регистрации каждого уникального факта, который имел место быть в близком и отдаленном прошлом; в то время как метод естественных наук это количественная классификация данных с целью построения обобщений. Это различие, однако... является различием между уровнями общего процесса исследования, а не свидетельством принципиально разных подходов к исследованию. Первоначальные наблюдения естественных наук касаются явно уникальных явлений в той области, где они встречаются. Но естественные науки не останавливаются на этом, а создают классификации на основе определенных сходств наблюдаемых явлений, игнорируя при этом их некоторые уникальные аспекты. Наука всегда абстрагирует определенные элементы или аспекты реальности и анализирует их под определенным углом, который необходим для достижения поставленной цели исследования. Из этих классификаций сходств, единообразий и следствий наука и делает свои обобщения. Таким образом, она просто продолжает процесс исследования, который на своих ранних стадиях во многом подобен историческому методу.

Исторический метод и естественные науки. Однако, даже чисто исторический метод стремится постепенно и объективно приобрести черты метода естественных наук. Ведь в той степени, в которой историки идут дальше простой регистрации фактов в их временной последовательности, осуществляют сравнительный анализ, а затем выводят из полученных данных типы (то есть обобщают их), в такой степени история становится естественной наукой. Из того, что такие группировки фактов и обобщения все же выполняются, становится очевидным, что не существует никакой разграничительной линии между естественными науками и дисциплинами, которые носят исторический характер. Они стремятся к слиянию и различаются только по степени осуществления научного исследования и по степени объективности проводимых процедур. То же самое можно сказать и о незрелом мышлении ребенка или о вошедшем в поговорку здоровом

смысле «человека с улицы». Как только ребенок начинает распознавать сходства и различия в собственных реакциях на свое окружение, он начинает осуществлять процедуры наблюдения и классификации. То же самое можно сказать и о научном освоении действительности. Такие реакции на различия и сходства могут быть выражены в виде количества, размера, формы, скорости или интенсивности объектов, характеристик или событий. В процессе таких реакций-ответов он (ребенок) вовлекается в рудиментарную форму измерения или исчисления. Каждый нормальный человек, испытывая или наблюдая частоту повторения, сходства, последовательности делает более или менее широкие обобщения. Все, что наука добавляет к этой процедуре здравого смысла, это *точность* и *объективность*.

Целью нашего анализа принципиального сходства различных методов является стремление избежать большинства бесплодных разногласий по поводу использования в социальных науках этих методов одновременно. Большая целостность, объективность и точность методов естественных наук не отрицает вместе с тем ценность менее целостных или менее точных процедур. В экспериментальном отношении, даже результаты полностью случайного и субъективного исследования могут иметь некоторую ценность при постановке проблем и в поисках ключей к решению поставленных задач. Простые хронологии событий, даже если они представлены в такой форме, что снижают возможность выведения из них каких-либо научных принципов, могут иметь практическую ценность и быть необходимыми для понимания особых случаев. Все это справедливо как в отношении простого исторического описания событий, так и в отношении монографических исследований (case-study) отдельных индивидов, групп, институтов. Точное знание о прошлом каждого явления может способствовать предсказанию с высокой степенью точности их будущего поведения. Но на чем основано доверие к таким предсказаниям? Очевидно, некоторую обоснованность таким предсказаниям придает наше знание об определенных последствиях в *определенном количестве случаев*. Насколько в процессе обработки отдельные наблюдения приобретают аналитический, сравнительный и *статистический характер*, настолько увеличивается их ценность для точного прогнозирования, а значит и научная ценность. Полностью признается этот переход к методу естественных наук в антропологии. Так, Боас определяет антропологию как «науку, которая занимается реконструкцией ранних этапов истории человечества и пытается насколько это возможно *выразить в виде законов*

*повторяющиеся формы исторических событий»*⁴² (курсив автора монографии).

Если иметь в виду это определение, то спор о том, является ли антропология естественной наукой или нет, становится бессмысленным. Все зависит от того, посвящает ли себя исследователь главным образом «реконструкции ранней истории человечества» или выведению законов, анализируя «повторяющиеся формы исторических событий». Если он отдает предпочтение последней деятельности, то можно сказать, что он занимается естественной наукой. Однако перед тем, как применение научного метода становится возможным, необходимо составить довольно полную картину исторических событий и фактов и это касается любой научной дисциплины. Поэтому не существует проблемы относительно ценности этих двух методических процедур. Они есть разные стадии в общем процессе понимания, объяснения и предсказания культурных явлений.

Комплиментарная природа разных методов. Такой взгляд на методы должен свети на нет многом бесполезную дискуссию в социальных науках, и особенно в социологии, по поводу превосходства одних методов над другими. Каждый метод занимает свое место и *может быть более предпочтительным для определенной цели или на определенной стадии исследования.* Вместо того, чтобы говорить об историческом методе, монографическом исследовании (case-study), сравнительном, статистическом методах и т. д. как взаимоисключающих и даже антагонистических, мы должны признать, что эти методы есть законные стадии процесса обоснования, который в самом полном виде и есть процесс естественнонаучного исследования. Ошибочность дискуссий о ценности разных методов кроется в том, что каждый метод рассматривается отдельно, как достаточный и целостный. Любой метод, который достигает своей цели, пригоден *именно для этой цели.* Наши методы должны меняться, так как каждый из них адаптирован для получения разных результатов или разных стадий разработки поля исследования. Даже теологические и метафизические методы, к примеру две стадии развития познания в теории Конта, полезны на определенных ступенях развития любой области знания. Они могут быть необходимы для выдвижения рабочих гипотез и служить экспериментальной формой обоснования. Исторические факты и обобщения могут быть также пригодны для этого, и, более того, могут представлять собой специальный материал для статистической классификации и генерализации в соответствии с методами естественных наук. Действительно, весь необработанный материал естественных наук является

⁴² Franz Boas «Anthropology», Columbia University Lectures on Science, Philosophy, and Art, 1907-8, p. 8.

историческим, то есть представляет собой описание событий, которые происходили в прошлом. С точки зрения верификации, обоснования и достижения объективности суждений, ценность этих наблюдений различается в зависимости от степени отдаленности того времени, когда они происходили, точности, с которой они наблюдались и от формы, в которой они были зарегистрированы. Поскольку форма регистрации данных во многом зависит от целей исследователя на время проведения наблюдения, то часто бывает трудно использовать совокупность данных, собранных для чисто исторических целей, в виде фактического материала для естественных наук. Избирательный процесс исторического описания дает много сомнительного с точки зрения научных целей материала, так как часто некоторые события упускаются из виду и записываются в неколичественной форме. Это верно и в отношении как ко всем документам об истории жизни - письмам, дневникам, биографиям и т. д., так и к более формальным историческим документам.

Однако научное наблюдение также подразумевает отбор из бесчисленных характеристик и связей только некоторых аспектов исследуемых объектов и исключение всех других аспектов. Ограниченность наших реакций и символизирующих механизмов (то есть наших чувств и языковых символов) делают это неизбежным. Среди этих ограничений можно отметить неспособность наших чувств охватить более, чем сравнительно небольшое количество фактов, одновременно. Это делает необходимым выбирать для осмысления только определенные характеристики из их бесконечного числа. Из выбранных данных мы формируем научные факты, то есть производим обобщения. Необходимость выбора ставит фундаментально важный для науки вопрос: как нам следует поступать в процессе исследования - какие характеристики выбирать для рассмотрения, а какие игнорировать?

Сущность и функции рабочих гипотез. Когда мы сталкиваемся с конкретной повседневной проблемой мы обращаем внимание только не те события, которые с нашей точки зрения непосредственно связаны с этой проблемой. Однако, то, что мы будем считать значимым, будет связано с нашим предшествующим опытом. Иными словами, мы склонны рассматривать как значимые только те факторы, которые были значимы в других *подобных* проблемных ситуациях, с которыми мы уже сталкивались. Сходства могут быть как большими, так и незначительными. Если ситуация или проблема нам слишком незнакома, то есть мы не можем сравнить ее с прошлыми ситуациями или проблемами, то мы будем неспособны вынести какое-либо суждение или наши суждения будут

ошибочными или основанными на слепой вере. Предположение, выдвигаемое нами относительно важности тех или иных факторов для решения нашей проблемы, становится нашей *гипотезой*. На основе этой гипотезы мы начинаем выносить суждения о данных, которые подтверждают нашу гипотезу или противоречат ей. В повседневной жизни мы обычно конструируем гипотезы относительно причин и способов решения наших проблем на основе *аналогии* - предположения о том, что, если два явления ведут себя сходным образом в одной ситуации, то возможно они будут проявлять сходство в поведении и в некоторых других ситуациях, которые интересуют нас в данный момент.

Такие аналогии имеют плохую репутацию в качестве научной процедуры, поскольку часто используются в качестве заключения или доказательства, не гипотезы, которую еще надо проверить. Аналогия полезна и обоснована только тогда, когда различия учитываются в той же степени, что и сходства. И снова необходимо заметить, что численный перевес сходств или различий совершенно не важен, а важны только те из них, которые *значимы для целей проводимого исследования*. Когда метод аналогии используется правильно, то он становится самым плодотворным источником гипотез не только в сфере повседневной жизни, но и в науке, а гипотезы являются начальным этапом всякого научного исследования.

Рабочая гипотеза является обязательным условием для начала сбора данных. Даже Федеральная Перепись населения имеет под собой гипотезу, согласно которой тот тип данных, который был полезен в прошлом, будет необходим и в будущем. Без гипотез нам пришлось бы регистрировать все наши реакции на стимулы окружающей среды, то есть всю совокупность наших ощущений. Но... то, на что реагируют наши органы чувств предопределяется главным образом тем, «что мы ищем». Поэтому хотим мы того или нет, *отбор* данных происходит на основе нашего предыдущего опыта. Рабочая гипотеза представляет собой хорошо продуманное предположение, основанное на предыдущем опыте и касающееся тех факторов, которые считаются нами значимыми в исследуемой ситуации. Единственное различие между процессом сбора данных без постановки гипотезы и тем же процессом с предварительно выдвинутой гипотезой заключается в том, что в последнем случае мы *сознательно учитываем* ограниченность наших чувств и пытаемся уменьшить их погрешность. Поэтому мы сужаем поле нашего исследования, чтобы сконцентрировать внимание на тех аспектах, которые, как подсказывает нам прошлый опыт, являются значимыми. Даже если мы начали с регистрации всех наших реакций, мы все равно будем вынуждены перед тем, как мы сможем использовать эти наблюдения в научных целях, производить отбор нужных данных из массы

зафиксированной информации. А этот отбор осуществляется на основе гипотезы. Отсюда, будет проще и результативнее провести первичные наблюдения на основе гипотез(ы).

Рабочая гипотеза, таким образом, является попыткой обобщения, основанной на беглом, эмпирическом исследовании фактов. Это только «предчувствие», «интуитивное» предположение. Конечно, все «предчувствия», «интуиции», гипотезы находятся в сфере неформального, даже подсознательного, индуктивного знания. Гипотеза это пробная генерализация, основанная на таких смутных, неопределенных и неадекватных данных, что иногда не может быть четко сформулирована. Здесь опять же существует большое различие во мнениях по вопросу о том, когда гипотеза перестает быть гипотезой и когда становится научной теорией или научным законом. Этот вопрос касается адекватности данных, на которых построено обобщение... Обычно термин «теория» используется для того, чтобы обозначить средний уровень между не подтвержденными обобщениями, известными как гипотезы, и полностью подтвержденными обобщениями, называемыми научными законами или научными фактами. Но все они являются суждениями, которые более или менее точно характеризуют изучаемые явления...

Опасности при построении гипотез. Рабочая гипотеза в своей простейшей форме представляет собой всего лишь дефиницию объекта исследования. Она корректирует проведение исследования в соответствии с имеющимися ресурсами и препятствует бесцельному и произвольному сбору данных. Она направляет исследователя в отборе данных. В этом, безусловно, таится серьезная опасность. Если исследователь понимает гипотезу как положение, которое надо во что бы то ни стало подтвердить, то неизбежно происходит исключение фактов, подтверждающих противоположную гипотезу(ы), что перечеркивает всю его работу. «Рабочая гипотеза, - пишет Чеддок, - в научном смысле есть теория или объяснение, которое принимается после тщательного осмысления известных фактов с учетом всех других объяснений, включая готовность изменить данное объяснение, если факты, обнаруженные в исследовании, подтвердят другую теорию. Поэтому гипотеза выдвигается *с целью включения в исследование всех доступных и подходящих фактов, а также с целью как доказать, так и опровергнуть эту гипотезу.* Именно такая гипотеза желательна и даже необходима. Она задает точку отсчета для исследования и, если основана на достаточном знании, направляет процесс исследования. Без построения гипотезы может быть собрано много бесполезных данных, поскольку исследователь боится пропустить что-либо существенное или, наоборот, могут быть пропущены именно важные факты, которые при тщательно обозначенных целях

исследования не могут ускользнуть от внимания ученого. Слепой сбор массы данных не может привести к обнаружению интересных связей между фактами равно как и к новому объяснению наблюдаемых явлений»⁴³.

Большое разочарование, которое испытывают некоторые студенты, обнаружившие, что факты не подтверждают гипотезу или противоречат ей, приводит даже к самоубийству. Но даже оно не оправдывает ненаучных установок. С чисто научной точки зрения, вклад ученого в равной степени огромен, подтверждает ли он или опровергает выдвинутую им гипотезу. Нужно всегда остерегаться слишком сильной эмоциональной зависимости от результата исследования, поскольку она мешает беспристрастному наблюдению и объективному сбору данных, на которых основаны выводы и дальнейшие шаги научного исследования. «Гипотезы это колыбельные песни, убаюкивающие осторожность»⁴⁴. Часто мы забываем, что гипотеза есть просто пробный постулат и принимаем ее как данность. Большую часть дискуссий об инстинктах можно приписать такого рода заблуждению. Гипотеза часто становится своего рода навязчивой идеей для того, кто ее выдвинул. Их репутация, престиж и даже их работа может находиться под угрозой, если факты ведут к опровержению принятой ими гипотезы. В этом случае мы можем стать свидетелями патетического спектакля, в котором люди играют роль евангелистов или миссионеров, фанатически отстаивая гипотезу, которая больше не подтверждается фактами.

Классификация методов сбора данных. Методы сбора данных отличаются от методов манипулирования, суммирования, обобщения или других способов обработки данных. Настоящая книга касается прежде всего первой задачи. Справедливо, что возможные способы обработки данных зависят в основном от метода, с помощью которого они были получены. Поэтому метод сбора должен в свою очередь зависеть от метода, который мы намереваемся использовать в обработке полученных данных. Но большего всего споров возникает по поводу классификации методов, что объясняется неспособностью провести различие между методами сбора данных и методами их классификации, трактовки и манипуляции. Отсюда мы имеем большое «разнообразие» методов: исторический, монографический (case-study), «статистический», «обзорный» и т. д. Не существует ничего взаимоисключающего в этих методах. С одной стороны, все

⁴³ R.E. Chaddock «Principles and Methods of Statistics», p. 5.

⁴⁴ F.W. Westaway «Scientific Method», p. 5.

способы сбора данных есть сбор «отдельных случаев»(cases). А «обзор» есть только обозначение типа исследования, относящегося к широкому масштабу исследуемого объекта, где может использоваться любой или все методы получения данных. Классификация методов сбора данных, как и все классификации, должна указывать, во-первых, каково основание или цель этой классификации, а во-вторых, ее категории не должны пересекаться.

Основные методы сбора данных в социальных науках могут быть классифицированы согласно: 1) масштабу; 2) источникам; 3) приемам сбора или получения данных.

Относительно *масштаба* исследования, Чепин классифицировал методы исследования следующим образом⁴⁵: а) case-work или исследование индивидуальных случаев; б) выборочное или выбор части поля исследования, основанное на предположении, что эта часть является репрезентативной частью целого; в) полное перечисление или включение всех данных в поле исследования...

Относительно *источников*, из которых данные могут быть получены, существуют два вида общепризнанных, а именно:

(1) Исторические источники:

(а) документы, бумаги, папирусы, наскальные надписи и т. д.;

(б) геологические формации, окаменелости и т. д.

(2) Полевые источники:

(а) частная информация от живущих на этом месте индивидов;

(б) прямое наблюдение за поведением (включая вербальное поведение...

Исторические источники в этой классификации представляют собой записи или следы, которые прошлые события оставили после себя и которые зарегистрированы и сохранены с помощью различных устройств и приемов. Воспоминания живущих индивидов также безусловно являются следами прошлых событий и являются историческими в том смысле, что все события, которые уже произошли есть исторические. Но поскольку цель настоящей классификации источников заложить основу для обсуждения способов сбора данных, то записанная или произнесенная информация, сохраненная для особой цели и полученная от живущих индивидов, классифицирована

⁴⁵ F.S. Chapin « Field Work and Social Research», p. 47.

здесь как полученная из полевых источников. Единственным дополнением может служить метод прямого наблюдения за событиями и людьми, который также может быть классифицирован как метод полевой работы.

Критическая оценка исторических источников. Перед началом полевого опроса или исследования всегда должен быть проделан тщательный обзор всех документальных источников, касающихся предполагаемого исследования. Это важно для того, чтобы избежать двойной работы, и имея в виду те выводы, которые могут быть получены благодаря этим методам - избежать ловушек и разного рода трудностей. Кроме того, желательно сравнить чьи-либо находки с таковыми у других исследователей при тщательном учете процедуры исследования в каждом случае. Размещение соответствующих документальных источников в любом исследовании в значительной степени зависит от знания разнообразных систем индексации... После расположения соответствующих документальных источников, их критическая оценка становится следующей задачей.

Для удобства оценки документальные источники обычно разделяются на два класса, а именно (1) первичные и (2) вторичные.

Под первичными мы понимаем любые источники данных, которые собираются в первую очередь и komponуются одним и тем же исследователем. Вторичные - это любые другие источники. Так, регистрационные карточки в конторе архивариуса университета можно назвать первичным источником для изучения возрастной и половой структуры студенческого корпуса университета. Компиляция записей на регистрационных карточках в университетском каталоге также является первичным источником. Однако, газетный репортаж, основанный на этих данных, можно охарактеризовать как вторичный источник. Подобным образом полные отчеты Федерального Правительства о переписи населения есть первичные источники, но изложение результатов переписи во *Всемирном Альманахе* или *Статистическом отчете по США*, должно считаться вторичным источником. «В ситуации, когда ответственность за сбор первоначальных данных и за их обнародование как в печатной, так и в других доступных формах, неразделимы, источник может называться первичным. Но когда данные обнародует человек, который не участвовал в получении первичных данных, то источник, содержащий такие данные, называется вторичным»⁴⁶.

⁴⁶ R. E. Chaddock «Principles and Methods of Statistics», p. 392. Секрист указывает, что разделение

Важность этого разделения лежит в относительной надежности этих двух типов источников. Первичные источники не более надежны, чем люди или агентства, ответственные за них. Но если они действительно являются первичными и поэтому не подвластны коррекции или верификации со стороны человека, который использует эти данные, то единственное, за что можно подвергнуть их критике или коррекции, это высокая вероятность влияния предубеждений или ошибочность способов сбора этих данных. Вторичные источники больше подвержены ошибке, чем дальше они отходят от первичных источников. Даже такие простые процедуры как переписывание, перепечатывание и т. д. чреватые невольными ошибками. К тому же существуют почти неограниченные возможности злоупотребления и манипулирования первичными источниками, как то - их частичная репрезентация, которая обусловлена всякого рода предубеждениями, перераспределение данных, пренебрежение соображениями их сравнимости с другими фактами, пренебрежение специализацией первичных источников.

Поскольку процесс получения данных из документальных источников подвержен многочисленным ошибкам, которые уменьшают их научную ценность, появляется необходимость как можно более скрупулезного исследования данных, привлекаемых из вторичных источников. Если данные извлечены из вторичных источников, то первый и наиболее удовлетворительный метод их проверки - это сравнение их с данными из первичных источников в случае, если они доступны. Однако, если первичный источник оказывается недоступен, то мы должны применить к вторичным источникам те же самые правила критического анализа, которыми мы руководствуемся, когда имеем дело с первичными источниками.

Принципы критической оценки, которые необходимо применять ко всем документальным источникам, обобщил Чепин⁴⁷:

А- Документы с самого начала должны быть критически проанализированы по их внешним или объективным характеристикам.

- (1) Авторство должно быть строго проверено и установлено.
- (2) Источники должны быть строго классифицированы.
- (3) Исследователь должен избегать сверхкритической оценки, которая превращает инструмент исследования в самоцель, а не в средство достижения

между первичными и вторичными источниками есть в значительной степени один из уровней работы с данными и, что «данные, которые являются вторичными в руках одной стороны, могут быть первичными для другой» (Horace Secrist «An Introduction to Statistical Methods, 1925, p. 25).

⁴⁷ F. S. Chapin «Field Work and Social Research», pp. 37,38.

истины.

В - Затем документы должны подвергнуться критическому анализу по их внутренним или субъективным характеристикам. Это очень важно...

(1) Что подразумевает автор под каким-либо утверждением? Каково реальное значение этого утверждения независимо от его литературного или другого значения?

(2) Был ли вывод, сделанный автором добросовестным?

(a) Не было ли у автора умысла ввести читателя в заблуждение?

(b) Не оказывалось ли на автора давление, в результате чего он мог сказать неправду?

(c) Находился ли автор под воздействием симпатии или антипатии, что повлияло на объективность его выводов?

(d) Не находился ли автор во власти тщеславия?

(e) Не был ли под влиянием общественного мнения?

(f) Не было ли у автора каких-либо литературных, драматических амбиций, которые могли бы исказить истину?

(3) Является ли данное утверждение точным? Или более конкретно:

(a) Был ли автор плохим наблюдателем вследствие слабоумия, какого-либо другого умственного дефекта или психической патологии?

(b) Хорошо ли автор ориентировался в пространстве и времени?

(c) Был ли он небрежным или равнодушным?

(d) Был ли другой факт такого же свойства, который не мог быть наблюдаем?

(e) Был ли автор документа простым свидетелем или профессиональным, опытным наблюдателем?

(4) Если есть подозрения, что автор не являлся непосредственным наблюдателем описываемых событий, необходимо определить подлинность и точность источников информации, которыми он пользовался.

С - Особые факты могут быть определены с помощью процедуры сравнения, которая взвешивает противоречивость и адекватность выводов, включая вычисление степени их вероятности.

Методы полевого исследования. После того, как: проблема исследования определена; выдвинуты и приняты рабочие гипотезы; собраны, тщательно проанализированы и критически оценены все релевантные документальные источники (первичные и вторичные), необходимо принять решение о том, с помощью каких методов будет проводиться полевое исследование. В процессе этой подготовительной работы должны быть решены следующие вопросы: в чем заключается проблема исследования, какова природа и сущность предмета и объекта исследования и в какой форме мы хотели бы видеть решение этой проблемы. Эти вопросы в свою очередь определяют *минимальный масштаб* исследования, то есть тот минимум данных, который требуется для получения желаемых выводов. Это задача ... определения минимальной выборки, которая статистически пригодна для целей исследования. Однако, чем больше выборка, тем более надежны выводы. Поэтому особенно желательно полное перечисление полевых данных, которые берутся во внимание. Масштаб любого исследования должен находиться между минимальной выборкой, достаточно репрезентативной для наших целей, и полным перечислением данных. Какой, отсюда, будет точный масштаб этого исследования с позиции людей, руководящих исследованием, в значительной степени будет определяться временем, финансами и оборудованием, включая полевой обслуживающий персонал. Все эти соображения будут предопределять методы, которые должны быть использованы для того, чтобы получить и проверить изучаемые факты.

Существует два основных метода полевого сбора фактов: (1) исследователь выходит в поле и регистрирует данные, непосредственно наблюдая за объектом исследования; (2) исследователь может добыть данные из вербальных или письменных ответов людей, которые имели непосредственный контакт с исследуемыми явлениями.

Первый метод осуществляется исследователем, который отправляется регистрировать число домов в определенном районе, их размер, бытовые условия (отопление, свет), расстояние от этих домов до школ и церквей. Он может описать на основании прямого наблюдения характеристики, занятия и особенности поведения людей, живущих в этом районе. Он может определить расу или национальность, манеру одеваться; посещаемость библиотек, школ и общественных собраний; а также частоту, с которой люди проходят определенный угол города, на каких транспортных средствах путешествуют, какие магазины посещают. Наконец, исследователь может зарегистрировать положение в социальной структуре и социальные функции индивидов через определение их настоящего профильного статуса. Здесь наиболее подходят интенсивные физические и психологические лабораторные тесты, которые используются

в медицинских и психиатрических обследованиях. Так, были созданы тесты для измерения временной реакции (reaction-time), координации импульсов, эмоциональных реакций, а также большое количество вербальных тестов, созданных для определения так называемых «аттитюдов» (установок) и «интересов». Такие тесты могут быть адекватно классифицированы как прямое наблюдение или только как первичные наблюдения вербального поведения. Их также можно рассматривать как достаточно надежные индикаторы общего поведения индивида в реальной жизненной ситуации. В последнем случае эти тесты принадлежат скорее ко второй категории, отмеченной выше.

Преимущества метода прямого наблюдения, осуществляемого опытным исследователем, и соответствующие недостатки косвенного метода могут быть кратко охарактеризованы как следующие: (1) Прямой метод позволяет опытному исследователю провести объективное наблюдение и поэтому быть предметом проверки со стороны других исследователей. Наблюдения случайных свидетелей с необходимостью являются непрофессиональными, ненадежными и трудными для проверки. (2) Прямой метод предоставляет нам картину реального поведения в непосредственной жизненной ситуации, а не того поведения, которое индивид *думает*, что осуществляет, или мог бы исполнять в реальных или гипотетических условиях. Это исключает, таким образом, возможные ошибки, касающиеся непонимания, неправильной интерпретации слов, а также предрассудков, которые обычно присутствуют в словесных сообщениях, получаемых от человека, который был свидетелем явлений, но должен полагаться на свою память о многих из них. Наше знание о пределах ассоциативной памяти, о роли предположения и фантазии в человеческом поведении должно корректировать наше восприятие таких сообщений. И наконец, (3) метод прямого наблюдения есть метод естественных наук и обладает преимуществами точного наблюдения и измерения, которые находятся в распоряжении этих наук. Этот метод всегда следует применять, что бы ни диктовали ученому содержание и ресурсы исследования.

Метод прямого наблюдения, однако, имеет определенные ограничения, которые до настоящего времени вынуждали большинство исследователей собирать данные с помощью второго метода, о котором говорилось выше, а именно - со слов людей. Трудности, возникающие при применении этого метода, в значительной степени остаются теми же, что сопутствуют проведению социальных экспериментов... В процессе контролируемого лабораторного эксперимента физик имеет дело с интересующим его явлением, регулярно происходящим в течение небольшого промежутка времени в условиях, которые гарантируют, что эти явления будут вести себя так же и в естественных

условиях. Он также может сделать наблюдения, не ожидая в течение долгого времени появления этих феноменов в естественных условиях. Создав искусственную среду, он может даже уменьшить пространство и время, в пределах которых эти процессы могут происходить. Таким образом, в лаборатории могут быть получены искусственные природные условия, в которых можно протестировать сопротивляемость краски погодным условиям так, как если бы эта краска находилась в реальных погодных условиях 10 лет и больше.

В социальных науках отсутствуют возможности лабораторного наблюдения данных, исследователь должен ждать появления интересующих его явлений или опираться на сообщения по памяти других людей и исторические свидетельства событий, которые произошли в недавнем или отдаленном прошлом. Большинство данных в рамках Федеральной переписи населения, так же как и в других случаях, были собраны вторичным способом. Возраст, раса, национальность, религиозная принадлежность человека так же, как и утверждения о его собственности, доходе и бизнесе, регистрируются со слов опрашиваемого. Существует только незначительная возможность проверки его высказываний, однако некоторые данные проверить нельзя, а проверка таких факторов, как времяпрепровождение, уровень доходов и др. может быть запрещена. Мы принимаем информацию со слов опрашиваемого, хотя знаем, что, даже не учитывая намеренной фальсификации фактов с его стороны, его память и характер сведений о себе дают гарантию только приблизительно правильных ответов. Поэтому в настоящее время мы основываемся на неточных сообщениях большинства членов общества для получения большинства социальных данных. До тех пор пока мы не разовьем гораздо более понятные и эффективные системы официальной регистрации данных, мы будем основываться на личных свидетельствах подобного рода...

Сегодня особенно важным становится совершенствование способов получения данных из уст людей, то есть таких приемов получения вторичной информации, которые будут гарантировать высокую степень точности прогнозов человеческого поведения. Все это даст возможность избежать проведения трудоемкого, дорогостоящего, большого по временным затратам исследования непосредственного поведения людей... В самом деле, через тщательную проверку каждого блока информации, через их сопоставление друг с другом, через сопоставление с объективно установленными фактами, можно определить с высокой степенью точности достоверность индивидуальных письменных и устных свидетельств. Поскольку в настоящее время в процессе сбора большей части данных мы не можем ограничиться только наблюдением конкретного непосредственного

невербального поведения людей в неподконтрольном (исследователю) социальном окружении, наша проблема может решиться через совершенствование техники получения достоверной информации от людей, которые непосредственно находятся в исследуемой ситуации. Эта техника принимает обычно одну из трех форм: (1) Неформальное словесное интервью (индивида или группы). (2) Более формальное соблюдение заранее подготовленного опросника в получении ответов на вопросы. (3) Вопросник, который заполняется опрашиваемым без личного руководства со стороны исследователя...

Лекция 10. Роберт Мертон и функционалистская методология

Темы:

- *Роберт Кинг Мертон (р. 1910). Социологический функционализм. Типы социологических теорий. Системный подход в истории социологии. Социологические теории среднего уровня как методологическая основа эмпирического исследования. Явные и латентные социальные функции.*
- *Одиннадцать характеристик функциональной парадигмы в социологии (по книге Р.Мертона "Социальная теория и социальная структура"). Социальная теория и эмпирические исследования.*
- *Социальная структура и аномия. Пять реакций индивида по отношению к социальной структуре. Бюрократические структуры и личность.*
- *Роль интеллектуалов в бюрократических структурах.*
- *Теория референтных групп.*
- *Социология знания. Парадигма социологии знания. Социальный конфликт в социологической теории. «Внешний» и «внутренний» наблюдатель в исследовании.*
- *Социальный и культурологический контекст науки. Взаимодействие науки и технологии. Нормативная структура знания. Пуританизм и теория науки. Наука и социальная упорядоченность. Процесс оценки в науке. Параметры оценки эффективности научных исследований. Система стимулирования научных исследований. Научные приоритеты. Структуры поведения ученых. Социология личности ученого.*
- *Методология эмпирического исследования. Теоретическая функция исследования.*
- *Принцип "Серендипити" (случайного открытия). Обратное воздействие эмпирического исследования на теорию. Смещение фокуса теоретического интереса. Прояснение исследовательской концепции.*

- *Исследования пропаганды на радио и в киноиндустрии* (Р.Мертон и П.Лазерсфельд). Средства анализа пропаганды. Контент-анализ. Анализ обратного воздействия (эффект бумеранга). "Технологическая" пропаганда или "пропаганда фактов".

Литература

- Американская социология сегодня. М., 1972.
- Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1993.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2-4.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1967.
- Мертон Р. Эффект Матфея в науке. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. № 3.
- Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- Очерки по истории теоретической социологии XX века. М., 1994.
- Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2.
- Покровский Н.Е. Проблема аномии в современном обществе. М., 1995.
- Покровский Н.Е. Ранний вечер на Утренних холмах. Субъективные заметки о Роберте Мертоне // Социологические исследования. 1992. № 6.
- Социология сегодня: проблемы и перспективы / Р.Мертон и др. М., 1965.
- Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
- Штомпка П. Роберт Мертон: динамический функционализм // Современная американская социология. М., 1994.
- R.K.Merton. Social Theory and Social Structure. N.Y. 1948 (1963).

Мертон (Merton) Роберт Кинг (р. 1910) — американский социолог, один из ведущих теоретиков структурного функционализма, почетный профессор Колумбийского университета. Мертон внес важный вклад в развитие теории и методологии социологии, изучения социальной структуры, социологии науки, социологии медицины, исследования бюрократии, социальной дезорганизации и девиантного поведения, массовой коммуникации и т. д. В разработанной им стратегии построения «теорий среднего уровня» подчеркивается необходимость постоянно опираться в развитии теории на эмпирические исследования. Под руководством Мертона было проведено много прикладных

исследований на самые разные темы; в 40-е годы он руководил (совместно с П. Лазарсфельдом) Бюро прикладных исследований Колумбийского университета. Его работа на этом поприще сыграла важную роль в повышении авторитета эмпирической социологии в США.

Роберт Мертон и Патриция Л. Кендалл

Фокусированное интервью⁴⁸.

В течение нескольких лет специалисты Бюро Прикладных Социальных Исследований проводили индивидуальные и групповые интервью, исследуя социальное и психологическое воздействие средств массовой коммуникации - радио, печати и кино. Из этого опыта был выделен особый тип исследовательского интервью, который по своим отличительным характеристикам получил название - «фокусированное интервью».

Фокусированное интервью отличается от других типов интервью, несмотря на очевидные сходства. Следующие характеристики дают общее представление о данном типе интервью:

1. Об интервьюируемых должно быть известно, что они являются участниками *особой ситуации*: они посмотрели определенный фильм, прослушали радиопрограмму, прочитали памфлет, статью или книгу; были участниками психологического эксперимента или определенной социальной ситуации, которая не была контролируемой, но находилась под наблюдением.

2. Гипотетически значимые элементы, типы и общая структура исследуемой ситуации были заранее проанализированы исследователем. После проведения *контент-анализа* исследователь выдвигает ряд гипотез, касающихся значения и воздействий определенных элементов ситуации.

3. На основе этого анализа исследователь проектирует *опросный лист интервью*, который содержит вопросы, отражающие исследовательские задачи и гипотезы. Они указывают на связи между фактами, которые должны быть проверены в процессе интервью.

⁴⁸ Печатается с сокращениями по: The American Journal of Sociology, Vol. LI, 1946, pp. 541-557, с разрешения автора и издателя. (Copyright, 1946, by The University of Chicago).

4. Интервью фокусируется на субъективных переживаниях людей, участвующих в анализируемой ситуации. Характер сообщений опрашиваемых о своих реакциях на ситуацию дает исследователю возможность:

а) проверить обоснованность гипотез, полученных на основе контент-анализа и социально-психологической теории и

б) зафиксировать неожиданные реакции на ситуацию, которые способствуют возникновению новых гипотез.

Из этого краткого обзора видно, что необходимой предпосылкой проведения фокусированного интервью является анализ ситуации, в которую вовлечены опрашиваемые участники этой ситуации.

Интервьюер, заранее проанализировавший ситуацию, на которой фокусируется интервью, находится в особенно выгодном положении для выяснения важных деталей исследуемой ситуации. Обычно глубинное интервью связано с реминисценциями опрашиваемых по поводу своих переживаний. Однако в фокусированном интервью интервьюер может, когда это целесообразно, играть и более активную роль: он может использовать более точные словесные реплики или намеки на стимулы и даже может, как мы увидим, *воспроизвести* воздействие отдельных условий. В подобных случаях обычно сами опрашиваемые хотят сообщить о необходимых исследователю реакциях и переживаниях.

Использование фокусированного интервью.

Фокусированное интервью изначально применялось для решения конкретных задач исследования воздействия средств массовой коммуникации и пропаганды. Описание этих задач появилось в подробных монографических исследованиях (case-study) профессора Герты Херцог, которые сосредоточились на изучении вознаграждений, учрежденных слушателями в таких радиопрограммах как дневные сериалы и викторины. Исследовательский интерес сконцентрировался на анализе реакций на разные памфлеты, радиопрограммы и кинофильмы. Во время войны профессор Херцог и старший автор настоящей статьи получили задание от нескольких военных агентств изучить психологическое влияние идеологических механизмов, задающих особый

моральный настрой. В процессе этой работы применялось и разрабатывалось фокусированное интервью, где они и приобрели некоторые стандартизированные черты.

Первичной, хотя и не главной, целью фокусированного интервью было обеспечить основу для *интерпретации* статистически значимых последствий влияния средств массовой коммуникации. Но особенно успешно использовались фокусированные интервью в *экспериментальном изучении воздействий* средств массовой коммуникации. Особенности применения интервью могут быть кратко проиллюстрированы через описание преимуществ фокусированного интервью:

1. Установление эффективных стимулов;
2. Интерпретация расхождений между ожидаемыми и реальными последствиями изучаемого воздействия;
3. Интерпретация расхождений между основными последствиями и последствиями среди подгрупп - «девиантные случаи»;
4. Интерпретация процессов, вовлеченных в экспериментально выведенные последствия.

1. Экспериментальное изучение последствий сталкивается с проблемой *спецификации стимулов*, то есть с проблемой определения той переменной, например, x или типа x , в общей ситуации воздействия, которая ведет к наблюдаемым последствиям. Но по причине практических трудностей, это требование часто невозможно выполнить в рамках психологических или социологических экспериментов. Поэтому за экспериментальную «переменную» принимается относительно недифференцированный комплекс факторов - «эмоциональные влечения», «противоречивые побуждения» и «политическая пропаганда». А это сравнимо с утверждением, что «проживание в тропиках - причина высокой заболеваемости малярией»; это верно, но не точно. Но какими бы грубыми ни были эти процедуры сначала, они должны быть выполнены для того, чтобы обнаружить причинно значимые аспекты общей стимулирующей ситуации. Так, Гознелл провел искусный эксперимент по «стимуляции голосования», в котором экспериментальным группам постоянных жителей двенадцати районов Чикаго были разосланы «индивидуальные беспартийные листовки», призывающие регистрироваться и голосовать. Приблизительно эквивалентные контрольные группы не получили таких листовок. Было обнаружено, что экспериментальные группы голосовали гораздо

активнее. Чем показателен этот результат? На *что* среагировали экспериментальные группы? Было ли это следствием беспартийного характера полученных призывов, ясности инструкций, которые они получили, следствием воздействия особых символов и призывов, использованных в листовках, или следствием чего-то другого? Пользуясь выражением самого Гознелла, «какие же стимулы были протестированы?»

Согласно проекту эксперимента, ответ этот вопрос мог бы быть получен после проведения серии последовательных экспериментов, с помощью которых можно было бы проверить воздействие каждого из гипотетических факторов. На практике такая серия социальных экспериментов ставит ряд проблем: затрата значительных средств на организацию, оплату труда персонала, но главное - такая процедура предполагает, что экспериментатор должен не ошибиться и точно обнаружить те типы стимулов, которые характерны для изучаемой ситуации. Фокусированное интервью может служить надежной и более или менее адекватной заменой такой серии экспериментов. И несмотря на то, что точность исследования страдает, фокусированное интервью способствует появлению плодотворных гипотез относительно реакций индивидов. С помощью фокусированного интервью Гознелл, например, вероятно смог бы установить, какие элементы в его «беспартийных» листовках разных видов оказали воздействие на различные сегменты экспериментальных групп. Интервью этого типа обеспечивает хотя бы первоначальное решение тех проблем, которые прежде считались лишь спекулятивными или вообще не попадали в фокус внимания ученых.

2. Необходимо объяснить или *интерпретировать* наблюдаемые последствия. Ведь довольно часто случается, что экспериментатор обнаруживает *расхождение* между наблюдаемыми и ожидаемыми последствиями, последние из которых планировались на основе предыдущих находок и ранее сформулированных теорий. Также исследователь может обнаружить, что одна группа испытывает последствия, которые отличаются от тех, что наблюдаются среди остальных экспериментальных групп. До тех пор пока исследование будет оставаться конгломератом не интегрированных эмпирических данных, будет необходимо делать некоторые усилия для того, чтобы объяснить такие «противоречивые» результаты. Однако реальная трудность может заключаться здесь в выборе подходящего объяснения среди широкого ряда *post factum* интерпретаций девиантных фактов. Фокусированное интервью обладает в этом случае большой инструментальной ценностью. Например:

Изучение Розенталем влияния «прорадикальной» кинопропаганды на социально-экономические установки (attitudes) студентов колледжа является примером *расхождения между ожидаемыми и реальными последствиями*. Он обнаружил, что большая часть опрошенных согласилась с утверждением, что «радикалы - враги общества», *после* того, как они посмотрели фильм. В случае, когда бывают получены кажущиеся парадоксальными результаты, обычно следует такое «объяснение»: «Негативный эффект пропаганды можно отнести к просмотру сцен, показывающих ортодоксальных ораторов и марширующих демонстрантов».

Ясно *ad hoc*⁴⁹, что эта интерпретация является спекулятивной, однако фокусированное интервью поможет уточнить и скорректировать такие объяснения. Интервью может показать, как аудитория действительно реагирует на «ораторов и марширующих демонстрантов». В этом случае исследовательское предположение может стать научным понятием или быть опровергнуто. (Как мы увидим, фокусированное интервью действительно используется для определения источника так называемых «бумеранговых воздействий» кино, радио, памфлетов и пропаганды в виде карикатур).

Подобный эксперимент Петерсона и Сурстоуна показал неожиданно малое изменение в установках старшеклассников, которые посмотрели пацифистский фильм. Исследователи постановили: «...возможно, что фильм «Конец Джонни» слишком сложен для учеников старших классов».

Снова необходимо заметить, что объяснительная способность *post factum* интерпретации могла бы увеличиться, могли бы быть выдвинуты совершенно другие гипотезы, если бы было проведено фокусированное интервью. Как дети поняли фильм? На что они среагировали в первую очередь? Ответы на эти и подобные вопросы помогли бы получить данные, необходимые для интерпретации непредвиденных результатов.

3. Мы снова вернемся к исследованию Гознелла для того, чтобы проиллюстрировать тенденцию к *ad hoc* интерпретациям расхождений между доминирующими последствиями и последствиями среди подгрупп («девиантными случаями») и показать конструктивную роль фокусированных интервью в их преодолении.

Гознелл обнаружил, что большая часть граждан проголосовала в ответ на

листовку-призыв «увещающего характера, содержащего карикатуру и несколько лозунгов», чем в ответ на «фактические» заявления, которые привлекали внимание только к правилам голосования. Но он также обнаружил ряд «исключений», которые вызвали постановку *ad hoc* гипотез. В преимущественно немецком по национальному составу выборном округе фактическое заявление имело больший эффект, чем «листовка-карикатура» - факт, который сразу привел Гознелла к предположению, что «слово «уклоняющийся от призыва в армию» (*slacker*) в карикатурном призыве вероятно оживило воспоминания о войне и поэтому не имело успеха в привлечении к голосованию». В чешском и итальянском районах фактические призывы также были более эффективны; но в этих случаях Гознелл предлагает несколько иное объяснение: «информационные плакаты были более эффективны, чем карикатуры возможно потому, что они были отпечатаны в Чехии (и соответственно в Италии), в то время как карикатуры были напечатаны в Англии». Однако в польском районе фактические призывы, хотя и были отпечатаны в Польше, были менее эффективны, чем листовки с карикатурами.

Коротко говоря, без проведения серии интервью, сфокусированных на проблеме девиантных групповых ответов, исследователь склонен выдавать чрезвычайно необоснованные интерпретации исследуемых явлений. Этот недостаток эксперимента Гознелла, хотя и по праву оцененного Катлин как исключительно хорошо спланированного исследования, тем более просматривается в большинстве социальных и психологических экспериментов.

4. Даже краткие интроспективные интервью, которые проводятся в дополнение к эксперименту, оказываются полезными для изучения *процессов, задействованных в экспериментально установленных воздействиях*. Так, Зейгарник, в ее хорошо известном эксперименте с памятью и незаконченными задачами (прерванными задачами), столкнулась с тем, что в некоторых случаях неоконченные задачи забывались. А этот факт шел вразрез с ее главными наблюдениями и ее изначально сформулированной теорией. Интервью с испытуемыми, которые демонстрировали такое «противоречивое» поведение, показали, что забытые незаконченные задачи переживались как провалы, неудачи и поэтому субъективно «заканчивались». Таким образом, она получила возможность интегрировать это кажущееся противоречие в свою общую объяснительную схему⁵⁰.

⁴⁹ *Ad hoc* - лат. - к этому, для данного случая (прим. пер.).

⁵⁰ Результаты этой экспериментальной работы Б. В. Зейгарник получили название «эффект

Ценность таких интервью становится очевидной и в том смысле, что объяснение, полученное Зейгарник из интервью, побудило Розенцвейга провести серию дополнительных экспериментов, основанных на тех же самых гипотезах, которые возникли из данных проведенных ею интервью.

Розенцвейг экспериментально обнаружил, что многие из опрошенных больше помнят успехи в решении адресованных им задач, чем провалы. Интервью показали, что этот «объективный экспериментальный результат» связан с тем, что задачи были символически и эмоционально окрашены разными испытуемыми. Например, одна из опрошенных сказала, что так необходимая ей стипендия зависит «от получения высшей оценки по курсу психологии», откуда она была приглашена для этого эксперимента. Во время теста она была сосредоточена на том, что подумает преподаватель этого курса: «Все, о чем я думала во время эксперимента, была мысль о том, что это тест на интеллект и что он [преподаватель] увидит его результаты. Он все время стоял у меня перед глазами».

Без этих данных гипотеза подавления, которая была выдвинута для интерпретации результатов эксперимента, была бы полностью голословной⁵¹.

Этот краткий обзор вероятно является достаточным для того, чтобы показать функции фокусированного интервью как вспомогательного средства экспериментального исследования, а также его необходимость в изучении реакций на ситуации повседневной жизни.

Цели и процедуры.

Интервью становится плодотворным не в результате автоматического применения фиксированных и рутинизированных процедур и приемов. В то же самое время искусство интервью не является уникальным и непередаваемым. В процессе фокусированного

Зейгарник» и заключались в том, что незаконченные действия запоминались прочнее. Описываемое Мертоном противоречие в данном эксперименте было интерпретировано с помощью гипотезы о «подавлении». См. об этом подробнее: Зейгарник Б. В. Воспроизведение незавершенных и завершенных действий/ Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти (под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова). - М.: МГУ, 1979, с. 120-134. - *Прим. пер.*

⁵¹ См. об этом: Rosenzweig S. Need Persistent and Ego Defensive Reactions to the Frustration as Demonstrated by Experiment on Repression // *Psychological Review*, 1941, vol. 48. - *Прим. пер.*

интервью периодически возникают похожие ситуации и проблемы, с которыми можно справиться через освоение доступных специальных процедур. Мы считаем, что мастерство каждого интервьюера, даже не очень опытного, значительно повышается через совершенствование навыка распознавать тип ситуации и через овладение множеством пластичных, хотя и стандартизированных, приемов управления различными типами этих ситуаций.

Более того, в поиске «значимых данных», интервьюер должен развивать способность постоянно оценивать качество интервью в самом процессе интервьюирования. Проанализировав большое количество записанных на пленку интервью, где зафиксированы не только ответы опрашиваемых, но и комментарии интервьюера, мы установили несколько предварительных критериев, с помощью которых можно отсеять из интервью непродуктивный материал. Кратко их можно сформулировать следующим образом:

1. *Отсутствие целенаправленного руководства процессом интервью (nondirection)*: интервьюер должен свети к минимуму собственное руководство процессом интервью и давление на опрашиваемого.

2. *Спецификация*: то, как опрашиваемые определяют изучаемую ситуацию, должно находить полное и конкретное объяснение.

3. *Область охвата*: интервью должно максимизировать сообщения о стимулах и реакциях, воздействие которых испытал опрашиваемый.

4. *Глубина и личностный контекст*: интервью должно выявлять аффективные и ценностные импликации ответов опрашиваемых, чтобы определить, какое переживание является главным или второстепенным по значению. Оно также должно прояснять релевантный личностный контекст, идиосинкразические ассоциации, верования и идеи.

Эти критерии взаимосвязаны, они представляют собой разные измерения одного и того же материала, полученного в ходе интервью. Каждый ответ может быть классифицирован в соответствии с каждым из этих измерений: ответ может быть спонтанным или вынужденным; расплывчатым и общим или узко специализированным; глубоким, способствующим самораскрытию, или поверхностным и т. д. Но полезно применять эти критерии по отдельности, поскольку они могут выявить направления для оценки потока интервью и предоставить возможность использовать соответствующие

приемы.

Для применения каждого из этих критериев существует особый порядок и эффективные процедуры, хотя ко многим из них не прибегают для достижения более, чем одной цели. В данном случае мы можем указать лишь на главную функцию, которую осуществляет каждая из этих процедур и только обозначить их применение для достижения вспомогательных целей. И поскольку эти процедуры в основном получены из опыта клинического интервью, а не из экспериментального тестирования, то они должны рассматриваться только как предварительные. Поэтому в рекомендациях для интервьюеров мы нашли разумным указать как на типичные ошибки, так и на эффективные процедуры. То же самое мы постарались сделать и в настоящей статье.

Критерий спецификации.

В процессе исследования реальной жизни гораздо больше, чем в некотором смысле абсурдных экспериментах с моторной памятью, ощущается необходимость понять те значения, которые индивиды придают разнообразным элементам, аспектам или моделям сложной ситуации, в которой они участвуют. Так, новобранцы в одном из таких исследований рассказали, что кадры документального фильма, показывающие «марширующих нацистских солдат», заставили их почувствовать тревогу: а смогут ли они противостоять германской армии? Такие сообщения не отвечают канону спецификации. Тревога могла быть вызвана впечатлением от непревзойденной мощи, символизируемой массовыми армиями, от «сурового и жестокого выражения» их лиц..., от вида их качественного обмундирования, а также съемок грандиозных и интенсивных военных маневров. Без процедуры спецификации нет возможности выбрать наиболее вероятную из этих интерпретаций.

Акцентируя необходимость спецификации, мы вовсе не имеем в виду, что опрашиваемые реагируют на каждый элемент общей ситуации как на отдельный и изолированный от других. Ситуация переживается «как целое» или как комплекс конфигураций. Индивидуальные модели могут быть восприняты как противоречащие общему фону. Однако, мы не можем удовлетвориться такими поверхностными формулировками, так как должны обнаружить «значимые целостности», на которые реагируют индивиды. Именно критерий спецификации помогает интервьюеру

обнаружить эти целостности. Только так мы сможем получить данные для искомым выводов, на основе которых мы сможем предсказать некоторые реакции. Опрос показал, что как значимое целое краткие сцены в фильме вызвали разные реакции независимо от того, что просмотр-фильма-вместе-с-двумя-тысячами-других был *одновременно* и «конфигуративным переживанием». Но без погружения в специфические значения важных деталей, мы теряем шанс определить эффективные модели стимулов. Таким образом, акцент на «спецификации» не означает приверженности «атомистическому» подходу в противоположность «конфигуративному», спецификация служит для ориентации интервьюера в поиске значимых конфигураций. Факт избирательной реакции давно известен и поэтому наша задача заключается в том, чтобы определить, что в материале интервью является обобщенным, а что дифференцированным.

Процедуры. Мы обнаружили, что спецификация сообщений может быть произведена с помощью процедур, предполагающих, что интервьюер осуществляет минимум руководства в процессе интервью.

Кажется трудным, даже невозможным, вновь вернуть в фокус обсуждения глубоко специфические реакции или переживания. Поэтому в интервью, сфокусированных на переживаниях близкого или отдаленного прошлого, естественным образом возникают проблемы, связанные с несовершенством человеческой памяти (упущения, искажения и т. д.). Экстенсивные эксперименты и клинические исследования показали важность таких ошибок и модификаций в процессе воспоминания. Фокусированное интервью, конечно, способствует проявлению этих «слабостей», однако не в такой мере как диффузные интервью. В методике проведения фокусированного интервью существуют определенные процедуры, которые дают возможность получить точное описание первоначального переживания. Это помогает зафиксировать субъективный опыт более объективно, чем сообщения, которые искажены и переработаны в не направляемом воспоминании.

Ретроспективная интроспекция. Эта процедура задумана для того, чтобы подвести опрашиваемых к выполнению такого умственного упражнения, которое называется «ретроспективной интроспекцией».

Без интроспекции размышление о прошлом обычно дает простой перечень того, что припоминается, и оно, как правило, не связано со значимыми реакциями. С другой стороны, без обращения к прошлому интроспекция, обычно приводит опрашиваемого к рассказу о тех реакциях, которые уже были им подсознательно переработаны в интервале

между изучаемым событием и интервью. А нам необходимо узнать о его переживаниях во время того, как он испытывал определенные воздействия. Для того, чтобы решить эту проблему, была разработана процедура ретроспективной интроспекции, которая заключается в попытке *воссоздать* насколько это возможно ситуацию-стимул. Цель этой процедуры - привести опрашиваемого в такое состояние, в котором он как будто *вновь переживает* ситуацию, что облегчает воспоминание об искомым реакциях. Это нужно для того, чтобы связать эти реакции с соответствующими аспектами исследуемой ситуации. Такого рода воссоздание изначальной ситуации служит также тому, чтобы убедиться, что и интервьюер, и опрашиваемый ссылаются на одни те же самые аспекты этой ситуации.

Самые быстрые средства воссоздания документального материала должны выявлять «кадры» из кинофильма, обыгрывать фрагменты радиопрограммы или выделять части перечитываемого памфлета. Хотя такие приемы не полностью передают изначальную ситуацию, они хорошо помогают опрашиваемому детально вспомнить свои первоначальные реакции. Но процедура воссоздания обладает дефектом, который заключается в прерывании гладкого потока интервью, хотя и на недолгое время. Если этот прием используется часто, то интервью превращается в дискретные серии разных опросов. Поэтому лучше скомбинировать случайный график таких воспоминаний через воссоздание ситуации с частыми словесными намеками. Но, исключая закрытые стадии интервью, такие намеки должны делаться только после того, как опрашиваемые спонтанно сослались на эти содержательные аспекты.

Каждая репрезентация изначальных реакций, наглядно или словесно, вызывает искомую реакцию. В противном случае опрашиваемые вероятно воспримут эту репрезентацию как возможность продемонстрировать свою память. Вопросы, которые наводят на искомые ответы, могут иметь следующую форму:

Если вернуться сейчас назад, то что вы можете сказать о своих ощущениях, которые вы испытывали по время просмотра этой части фильма?

В любой форме такие вопросы обладают некоторыми общими чертами. Интервьюер опирается на ретроспективную форму обращения к обсуждаемому предмету: «Если вернуться сейчас назад...». Он использует метод интроспекции: «Каковы были ваши ощущения (чувства, мысли и т. д.)...?». Наконец, он использует прошлое время и грамматически: «Каковы *были* ваши чувства...?». Это способствует тому, что опрашиваемый пытается сконцентрироваться на своем первоначальном переживании.

Акцент на таких деталях этих вопросов может показаться тривиальным. Однако опыт показывает, что, если мы упускаем хотя бы одну из них, то продуктивность интервью снижается.

Открытые ссылки на ситуацию-стимул. Для проведения спецификации интервьюер комбинирует приемы воссоздания изучаемой ситуации с неструктурированными вопросами. Типичная ситуация, требующая дальнейшей спецификации, возникает, когда сообщение опрашиваемого о своих реакциях *полностью не связано* с ситуацией-стимулом. И вновь мы видим необходимость для установления этих связей, поскольку хотим, чтобы наблюдаемые последствия были адекватно проинтерпретированы. Так, тесты 1943 года показали, что документальные фильмы о нацистах увеличили количество тех людей в экспериментальных группах, которые поверили, что германская армия намного сильнее, чем армия США. И так как в фильме не было явного указания на это, данное «последствие» могло быть объяснено только приблизительно, если бы не были проведены фокусированные интервью. Индивидам, которые высказывали это мнение, для того, чтобы найти его источник, задавались вопросы следующего типа:

Было ли что-нибудь в фильме, что вызвало такое впечатление?

Вскоре стало очевидным, что сцены, которые акцентировали внимание на «палочной дисциплине» нацистов, то есть показывали их военную выучку с раннего возраста, были неожиданно восприняты как доказательство их исключительных и упорных тренировок. На это указывают следующие отрывки из интервью:

Фильм показал, что их мужчины лучше подготовлены. Они становятся мужчинами в раннем школьном возрасте, поскольку уже тогда начинаются военные учения. Когда они достигают нашего возраста, они готовы сражаться, участвуют в боях и знают уже столько, сколько знают мужчины, отслужившие восемь или девять лет.

Они забирают мальчиков, когда им всего восемь и начинают их военную подготовку; они учат их маршировать с барабанами и все такое, они готовят их для военной службы, когда они такие юные. Они все обучены очень хорошо к тому времени, когда они становятся мужчинами.

Таким образом, проведение спецификации дает возможность обнаружить те важные сцены, которые позволяют сделать вышеуказанные выводы. Интерпретация

экспериментальных последствий производится на основании накопления сообщений, которые дает интервью, а не на основе простых предположений.

Это исследование показывает необходимость поступательной спецификации. Если ответ опрашиваемого представляет собой только *общую* аллюзию на одну или другую часть фильма, то необходимо определить те *аспекты* этих сцен, на которые реагирует опрашиваемый. В противном случае, мы потеряем доступ к зачастую *неожиданным символизациям* и особым значениям, которые приписываются изучаемой ситуации. Индивид, который ссылается на «палочную дисциплину нацистов», показанную в «массовых сценах», должен быть подведен к тому, чтобы указать на те особые аспекты, которые вызвали эту символизацию.

Что вы можете сказать о сценах, которые произвели на вас это впечатление?

Оказалось, что безупречные парады и хор восклицаний «хайль!» были восприняты как символы строгой регламентации поведения и «палочной дисциплины»:

Когда ты смотришь на их парады, то кажется, что эти марши парализовали их сознание. Требуется особое напряжение в мыслях и теле для того, чтобы так маршировать. Они похожи на группу рабов или собак - делайте, что вам говорят.

Надо заметить, что эти вопросы явно относились к документу или ситуации, которая находилась в фокусе интервью. Мы обнаружили, что если бы интервьюер не сослался на «сцены из этого фильма», «фрагменты радиопрограммы» или «отдельные места из памфлета», то опрашиваемые вероятно выразили бы общие установки или мнения. Как бы ни были необходимы такие мнения и установки, они не могут заменить сообщений, которые непосредственно связаны с исследуемой ситуацией.

Вообще, вопросы для проведения спецификации должны быть достаточно ясны опрашиваемому, чтобы он мог связать свои реакции с определенными аспектами исследуемой ситуации и достаточно общими, чтобы интервьюеру не пришлось их структурировать. Это двойное требование лучше всего можно выполнить с помощью неструктурированных вопросов, которые содержат подробные, ясные ссылки на стимулы.

Критерий охвата.

Критерий охвата относится к кругу соответствующих данных, получаемых из

интервью. Поскольку любой аспект стимулирующей ситуации может вызвать разные реакции и поскольку каждая реакция может быть результатом разных аспектов стимулирующей ситуации, интервьюеру необходимо обнаружить круг значимых реакций и стимулов. Не имея в виду строгое измерение этого круга, мы можем считать его адекватным, если из интервью мы получаем данные, которые:

- а) подтверждают или опровергают случайность ответов, которые *ожидаются* после того, как проведен контент-анализ;
- б) обеспечивают широкие возможности для получения сообщений о *неожидаемых* реакциях; и
- с) дают возможность *интерпретировать* факты, полученные в результате статистического анализа или эксперимента.

Процедуры. Как показывает опыт, эта практика продуктивна на каждой стадии интервью. Но процедуры, применяющиеся для расширения охвата некоторым образом зависят от смены горизонтов содержания самого интервью: от уже полученного охвата данных, от того предела, до которого опрашиваемые продолжают отвечать спонтанно и от количества допустимого времени. Если интервьюер должен выбрать процедуры, пригодные для расширения охвата по какому-либо аспекту изучаемой ситуации, то он должен быть осторожен при переходе от одной стадии интервью к другой. Более того, он должен применять эти процедуры, когда опрашиваемые не могут ответить или что-либо объяснить.

Главная тактическая задача в расширении охвата заключается в выполнении переходов от одной области обсуждения к другой. На ранних стадиях интервью такие переходы осуществляются с помощью регулярного использования общих неструктурированных вопросов. Но по мере продолжения интервью этот тип вопросов не дает возможности получить свежую информацию. Опрашиваемым требуется помощь в поиске ответов на вопросы по следующим темам. С этого момента интервьюер предлагает новые темы для обсуждения, осуществляя переход к ним со слов или замечаний опрашиваемых, а на конечных стадиях интервью - с помощью вопросов, которые еще не были заданы из опросного листа интервью. Первая из этих процедур подразумевает *переходные вопросы*; вторая - *перемежающиеся вопросы*.

Переходы со стороны опрашиваемого. Будет недостаточно сказать, что переход к

новой теме обсуждения должен быть инициирован самим опрашиваемым. Интервьюер, обладающий, по словам Мюррея, «двойным слухом», проанализировав эти переходы, очень скоро придет к заключению, что они имеют различные функции в процессе интервью и требуют разных подходов.

Из нескольких причин для перехода к новой теме обсуждения, которые инициируются опрашиваемыми, следует обсудить по крайней мере три:

1. Обсуждаемая тема не затрагивает интересы и чувства опрашиваемого, поэтому он переходит к той теме, которая имеет для него большее значение. В обсуждении первой темы он не испытывает ничего, кроме отсутствия интереса. Ему нечего сказать с самого начала, он испытывает скуку, поэтому он переходит к новой теме, которая вскрывает его подлинный интерес.

2. Опрашиваемый может подробно беседовать по данной теме и утомившись, о чем он должен специально сообщить, направить интервью в новую область обсуждения. Затем его поведение становится во многом таким же как и в предыдущем случае.

3. Он может искать повод избежать беседы по данной теме именно потому, что она эмоционально значима для него и он еще не готов рассказать о своих чувствах. Это проявляется в разнообразных признаках сопротивления - продолжительные паузы, поправки своих слов, дрожание голоса, смущенное молчание, незаконченные высказывания.

Анализируя подобные способы поведения, интервьюер определяет смысл перехода со стороны опрашиваемого и поступает соответствующим образом. Если он относит тип перехода к третьей категории, то мысленно отмечает, что нужно возвратиться к этой критической зоне на последующих стадиях интервью. Однако, если переход можно отнести к двум первым типам, то интервьюер может спокойно оставить данную тему до тех пор, пока она снова спонтанно не возникнет в процессе интервью.

Переходы со стороны интервьюера. Хотя переходы со стороны опрашиваемого более предпочтительны, тем не менее бывают случаи, когда интервьюер должен сам сменить тему обсуждения. Когда тема исчерпывает себя и опрашиваемый спонтанно не переходит к другой теме, а неструктурированные вопросы становятся неэффективны, интервьюер сам должен сменить тему беседы, если, конечно, ему необходимо продолжить исследование. Он может сделать переход с помощью *намёка* или, запомнив в

ходе интервью те аспекты ситуации, которые требуют дальнейшего обсуждения, может выполнить *возвратный* переход.

В переходе, осуществляемом с помощью намека, интервьюер так использует замечание или аллюзию опрашиваемого, чтобы было легко вовлечь его в обсуждение новой темы. Эта процедура обладает тем преимуществом, что не прерывает поток интервью.

Переходы, выполняемые с помощью намека, могут потребовать от интервьюера значительной изобретательности. В следующем случае, который можно открыто охарактеризовать как экстремальный, даже эксцентричный, опрашиваемый был далек от обсуждения радиопрограммы, но интервьюер искусно перевел беседу в нужное ему русло:

Опрашиваемый №1: Военное искусство Германии потрясающе, такого не увидишь нигде. Они неотразимы. Но думаю так: я не считаю, что после завершения этой мировой войны, у нас не будет другой войны. Будет. Войны существовали с тех пор как Каин убил Авеля. Покуда будут существовать на земле хотя бы два человеческих существа, будут возникать войны.

Интервьюер: *Говоря о Каине*, его можно назвать кем-то вроде гангстера, да? Вы случайно не припоминаете что-нибудь о бандитах, которые обсуждались в этой программе?

Опрашиваемый №1: Диллинджер. Это было там, где...

(Здесь, хотя ассоциация интервьюера была не очень удачной, но она помогла вернуть опрашиваемого обратно к обсуждению радиопрограммы. Если бы интервьюер просто сменил тему разговора, он мог бы тем самым показать, что считает замечания опрашиваемого неуместными, и отсюда создать напряженность в их взаимоотношениях. В данном случае переход с помощью намека побудил опрашиваемого наконец раскрыть свое понимание определенной части программы. Когда время интервью не может быть увеличено, переход с помощью намека способствует сдерживанию явных отступлений от темы без ущерба взаимоотношениям беседующих).

Возвратные переходы выполняются интервьюером для продолжения дискуссии на прежде оставленную тему. Это допустимо и в случае, когда опрашиваемый избегает этой темы, и в случае, когда в групповом интервью кто-то перескакивает на другую тему.

Когда это возможно, возвратный вопрос задается с помощью намека на нужную тему обсуждения. Он может принимать следующую форму:

Это напоминает то, что вы говорили по поводу той сцены, в которой... Каковы были ваши чувства, когда вы ее смотрели?

Если оказывается невозможным связать возвратные вопросы с текущим контекстом, «холодный» возврат тоже может быть продуктивным:

Интервьюер: Некоторое время назад вы говорили о сценах, показывающих разгромленные бомбами школы, и кажется у вас были еще какие-то мысли по этому поводу. Что вы чувствовали, когда смотрели это?

Опрашиваемый №2: Я заметил маленькую девочку, лежащую под водопроводной трубой - это зажгло во мне острое желание идти сражаться с ними. Это потому, что у меня есть собственная дочь, и я знаю, что бы я чувствовал, если бы подобное случилось с ней...

Однако, последний тип возвратного вопроса используется нечасто и только в тех случаях, когда кажется, что опрашиваемый достаточно «разогрет» для обсуждения ситуации, которого ранее он избегал.

Чрезмерная зависимость от опросного листа интервью. Как мы уже видели, злоупотребление опросным листом интервью может препятствовать нондирективному характеру интервью и наложить серьезные ограничения на охват полученного материала.

Интервьюер, придерживаясь списка заготовленных заранее тем для обсуждения, может исключить комментарии опрашиваемых, которые прямо не соприкасаются с этими темами. Эту тенденцию можно назвать *ошибочным отсеиванием комментария*. Замечания субъекта, которые не попадают под заранее установленные области обсуждения, могут быть поспешно и неверно определены как не относящиеся к делу. Таким образом, отсеивается то, что подчас является наиболее важным в интервью: неожиданные реакции.

Интервьюер: Так, а сейчас поговорим о первой части фильма. Вы помните, у них были фотографии германских лидеров и цитаты из их выступлений...

Опрашиваемый №10: Я помню Геринга, он выглядел как большая свинья. Мне стало ясно - он считал, что если он может контролировать страну, то он имеет власть над людьми.

Опрашиваемый №7: Он кажется абсолютным эгоистом.

Интервьюер: Какие в связи с этим у вас сложились впечатления о немецком народе?

(Здесь интервьюер вводит для обсуждения отдельный эпизод из фильма. Перед тем, как он закончил свою реплику, опрашиваемый сам описал свои впечатления. Номер 7 затем начинает обсуждать этот эпизод. Оба замечания предполагают, что у опрашиваемых уже было «кое-что в мыслях». Будучи более прикованным к своему опросному листу, чем к замечаниям опрашиваемых, интервьюер пренебрегает нюансами, которые могли бы расширить охват интервью. Ведь обсудив эти впечатления он затем может задать вопрос из своего листа).

Чрезмерная зависимость от опросного листа увеличивает опасность того, что *реальные значения будут спутаны с поверхностными*. Интервьюер, который скрупулезно следует опросному листу, может неожиданно и с сожалением обнаружить, что он реализовал только небольшую часть предполагавшихся направлений исследования. Это влечет за собой быструю смену тем, каждой из которых посвящается только один вопрос. В некоторых случаях кажется, что интервьюер вряд ли внимательно выслушивает ответы на задаваемые им самим вопросы, которые к тому же никак не связаны с предыдущими репликами. Ответы, полученные под быстрым огнем вопросов, часто бывают такими же поверхностными и ничего не дающими как те, на которые отвечают по анкете. Быстрая, «раз-два-и-готово» тактика интервью только попусту отнимает время, отвлекает респондентов от непосредственных сфер интереса и интервьюер не получают необходимой информации о предмете исследования. Учитывая недостатки быстрой смены вопросов в интервью, мы предлагаем следующее рабочее правило: *Не вводи тему для обсуждения до тех пор пока она тщательно не изучена*.

Критерий глубины.

Критерий глубины подразумевает обработку аффективных реакций, содержание которых гораздо глубже, чем простые определения «позитивного» и «негативного», «приятного» и «неприятного». Интервьюер стремится получить максимум *сообщений, которые вскрывают то, как переживаются изучаемые воздействия*.

Глубина сообщений в интервью варьируется: не все сообщается на том же самом психологическом уровне. Глубину комментариев со стороны опрашиваемых можно

представить как изменяющуюся в определенном континууме. На нижнем конце шкалы находятся простые описания реакций, которые позволяют не больше, чем составить таблицу «позитивных» или «негативных» реакций. На другом конце шкалы находятся те сообщения, которые демонстрируют различные психологические измерения переживаний, такие как символизации, тревога, страхи, настроения и идеи. Отсюда главная задача интервьюера *определить уровень психологической глубины, на которой его опрашиваемые находятся в каждый данный момент времени и получить возможность двигать по необходимости этот уровень к любому концу «континуума глубины».*

Критерий максимизирования глубины до той степени, которая возможна в отдельно взятом сфокусированном интервью, ведет интервьюера к исследованию *личностного контекста и выделяющихся и особенно характерных реакций.*

Центральная задача сфокусированного интервью - определить, как прежние переживания и склонности респондентов связаны с тем, как они структурируют ситуацию-стимул.

Личностный и социальный контекст помогает раскрыть связи между стимулами и реакциями. Выявление этих контекстов способствует пониманию тех вариаций в значениях, которые приписываются символам и др., а также определению тех путей, по которым стимулы входят в мир переживаний индивидов. Прояснение этих контекстов дает возможность добиться от опрашиваемых самораскрытия и саморазоблачения, что ведет к обнаружению скрытых значений их реакций. Так, из следующего отрывка интервью становится ясно, что принадлежность к определенному социальному классу обуславливает сверхидентификацию с англичанами, показанными документальном фильме:

Интервьюер: Почему эти кадры заставляют вас чувствовать ближе к [англичанам]?

Опрашиваемый №6: Я не происхожу из такой состоятельной семьи как миссис Минивер. Она была из зажиточной семьи, а в фильме ничего не сказано о бедных семьях. Однако, я почувствовал близость к людям из моего класса, ведь мы все находились в таком положении и каждому было тяжело и больно, а не только людям из высшего класса.

Принцип глубины также повышает чувствительность интервьюера к изменениям в

выразительности, «выпуклости» ответов. Некоторые реакции могут быть главными и эмоциональными, настойчивыми и страстными, а другие - второстепенными и иметь небольшое значение для индивида. Интервьюер должен получить достаточно подробные сведения, чтобы отличить общее мнение, высказанное только потому, что как показалось индивиду, ситуация интервью требовала этого, от глубоко мотивированного ответа, который касается главных интересов опрашиваемого. Представляется, что атмосфера экспрессивного интервью с большей вероятностью позволяет выявить особенно характерные реакции, чем самостоятельно составленные рейтинги интенсивности верований, которые ранее были введены в опросные листы и шкалы установок. Но до тех пор пока интервьюер сознательно не будет добиваться глубоких ответов, он не сможет получить основания для разделения главного и неглавного в интервью.

Процедуры. Следуя за комментариями опрашиваемых, интервьюер может обратиться к двум типам процедур. Он может попросить их описать, *что* они наблюдали в изучаемой ситуации воздействия, таким образом приглашая беспристрастно и подробно обсудить увиденное и разобраться, что важно, а что нет. Интервьюер может спросить, что они *чувствуют* по поводу того или иного аспекта обсуждаемой ситуации. Оба типа процедур в равной мере полезны, однако последняя чаще приводит к более глубоким ответам, и поэтому предпочтительна в достаточно коротком интервью. Следовательно, мы попытаемся описать те приемы, которые можно отнести ко второй категории процедур.

Фокусирование на чувствах. Можно заключить, что опрашиваемые свободно дают давать глубокие ответы, когда вопросы интервьюера содержат ключевые слова, указывающие на *чувственный контекст*. Сосредотачиваясь на недавнем, конкретном переживании, опрашиваемые обычно бывают очень заинтересованы в том, чтобы прояснить те особенности их переживания, о которых ранее не говорилось. И в этом случае зачастую нет необходимости делать специальный переход для того, чтобы побудить опрашиваемых к выражению своих чувств. Но соответствующие условия для получения таких сообщений должны быть установлены. Так, интервьюер должен сформулировать вопрос следующим образом: «Что вы чувствуете, когда...?», а не делать акцент на воспоминании о переживании, спрашивая: «Что вы *помните* о...?».

Существует множество показательных примеров того, что такие кажущиеся незначительными различия в формулировке вопросов приводят респондентов от

безличных описаний к эмоциональным рассказам о тех или иных аспектах исследуемой ситуации.

Интервьюер: Вы случайно не помните сцены, показывающие Варшаву, которая подвергалась обстрелам артиллерии и была разгромлена? Что особенно выделяется в этой части фильма?

Опрашиваемый №1: Что у людей нет крова и как они мечутся во время бомбежки...

(Вопрос интервьюера «Что выделяется?» вызывает только сокращенное перечисление содержания сцены из фильма. Он мог бы и далее следовать этой линии обсуждения - уточнению деталей событий, количества эскадронов, бомб и т.д. Но это было бы непродуктивно, поскольку интервьюер должен интересоваться главным образом тем, какие сцены были значимы для опрашиваемого. Поэтому он пытается сменить уровень сообщений и использует определенные приемы, чтобы получить уже сформированное представление о своих чувствах по поводу осуждаемого предмета).

Интервьюер: Что вы чувствуете, когда видите все это?

Опрашиваемый №1: Я еще не могу разобраться во всем этом [1942], потому что в этой стране ты не можешь осознать, что такое война там. Я спрашиваю себя. Я знаю, что не мог бы сейчас бороться со злобой и порочностью любого из этих людей. Я мог бы выстрелить в человека, который стрелял в меня, зная, что он опять собирается стрелять в меня. Но я не мог бы стать таким злобным и порочным, как эти люди...

Повторное выражение подразумеваемых или уже обнаруженных чувств. Если хотя бы один раз был установлен чувственный контекст, то его дальнейшая разработка может быть вызвана случайным повторным проявлением чувств, которые подразумевались или были выражены в комментариях опрашиваемого. Этот прием, хорошо развитый Карлом Роджерсом в его психотерапии, имеет двойное предназначение. Посредством такого перефразирования эмоционально нагруженных установок, интервьюер подспудно вызывает плодотворную разработку реакций опрашиваемого. И второе, такие перефразирования повышают степень доверия между интервьюером и респондентом, поскольку интервьюер таким образом демонстрирует, что он полностью «понимает» и «разделяет» мнение опрашиваемого, так как спрашивает о его чувствах.

Использование сравнений. В определенных случаях интервьюер может

использовать прием значимого сравнения между тестируемой ситуацией и параллельными переживаниями, которые уже знакомы опрашиваемому, или предполагается, что знакомы. Такие сравнения с конкретными переживаниями помогают рассказать о своих чувствах. Предлагаемое интервьюером сравнение вводится скорее не для того, чтобы заставить опрашиваемых провести различие между двумя типами переживаний, а для того, чтобы высвободить интроспективные и аффективные реакции.

Этому свидетельствует следующий отрывок из интервью с новобранцами, которые рассматривали показанный им документальный фильм о нацистских военных учениях в контексте их теперешнего положения:

Интервьюер: Предполагаете ли вы, что мы, американцы, таким же образом обучаем наших мужчин [то есть как показано в фильме о нацистах] ?

Опрашиваемый №6: Они муштруют их более строго.

Опрашиваемый №2: Через такие тренировки невозможно пройти.

Опрашиваемый №1: Вот что приходит мне в голову по поводу учений, которые мы здесь проходим. Конечно, ведется много разговоров среди парней, что как только обучение закончится, мы будем воевать. Я не знаю больше о военной подготовке, чем они [нацисты]. Обучение, которое мы здесь собираемся получить, есть наш основной багаж и если мы пересечем океан, я не могу сказать, что мы узнали что-нибудь конкретное об их учениях, кроме маршировки, построения левого и правого фланга и нескольких других штук, подобных этим...

(Предложенное сравнение дало опрашиваемым возможность продолжать рассказывать о своих тревожных мыслях о походе за море без соответствующей подготовки к боевым действиям. В этом случае интервьюер способен установить те сцены из фильма, которые спровоцировали эту тревогу).

Следует отметить однако, что эта процедура эффективна только тогда, когда известно, что переживание, привлекаемое для сравнения, является самым важным для опрашиваемого и когда сравнение логично вытекает из самого процесса обсуждения. В противном случае, сравнения не будут гарантировать глубоких ответов респондентов, а будут способствовать нарушению непрерывности интервью и возникновению отчуждения со стороны опрашиваемых. В таких случаях интервьюер становится мишенью для проявления враждебности, поскольку опрашиваемым кажется, что он

просит выражать чувства в определенных понятиях и словах, преследует только собственную цель, камуфлируя ее своими вопросами и тому подобное.

Лекция 12. Поль Лазарсфельд

Темы:

- *Поль Лазарсфельд (1901-1976). Европейский период научных исследований П.Лазарсфельда.*
- *Исследования безработицы.* Работа "Мариенталь" (1933) и ее методологическая база.
- *Американский период научного творчества П.Лазарсфельда.* Бюро по исследованию радио (Принстонский и Колумбийский университеты). Исследования радио как средства пропаганды. Разработка принципов контент-анализа и анализа вторичных данных. Исследование университетского образования.
- *Методологические принципы социологического исследования.* Изучение общественного мнения с помощью многофакторного анализа. Обзорное исследование (survey research). Панельный метод. Методика формирования структуры выборки. Принцип "снежного кома". Метода создания опросных анкет.
- *Создание математических моделей* и использование количественных методик.

Литература

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

P.Lazarsfeld, B.Berelson, H.Gaudet. The People's Choice. N.Y. 1944.

P.Lazarsfeld, M.Rosenberg. The Language of Social Research. Glencoe. 1955.

P.Lazarsfeld, W. Thielens. The Academic Mind: Social Sciences in the Time of Crisis. N.Y., 1958.

Лазарсфельд Пол (1901-1976) – известный австрийско-американский социолог, внес большой вклад в развитие математических методов в социологии. Образование получил в Вене в области прикладной математики, в 1929 г основал исследовательский институт прикладной социальной психологии. С 1933 г работает в США: 1933-1940 гг директор Бюро по исследованию радио при Принстонском университете; 1940-1970 гг Бюро прикладных социальных исследований в Колумбийском университете. Основные работы: Lazarsfeld, Paul F. and Kendall, Patricia. Radio Listening in America. Prentice Hall. New York, 1948; Lazarsfeld, Paul, Berelson, Bernard, and Gaudet, Hazel. The People's Choice. Duell, Sloan and Pearce. New York, 1944; Lazarsfeld, Paul F. and Merton, Robert K. " Mass Communication,

Popular Taste and Organized Social Action". From The Communication of Ideas. Institute for Religious and Social Studies. New York, 1948; Lazarsfeld P. and Thielens W. The Academic Mind: Social Sciences in the Time of Crisis. N.Y. 1958.

Лазарсфельд занимался исследованием эффективности радиопрограмм, радиоаудитории, влияния радио на предпочтения слушателей. Известным примером такого исследования является радиопостановка «Войны миров» Г.Уэлса о вторжении марсиан на Землю, которую пустили в эфир во время блока новостей, в результате чего каждый шестой слушатель поверил, что это правда и впал в панику. В результате многочисленных исследований Лазарсфельд пришел к выводу, что мало образованные люди более склонны доверять радио, а более образованные – печатным средствам информации.

Одним из известных и продуктивных (как в сфере теоретической, так и в методологической) проектов Лазарсфельда считаются исследования 40-х гг XX века. Это были исследования основных факторов, влияющих на процесс голосования и проводились они в период предвыборных кампаний 1940-х гг. Используемая техника панельного исследования предполагала, что выборочная совокупность респондентов (в первом исследовании 600 респондентов, во втором 1000) многократно интервьюируется на протяжении всей предвыборной кампании. В результате было выявлено, что люди, уже принявшие решение за кого голосовать, больше обращают внимания на предвыборные материалы в средствах массовой информации, чем те, которые еще не сделали выбор. Также было обнаружено влияние лидерства на формирование общественного мнения (названное двухступенчатым потоком коммуникации), а именно, что идея, передаваемая через СМИ сначала воздействует на социальных лидеров, а потом эти лидеры непосредственно воздействуют на общественность.

Исследования Лазарсфельда основывались как на количественных методах, так и на качественных. Разработанная им методика анализа латентных структур использовалась для выявления установок, которые проявлялись лишь в вероятностной связи с наблюдаемым явлением. Также Лазарсфельду принадлежит разработка выборки «снежного кома», при которой респондентов просили назвать людей, повлиявших на выбор какого-либо решения. Таким образом, количество респондентов росло, как снежный ком.

Тема 13. Питирим Сорокин

Питирим Сорокин (1889-1968). Интегральная социологическая система. Российский период творчества П.Сорокина. Экономический, статистический и социологический анализы общественных явлений. Системный подход к социальным феноменам. Роль П.Сорокина в организации социологического образования в России. Американский период творчества П.Сорокина.

Создание школа по сельской социологии в Миннесотском университете. Программа прикладных исследований в области сельской социологии. «Аналитическая» теория и ее содержание. Применение количественного анализа в «измерении» социологических объектов. Шкалы измерений П.Сорокина. Синтез бихевиористских, эмпирических и естественно-научных методов. Концепция социального поведения и взаимодействия. Теории социальной стратификации и социальной мобильности. Интегральная модель общества в социологии П.Сорокина. Общество как система систем и взаимодействующие группы. Структурный стиль культуры. Идея культурного цикла и социодинамика культуры. Теоретическое содержание принципа альтруизма.

Литература

- Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991.
- Голосенко И.А. Философия истории Питирима Сорокина // Новая и новейшая история. 1966. № 4.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1993.
- Очерки по истории теоретической социологии XX века. М., 1994.
- Сорокин П.А. Вопросы правления. Пг., 1919.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993.
- Сорокин П.А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция. М., 1990.
- Сорокин П.А. Горькая жатва Марса // Новое время. 1990. 30 ноября.
- Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 1-2.
- Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- Сорокин П.А. Социологические теории современности. М., 1992.
- Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. 1993. № 3.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Лекция 14. Теодор Адорно

Темы:

- *Теодор Адорно (1903—1969). Франкфуртская школа неомарксизма. Основные идеи «критической теории общества» Хоркаймера.*
- *Критика позитивизма и «научной» социологии. Понятия рациональной тотальности и рационализации как основы просвещения. Роль социологии искусства и культуры в трактовке социальных процессов в целом. Овеществление и фетишизация.*

- *Неомарксистская теория истории и социологии*. Теория «неудавшейся цивилизации»: нарастание отчуждения и буржуазности, противостоящих природе. Развитие цивилизации как усиление социального безумия, утрата свободы, фашизм.
- *Понятие «позднего» капитализма* и связанные с ним новые формы отчуждения. Элитарные формы культуры. Апология авангарда в искусстве. Значение концепции авторитарной личности для эмпирических исследований, проведенных Адорно.
- *Методологические аспекты социологии Адорно*. Критика научной генерализации как апологетики. Невозможность истинности целого и любого теоретического понятия. Эстетическая альтернатива отчуждению и рациональности.

Литература

Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход // Социологические исследования. 1993. № 3.

Баталов Э.Я. Философия бунта. М., 1975.

Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977.

Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987.

Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1977.

Очерки по истории теоретической социологии XX века. М., 1994.

Философия техники в ФРГ. М., 1990.

Адорно Теодор Визенгрунд (Adorno) (1903-1969) - немецкий социолог и социальный философ, один из ведущих представителей Франкфуртской школы неомарксизма, сотрудник и впоследствии руководитель Франкфуртского института социальных исследований. Адорно трактует историю Запада как патологический процесс усугубляющегося безумия и утраты индивидуальной свободы («фашизоидный» капитализм и откровенно бесчеловечный фашизм). Адорно сразу же после окончания второй мировой войны становится руководителем крупного эмпирического исследования по изучению корней авторитаризма - проекта «Авторитарная личность» (1950), проведенного в Западной Германии и США. Этот проект основывался на идее авторитарной личности, предложенной Э. Фроммом. Адорно выявил весьма симптоматичное для антидемократической структуры сочетание таких личностных черт, как конвенциональность, покорность власти, деструктивизм и цинизм. Это исследование имело необычайно активный резонанс и в политических кругах, и в широком

общественном мнении, а выпущенная на его основе коллективная монография была переведена почти на все европейские языки, став первым социологическим бестселлером в послевоенном мире. Предлагаемый здесь отрывок из книги «Авторитарная личность» дает общее представление об этом эмпирическом исследовании и показывает, как конструировалась «шкала фашизма»⁵².

I. **Введение.** (Т. В. Адорно, Э. Френкель-Брюнсвик, Даниэл Дж. Левинсон и Р. Невитт Сэнфорд.

A. Проблема.

Исследования, о которых здесь пойдет речь, были ориентированы на гипотезу, согласно которой политические, экономические и общественные убеждения индивида нередко образуют своего рода всеобъемлющий и когерентный образ мышления, стержнем которого является «склад ума» или «дух», а сам образ мышления является выражением скрытых черт индивидуальной структуры характера.

В центре интересов исследователей был потенциально фашистский индивид - индивид, чья структура делает его особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. Мы употребили слово «потенциальный», поскольку мы занимались не теми лицами, которые объявляли себя фашистами или принадлежали к известным фашистским организациям. Во времена, когда мы собирали основную часть нашего материала, фашизм только что потерпел свое поражение в войне, и, поэтому, мы не могли рассчитывать на то, чтобы наши испытуемые открыто идентифицировали себя с фашизмом. Однако нетрудно обнаружить лиц, воззрения которых позволяли предположить, что они охотно проявляли бы фашизм, если бы ему удалось превратиться в достаточно сильное и уважаемое движение...

Задача диагностировать потенциальный фашизм и выявить его детерминанты потребовала специально разработанных для этой цели приемов, от которых нельзя было ожидать, чтобы они в той же степени годились для исследования иных образов мышления. Несмотря на это выявлено несколько типов структур характера, особо резистентных по отношению к антидемократическим идеям.

Коль скоро существует потенциальный фашистский индивид, что он представляет собой при ближайшем рассмотрении? Как возникает у него антидемократический образ

⁵² Печатается с сокращениями по: Т. Адорно. Р. Невитт Сэнфорд, Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Дж. Левинсон **Исследование авторитарной личности.** Под общей редакцией д. филос. н. В.П. Култыгина. - М.:

мышления? Какие личностные факторы структурируют его мышление? Насколько широко такого рода индивиды распространены в нашем обществе? Каковы их детерминанты, каков их процесс развития?

Данное исследование должно помочь ответить на эти вопросы. Даже если наш постулат, согласно которому потенциальный антидемократический потенциал представляет собой нечто цельное, выглядит достаточно приемлемой гипотезой, он должен впредь подвергаться проверке. В исследованиях, посвященных проблеме политических типов людей, следует различать две основные концепции: концепцию идеологии и концепцию человеческих потребностей, лежащих в основе идеологии. Хотя и то, и другое в индивиде следует рассматривать как единое целое, они могут быть исследованы в отдельности. Одни и те же идеологические тенденции у разных индивидов могут иметь различные причины, а одни и те же личные потребности могут находить выражение в различных идеологических тенденциях.

Термин «идеология» в этой книге употребляется в том значении, в котором он употребляется в современной литературе: он обозначает систему мнений, поведений и представлений о ценностях - образ мыслей о человеке и обществе. Мы можем говорить об идеологии индивида в целом или о его идеологии в различных областях социальной жизни: политике, экономике, религии, в вопросе о различных меньшинствах и др. Идеологии существуют независимо от отдельного человека (независимые идеологии определенных эпох являются результатом как исторических процессов, так и текущих социальных событий). В зависимости от индивидуальных потребностей и меры их удовлетворения или неудовлетворения, они имеют для отдельных индивидов различную притягательную силу.

Разумеется, есть люди, абсорбирующие идеи более чем одной из существующих идеологических систем и синтезирующие их в образ мышления, являющийся в той или иной мере исключительно их собственным образом мышления. Однако, при изучении мнений, поведения и представлений о ценностях достаточно большого количества лиц, скорее всего, были бы выявлены общие для них образы мышления. Во многих случаях они, возможно, отклонялись бы от наиболее популярных идеологий, но все они соответствовали бы вышеописанному понятию идеологии, а в каждом отдельном случае выявилось бы, что они выполняют функцию приспособления индивида к обществу.

В самом начале исследования относительно потенциального фашистского индивида исходным пунктом наших размышлений был антисемитизм. Солидаризируясь с

большинством обществоведов, авторы разделяют точку зрения, согласно которой антисемитизм в значительно большей степени базируется на субъективных факторах и общей ситуации, в которой находится антисемит, чем на подлинных свойствах евреев, и что детерминацию антисемитской установки следует искать прежде всего в личности ее носителя. Поскольку этот акцент на структуру характера с необходимостью выдвигает на первый план не исторические или социологические, а психологические подходы (хотя в конечном счете все эти три аспекта можно отграничить друг от друга только условно), мы стремились объяснить существование антисемитских представлений причинами общественного характера. Более того, вопрос ставился следующим образом: «Каким образом получается так, что определенные люди принимают такого рода идеи, в то время как другие - нет?» И поскольку исследование с самого начала ориентировано на вышеупомянутую гипотезу, мы исходили из предположения, (1) что антисемитизм не есть особое изолированное явление, а часть объемной системы, и (2) что восприимчивость индивида к такого рода идеологиям в первую очередь зависит от психологических потребностей.

Что касается предварительных выводов и гипотез относительно антидемократических индивидов, то прежде чем их можно будет признать окончательными, они должны быть подвергнуты многочисленным тщательным наблюдениям - во многих случаях с помощью количественного анализа. Чтобы с уверенностью можно было сказать, что множество мнений, линий поведения и представлений о ценностях, демонстрируемых тем или иным индивидом действительно представляют собой консистентную структуру или организованное целое, необходимо самым интенсивным образом исследовать этого индивида. Известна лишь одна методика, позволяющая установить, образуют ли групповые мнения, типы поведения и представления о ценностях определенные образы мышления, из которых одни более распространены, чем другие. Она заключается в том, чтобы измерить определенное множество мыслительных содержаний в заранее определенных группах испытуемых, а затем с помощью стандартизированных статистических методов определить, какие из них соотносятся друг с другом...

Мнения, поведения и представления о ценностях, как мы их понимаем, с большей или меньшей точностью поддаются описанию на словах. Но с психологической точки зрения они остаются «на поверхности». Однако степень откровенности каждого отдельного человека при ответах на аффективно заряженные вопросы (к примеру, относительно меньшинств или текущих политических событий) зависит от ситуации в каждом случае. В

определенных случаях может возникнуть несоответствие между тем, что говорит и что «на самом деле думает» испытуемый. То, что он думает на самом деле, он, по-видимому, выскажет в доверительном разговоре с близкими друзьями. Все это, с психологической точки зрения лежащее относительно неглубоко от поверхности, психолог может непосредственно наблюдать, если он при этом использует адекватные методы. Именно это мы и пытались сделать.

Между тем у индивида могут быть и «тайные» мысли, которые он, если это возможно, ни при каких обстоятельствах не выдаст. Это могут быть и мысли, в которых он не желает признаться самому себе. Это могут быть мысли, о которых он не говорит вслух, поскольку они настолько смутные и неупорядоченные, что он не способен выразить их в словах. Найти доступ к этим скрытым тенденциям особенно важно, потому что, по-видимому, именно здесь находится потенциал для демократических или антидемократических идей и действий в решающих ситуациях.

То, что люди говорят, и в известной степени даже то, что они думают на самом деле, не в последнюю очередь зависит от духовного климата, в котором они живут. Если этот климат меняется, то один приспосабливается к нему быстрее, чем другой. Если заметно усилится антидемократическая пропаганда, то некоторые люди быстро воспримут ее и тут же передадут дальше, другие же - только если им покажется, что «этому верят все», третьи же не поддадутся и в этих условиях. Иными словами, индивиды очень различны в своей предрасположенности к антидемократической пропаганде, в своей готовности проявить антидемократические тенденции. Для того чтобы измерить фашистский потенциал в этой стране (США - прим. ред.), представляется необходимым исследовать идеологию на этой «ступени готовности»... Точно также, как и открытое вербальное высказывание, откровенное действие в большой мере зависит от социально-экономической ситуации, однако различные индивиды сильно отличаются друг от друга своей готовностью к тому, чтобы дать втянуть себя в активные действия. Исследование этого потенциала является частью исследования общей идеологии индивида. Выводы относительно того, какие и какой интенсивности мнения, типы поведения и представления о ценностях могут подвигнуть индивида на действия, и какие личностные факторы способны удержать его от них, имеют большое практическое значение.